

Подписные индексы
ОАО Агентство «Роспечать»: 46811

«Сила власти государственной всегда измеряется
народным благосостоянием»

Андрей Карлович Шторх (1766–1835),
*первый российский академик
в области политической экономии и статистики,
вице-президент Санкт-Петербургской Императорской Академии наук*

ISSN 1990-9780
Экономическое возрождение России
№4 (54) 2017

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ №4 (54) 2017

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

СОДЕРЖАНИЕ:

К новому индустриальному обществу второго поколения: образование и развитие личности * Россия и Китай: «Единая Евразия и Шелковый путь» как ответы на вызовы истории * Корпоративный эмиссионный механизм и финансовый рынок: современные трансформации * Непрерывное повышение качества организаций как основа развития экономики России * Проблемы развития инновационной активности предприятий * Коммерциализация российского высшего образования: историко-логические контрапункты * Промышленная политика: вызовы нового индустриализма и неизбежность адекватного политико-экономического выбора *

№4 (54)

2017

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

Редакционная коллегия журнала «Экономическое возрождение России» принимает на рассмотрение статьи по актуальным вопросам базисной и прикладной экономической теории, хозяйственной практики и научной жизни экономического сообщества.

Научные статьи должны включать следующие элементы: постановку проблемы в общем виде, обоснование ее связи с важнейшими научными или практическими задачами; анализ последних исследований и публикаций (в том числе иностранных), в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор; выделение не решенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья; формулирование целей статьи (постановку задания); изложение основного материала с полным обоснованием полученных научных результатов; выводы из исследования и перспективы дальнейших поисков в данном направлении.

Обязательны ссылки на источники статистических данных, а также на использованную литературу. Ссылки на собственные публикации являются некорректными.

Кроме текста статьи необходимо представить название, аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках, а также УДК.

Автор гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на представленное произведение (статью).

Просьба направлять статьи на электронный адрес: evr@inir.ru и в виде распечатки на бумаге по адресу: 197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16. Каждая статья должна быть представлена отдельным файлом в формате MS Word, иллюстрации – в черно-белом варианте в формате tiff или jpg.

Для представления авторов просьба полностью указывать фамилию, имя, отчество, название учреждения, в котором автор работает, должность, ученую степень и звание, а для общения с редакцией – адрес электронной почты и телефон. Редакция оставляет за собой право делать необходимые редакционные исправления и сокращения, принимать решение о тематическом несоответствии материала, предлагаемого для публикации. Статьи, соответствующие тематике журнала, отсылаются на рецензирование специалистам.

С аспирантов плата за публикацию не взимается.

Редакция доводит до сведения авторов, **что издатель журнала заключил договор о передаче ООО «РУНЭБ» неисключительных прав на использование как журнала «Экономическое возрождение России» в целом, так и произведений (статей) авторов путем создания их электронных копий и распространения любым способом, в том числе путем размещения в интегрированном информационном ресурсе в российской зоне интернета НЭБ, без выплаты автору и иным лицам вознаграждения. При этом каждый экземпляр произведения (статьи) будет содержать имя автора произведения (статьи).**

Подписка осуществляется по каталогу ОАО «Агентство «Роспечать»».

Сведения о подписке через редакцию можно получить по телефону: (812) 313-82-68 или e-mail: evr@inir.ru.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

№ 4 (54) 2017

Периодическое научное издание

Исторический учредитель – Общество
«Экономическое возрождение России» (1915 г.),
действующий учредитель – С. Д. Бодрунов

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (*Свидетель-
ство о регистрации средства массовой информации от 27.08.2012 г.*
ПИ № ФС77-50990).

Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте

в сотрудничестве с Межрегиональной
Санкт-Петербурга и Ленинградской области
общественной организацией
Вольного экономического общества России

**Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть опу-
бликованы основные научные результаты диссертаци-
онных исследований на соискание ученых степеней доктора и канди-
дата наук (Решение Президиума Высшей аттестаци-
онной комиссии Минобрнауки России от 2 февраля
2012 года № 8/13).**

Журнал включен в базу данных «Российский индекс
научного цитирования» и размещается на сайте Научной
электронной библиотеки (НЭБ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук, профессор;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд. экон. наук;
Е. М. Рогова, руководитель экспертной группы журнала, д-р
экон. наук, профессор;
Д. Л. Драндин, канд. экон. наук.

Институт нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте работает под научно-методическим руковод-
ством Отделения общественных наук РАН.

Директор ИНИР — С. Д. Бодрунов
Научный руководитель ИНИР — Р. С. Гринберг

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержа-
щихся в настоящем издании, допускается с письменного раз-
решения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое воз-
рождение России» обязательна.

Электронная версия журнала e-v.r.g.u

Выпускающий редактор Л. А. Мозгунова
Верстка И. В. Фёдорова

Адрес редакции и издателя:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: (812) 313-82-68, E-mail: evr@inir.ru
Подписано к печати 14.12.2017 г.
Формат 84 × 108 1/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 10,0. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 2000 экз. Заказ 311.

Свободная цена

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, д. 12
© ИНИР им. С. Ю. Витте: составление, редакционная
подготовка, 2017

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. В. Ивантер, д-р экон. наук, профессор, академик РАН,
председатель научно-редакционного совета;
А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор;
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Дж. К. Гэлбрейт, д-р экон. наук, профессор Техасского
университета в Остине (США);
И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Непителов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
П. Нолан, профессор Кембриджского университета
(Великобритания);
Л. Васа, д-р экон. наук (Венгрия);
В. В. Окрепиллов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Г. Х. Попов, д-р экон. наук, профессор;
З. А. Самедзаде, д-р экон. наук, профессор, академик
НАН Азербайджана;
Ж.-Л. Трюэль, профессор Университета Париж-12
(Франция)

MEMBERS OF THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

V. V. Ivanter, Doctor of Economics, Professor, academician of
Russian Academy of Sciences, Chairman of the scientific edi-
torial board;
A. A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian
Academy of Sciences;
L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;
S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;
R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, correspond-
ing member of Russian Academy of Sciences;
J. K. Galbraith, Doctor of Economics, Professor of the Uni-
versity of Texas at Austin (USA);
I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding
member of Russian Academy of Sciences;
A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;
V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian
Academy of Sciences;
I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;
A. D. Nikipelov, Doctor of Economics, Professor, academi-
cian of Russian Academy of Sciences;
P. Nolan, Professor of University of Cambridge (Great Britain);
L. Vasa, Doctor of Economics (Hungary);
V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician
of Russian Academy of Sciences;
G. Kh. Popov, Doctor of Economics, Professor;
Z. A. Samedzade, Doctor of Economics, Professor, academi-
cian of National Academy of Sciences of Azerbaijan;
J.-L. Truel, Professor of University of Paris-12 (France)

CONTENTS

Foreword from the Editor-in-Chief	
<i>Bodrunov S. D.</i> Towards the new industrial society of the second generation: education and personal development	5
On the way to revival	
<i>Grinberg R. S., Starikov I. V.</i> Russia and China: «the United Eurasia and the Silk road» as the responses to the challenges of history	11
<i>Gorodetsky A. E.</i> Industrial policy: challenges of new industrialism and inevitability of making an adequate political and economic choice	17
<i>Nikolaev S. N.</i> Continuous improvement of quality of agencies is the basis of economic development of Russia	30
<i>Yakovleva N. G.</i> Commercialization of Russian higher education: historical and logical counterpoints	49
Problems of economic development	
<i>Latypova R. R., Yushkova V. V., Kolesnikov A. M.</i> Problems of development of innovative activities of the enterprises	59
<i>Brizhak O. V.</i> Corporate emission mechanism and the financial market: modern transformations	67
<i>Barashkova O. V.</i> Evaluation of the readiness of the Russian regions to reindustrialization: the substantiation of the methodology and the analysis of the results.....	74
<i>Ganieva M. K.</i> Analysis of the return on investment and peculiarities of the investment development of the oil industry in modern conditions	83
<i>Shachin S. V., Shachina A. Ju., Komleva L. A.</i> Conceptual bases of industrial policy of modern Russia	90
<i>Ulbashev A. Kh.</i> Theoretical and methodological basics of intermediate consumption in intersectoral cooperation of innovative production complexes	101
Business economics and innovation	
<i>Sirotkin V. B.</i> Coercion to rational behavior: pitfalls of following algorithms	108
<i>Pyankova S. G.</i> Methodological approach to the formation and implementation of strategic planning documents for municipalities	127
Essays on the economy	
<i>Bodrunov S. D.</i> Review of russiaand the long transition from capitalism to socialism by Samir Amin	136
<i>Bodrunov S.D.</i> Textbook or «Practical Instruction»? On General Theory of Market Economy by Academician of the Russian Academy of Sciences A. D. Nekipelov (essay)	141
Abstracts	143
Article excerpts (in English)	
<i>Bodrunov S. D.</i> Towards the new industrial society of the second generation: education and personal development	150
<i>Grinberg R. S., Starikov I. V.</i> Russia and China: «the United Eurasia and the Silk road» as the responses to the challenges of history	152
<i>Gorodetsky A. E.</i> Industrial policy: challenges of new industrialism and inevitability of making an adequate political and economic choice	154

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово главного редактора <i>Бодрунов С. Д.</i> К новому индустриальному обществу второго поколения: образование и развитие личности	5
По пути к возрождению <i>Гринберг Р. С., Стариков И. В.</i> Россия и Китай: «Единая Евразия и Шелковый путь» как ответы на вызовы истории	11
<i>Городецкий А. Е.</i> Промышленная политика: вызовы нового индустриализма и неизбежность адекватного политико-экономического выбора	17
<i>Николаев С. Н.</i> Непрерывное повышение качества организаций как основа развития экономики России	30
<i>Яковлева Н. Г.</i> Коммерциализация российского высшего образования: историко-логические контрапункты	49
Проблемы развития экономики <i>Латыпова Р. Р., Юшкова В. В., Колесников А. М.</i> Проблемы развития инновационной активности предприятий	59
<i>Брижак О. В.</i> Корпоративный эмиссионный механизм и финансовый рынок: современные трансформации	67
<i>Барашкова О. В.</i> Оценка готовности регионов России к реиндустриализации: обоснование методики и анализ результатов	74
<i>Ганиева М. К.</i> Анализ отдачи инвестиций и особенности инвестиционного развития нефтяной отрасли в современных условиях	83
<i>Шачин С. В., Шачина А. Ю., Комлева Л. А.</i> Концептуальные основания промышленной политики современной России	90
<i>Ульбашев А. Х.</i> Теоретические и методические основы оценки промежуточного потребления в межотраслевом взаимодействии инновационных производственных комплексов	101
Экономика предпринимательства и инновации <i>Сироткин В. Б.</i> Принуждение к рациональному поведению: ловушка деятельности согласно алгоритмам	108
<i>Пьянкова С. Г.</i> Методологический подход к формированию и реализации документов стратегического планирования муниципальных образований	127
Экономическая эссеистика <i>Бодрунов С. Д.</i> Рецензия на книгу Самира Амина «Россия: долгий путь от капитализма к социализму»	136
<i>Бодрунов С. Д.</i> Учебник или «научебник»? О книге академика РАН А. Д. Некипелова «Общая теория рыночной экономики» (эссе)	141
Рефераты	143
Извлечения из статей (на английском языке) <i>Бодрунов С. Д.</i> К новому индустриальному обществу второго поколения: образование и развитие личности	150
<i>Гринберг Р. С., Стариков И. В.</i> Россия и Китай: «Единая Евразия и Шелковый путь» как ответы на вызовы истории	152
<i>Городецкий А. Е.</i> Промышленная политика: вызовы нового индустриализма и неизбежность адекватного политико-экономического выбора	154

Уважаемые читатели!

Информируем Вас, что 12 мая 2017 г. в Кембриджском университете в рамках Международного форума «За пределами глобализации: перспективы для Евразии» между журналом «Экономическое возрождение России» и «Кембриджским журналом евразийских исследований» (Великобритания, Кембридж) подписано соглашение о сотрудничестве.

«Кембриджский журнал евразийских исследований» является междисциплинарным изданием и публикует материалы, посвященные исследованию социальных, экономических, политических и культурных процессов в Евразии. Особое внимание уделяется статьям, в которых рассматриваются как секторальные или субрегиональные вопросы, так и более широкий спектр проблем. Журнал заинтересован в публикации переводных статей представителей евразийского научного сообщества.

В соответствии с соглашением, российские специалисты имеют возможность опубликовать свои статьи в «Кембриджском журнале евразийских исследований». Для этого статью, оформленную в соответствии с требованиями «Кембриджского журнала евразийских исследований» (размещены на сайте Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте (<https://inir.ru/is/>)), необходимо представить в журнал «Экономическое возрождение России» для предварительного рецензирования.

*Редакция журнала
«Экономическое возрождение России»*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

С. Д. Бодрунов¹

К НОВОМУ ИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ: ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Проблема духовно-нравственной компоненты образования, формирования личности в контексте исследования проблем экономического развития нечасто привлекает внимание научной общественности, во всяком случае, она не акцентирована. Тем не менее она актуальна, и ее актуальность постоянно возрастает. Почему?

Дело в том, что период, который переживает сегодня мировая экономика, а с ней – и экономика нашей страны, уникален. Мы живем в эпоху глобального перехода на новый технологический уклад. Специфика этого перехода заключается в *особом качестве состава* базовых технологий, формирующих лицо нового технологического уклада, – настолько революционных, что их повсеместное внедрение, безусловно, повлечет радикальное изменение и экономических институтов, и нашей жизни, и общества в целом. Принципиальные изменения ожидаются в структуре и состоянии духовной сферы, культуры, человеческого потенциала. Новые вызовы должны найти адекватное отражение в системе образования.

Мы называем грядущее общественное устройство, базирующееся на качественно иной, чем ныне, технологической базе, качественно ином продукте и иной экономике, «новым индустриальным обществом второго поколения» (НИО.2) [1]. Нынешнее состояние общества, эпоху перехода к НИО.2, называют новой технологической (индустриальной) революцией. Кто будет ее бенефициарами? Ответ на этот вопрос весьма важен: необходимо не скатиться в «махровый технократизм», отказаться от представления, что общество будущего – исключительно технотронное. Во главе всех изменений должен стоять человек, ценность которого для цивилизационного развития является неприходящей. Этот постулат надо иметь в виду при проектировании будущего, формировании рунла, в котором будут развиваться процессы технологического развития [2].

Очевидно, что в выигрыше будут экономические акторы (предприниматели, экономические субъекты, страны), которые раньше других осознают суть грядущих перемен, найдут эффективные пути опережающего развития технологий, технологической модернизации и связанных с ними процессов формирования и развития человеческого

¹ Сергей Дмитриевич Бодрунов, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, д-р экон. наук, профессор.

капитала и предложат эффективные механизмы такой модернизации. Экономические лидеры будущего – это технологические лидеры, обладающие высокой социальной ответственностью. Те, кто сегодня не успеют «оседлать цунами» технологического прогресса, рискуют навсегда отстать в экономическом развитии, стать акторами второго уровня, скажем точнее (и жестче) – «второго сорта».

Каковы позиции России в начавшейся гонке? Есть ли у нас шансы попасть в число лидеров? Или наша доля – быть «второсортной» страной, обслуживающей интересы будущих экономик-лидеров? К сожалению, экономическое развитие современной России не отличается устойчивостью – ни в системном понимании этого термина, ни в том смысле, который вкладывается в него в документах ООН: развитие, обеспечивающее устойчивые результаты как для нынешних, так и для будущих поколений и, как минимум, не разрушающее окружающую среду.

Темпы экономического роста в Российской Федерации с момента ее образования как суверенного государства постоянно колеблются, что не позволило за все эти годы сколько-нибудь заметно вырваться за пределы дореформенного уровня экономического развития. Это касается и последних нескольких лет – из официальной статистики даже невозможно понять – есть ли у нас рост или продолжается спад.

Аналогично можно оценить и итоги реформ в системе образования. Реформаторство в этой области, несмотря на поддержку его значительными объемами ресурсов, пока не дает видимых положительных результатов. Напротив, согласно международным тестам, уровень подготовки школьников и выпускников школ снижается, а вхождение хотя бы нескольких российских вузов в мировой топ-100 преподносится как национальная сверхзадача. И все это – на фоне деструктивных процессов в сфере общественной морали и нравственности, которые не могут рассматриваться в отрыве от системы образования, где не только передаются знания, но и происходит воспитание новой личности.

Одна из глубинных причин экономических и социальных неудач – структура российской экономики, сложившаяся за пореформенный период и весьма тяжело поддающаяся изменениям. Она – излишне «тяжелая», существенно зависит от эксплуатации природных ресурсов, добычи и экспорта различного сырья, прежде всего – углеводородного. Самое неприятное, что произошла институционализация такой нерациональной и неэффективной структуры, ее закрепление в системе не только формальных норм (законы, постановления, стратегии, программы и т. д.), но и неформальных (стереотипы поведения людей в экономике и их экономическая «картина мира», система ценностей хозяйственного поведения – особенно у молодежи). Происходит разрыв между выдвигаемыми обществом и государством целями экономического и социального развития, отвечающими вызовам времени, и средствами, применяемыми для их достижения.

Итогом этого разрыва является невысокая конкурентоспособность отечественной продукции на внешних и внутренних рынках, низкая конкурентоспособность российских образовательных услуг в мире, что обусловлено технологическим отставанием отечественных предприятий от компаний не только из развитых, но и многих развивающихся стран. И хотя в России уже длительное время проводится экономическая политика, формально имеющая верные стратегические цели – создание современного социально ориентированного рыночного хозяйства, обеспечивающего модернизационную стратегию развития, учитывающего приоритет технологических и социальных факторов, однако для достижения этих целей выбраны неадекватные средства. Опора

на идеологию «рыночного фундаментализма» привела к стагнации в экономике со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для страны.

Негативное влияние эта идеология оказала и на духовно-нравственные основы развития общества. Не идеализируя советское прошлое, отметим, что российский вариант капитализма, сформировавшийся в стране за последние более чем 25 лет, ориентирует на противопоставление личных эгоистических интересов индивидов (в том числе в хозяйственном поведении) интересам общества в целом. Такой конфликт интересов, если не принять мер к его смягчению и конструктивному разрешению, способен разрушить не только общество, но и материальную основу его существования – экономику. Разрушить – путем развития и институционализации моделей деструктивного, оппортунистического поведения.

Что делать в этой ситуации? С экономических позиций речь должна идти о преодолении деиндустриализации и переходе к политике нового индустриального развития, результатами реализации которой должны стать кардинальное обновление всех составляющих жизни российского общества и формирование предпосылок для успешного перехода к новому индустриальному обществу следующей генерации. Успешная реиндустриализация даст и ресурсы для поддержки и эффективного развития образования.

Экономический результат деиндустриализации – общий упадок и утрата целых направлений производственной деятельности, секторов производства, нередко – без возможности их восстановления [3]. Одновременно с этим – это деквалификация работников, люмпенизация не только отдельных социальных слоев, но и населения обширных территорий, в том числе так называемых моногородов. Безусловно, о социальной гармонии в такой ситуации не приходится говорить. Если эти тенденции не будут преодолены, технологическая слабость российских производителей будет прогрессировать, а социальные противоречия – нарастать.

Как показывает анализ, неотъемлемым фактором развития современной мировой экономики, определяющим тренды ее дальнейшей эволюции, является сохранение и наращивание индустриально-технологического ядра производства. Выход индустриального производства на качественно новый технологический уровень будет определять лицо экономики будущего. В ближайшие годы конкурентоспособными будут лишь те экономики, которые сумеют занять лидирующие позиции в сфере развития и применения передовых технологий, обеспечив при этом высокое качество человеческого капитала, способного их реализовать, – это непреложный факт. Экономические лидеры будущего – не просто лидеры технологические, но еще и те, экономики которых будут отличаться социально-гуманистической направленностью. Последний вывод мы особенно хотим подчеркнуть.

Заметим, что еще в 2012 г. Президент России В. В. Путин в предвыборных статьях сформулировал необходимость ориентации на технологическое лидерство России [4] как важное условие выхода из сложившейся кризисной ситуации. На Петербургском экономическом форуме в 2014 г. [5] В. В. Путин еще более настойчиво заявил о необходимости проведения в России технологической революции. Об этом же, с конкретизацией и упором на информационно-цифровые технологии, было сказано в президентском послании Федеральному Собранию РФ за 2016 г. [6]. Наконец, на Санкт-Петербургском экономическом форуме 2017 г. [7] В. В. Путин прямо заявил о принятии в качестве приоритетного направления развития нашей экономики задачи ее цифровизации.

Очевидно, что появляется понимание векторов этих технологических изменений – они неразрывно связаны с информационной революцией и цифровизацией всех сфер человеческой деятельности. Современный мир стремительно движется к знание-емкой экономике НИО.2, главной особенностью которой и основным конкурентным преимуществом станет «ускорение ускорения» научно-технического прогресса. Но это ускорение не осуществится автоматически. Для запуска соответствующих механизмов нужны люди, готовые принять личную ответственность не только за свое будущее и своих близких, но и за будущее более широких социальных групп и страны в целом. Бездуховное, безнравственное развитие (и примеры этому мы часто видим в прошлом) приводит, в конечном итоге, к социальным потрясениям, итогом которых является «срыв» с траектории развития и снижение не только социальных, но и экономических показателей. Этого нельзя допустить.

Отметим, что во всех проектах программ развития, представляемых Президенту России, в том числе конкурирующих – А. Кудрина [8] и Б. Титова/С. Глазьева [9], проблема преодоления технологического отставания занимает приоритетное место. Эта задача в рамках перспективного технологического уклада мировой экономики лежит в плоскости перевода на «цифру» всей технологической инфраструктуры, составляющей основу новой индустриальной экономики будущего. Без цифровизации технологическая инфраструктура нового индустриального общества не сможет нормально функционировать, поскольку мир в течение ближайшего десятилетия перейдет к новому технологическому укладу, а его важнейшая особенность – непрерывное изменение технологий как неотъемлемая часть производственного процесса. Отсюда – новые требования к информатизации и цифровизации, к людям, которые должны обеспечить эти процессы.

Но и это еще не все. Новыми технологиями, в том числе информационными, которые настойчиво проникают в экономику, в общественные процессы (достаточно указать на феномен электронного правительства, который уже стал частью повседневной жизни граждан и компаний) и даже в быт населения, должны владеть будущие производители качественно иного продукта в экономике будущего общества. Поэтому все более актуальными становятся интеграция производства, науки и образования [10] и непрерывность образовательного процесса – «обучение через всю жизнь» [11].

Впереди – другая экономика и другая жизнь, новые задачи и новые возможности. Причем во всех сферах жизни. И люди должны быть готовы к изменениям, связанным с колоссальными сдвигами в технологиях, материалах, способах их обработки, методах организации производства и управления. Система непрерывного образования должна сыграть в этих вопросах определяющую роль.

Формирование и развитие технологического фундамента нового индустриального общества следующего поколения остро ставит проблему управления этими процессами, выбора показателей и критериев эффективности. Количественные показатели индустриальной эпохи, базирующиеся на подсчете величины валового продукта, оказываются в новой реальности неадекватными. Они слабо коррелируют с качеством жизни людей и ценностью производимых продуктов, морально-нравственным и культурным развитием, а именно эти параметры определяют конкурентоспособность. Сегодня на первый план выходит *качество* экономики, экономического развития, удовлетворения человеческих потребностей, каждого индивида и общества в целом, качество жизни и т. д.

Происходящий в рамках очередной технологической революции переход к новому технологическому укладу, безусловно, изменит качественную сторону экономики

и социальной действительности. При этом вывод большинства авторитетных экспертов однозначен: главным механизмом достижения нового качества экономического развития, базовой парадигмой устойчиво развивающейся, а не стагнирующей российской экономики должна стать ее реиндустриализация. А главная цель реиндустриализации – восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты. Причем речь идет не о простом количественном наращивании производства, а о создании новых высокотехнологичных производств на основе использования элементов передового технологического уклада. Спецификой последнего, задающего базис для обеспечения конкурентоспособности отечественного производства, является опора на практическое применение знаний. С экономической точки зрения это означает, что все большую долю в добавленной стоимости занимает научное знание, имплементированное в производственный процесс и в его результат – индустриальный продукт. Отсюда – введение в обиход термина «инновация», означающего новшество, созданное путем прикладного освоения научного знания, его адаптации и встраивания в технологические и социально-экономические процессы.

При этом сколь бы совершенные технологии и технические системы ни разрабатывало человечество – вплоть до создания искусственного интеллекта, основной движущей силой развития, источником новых знаний были и остаются люди. От их духовно-нравственного здоровья, уровня образованности, социального комфорта и т. д. зависит, будет ли их творческая деятельность успешной и конструктивной или превратится в «имитаторство».

Сегодня особенно важна тенденция к нарастанию темпов технологических изменений, происходящих со все большим ускорением, что становится одной из важнейших особенностей экономической системы нового индустриального общества. Вследствие этого принципиальное значение приобретает темп перевода научных достижений в индустриальное производство, в его компоненты, в индустриальный продукт. Важную роль в этом играет система образования, университеты, которые объединяют в себе элементы научной и образовательной деятельности.

Очевидно, что индустриальное производство должно приобрести (и в ряде случаев уже приобретает) характер непрерывной инновации. Это означает, что перспективы устойчивого развития экономики России неразрывно связаны с высокими темпами, широтой охвата и непрерывностью инновационных процессов, кардинально изменяющих ее технологическую основу; с вовлечением в творческую инновационную деятельность широких слоев населения. Но решение этой задачи невозможно без формирования у людей чувства социальной причастности к происходящим в стране изменениям.

Можем ли мы сегодня, понимая особенности грядущих глобальных изменений и состояние нашей экономики и наших институтов, рассчитывать на успешное достижение лидерских позиций?

Полагаю, что у России, нашей экономики и нашего общества есть шанс. Академик С. Глазьев в ряде своих работ [12–14] обосновал возможность технологического скачка для отстающих экономик, позволяющего выйти на уровень экономик-лидеров. Это возможно в периоды глобального перехода мировой экономики к новым технологическим укладам – при наличии ряда параметров и факторов развития. Не вдаваясь в подробности академического анализа, подчеркнем: такой период наступил и такие возможности у нас есть. Для ответа на стоящие перед нами глобальные вызовы в экономике России и ее социальной сфере, прежде всего – в системе образования, должны решительно и достаточно быстро произойти системные изменения.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте. – 328 с.
2. Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения) / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2017. – 606 с.
3. Бодрунов, С. Д. Российская трагедия – деиндустриализация отечественной экономики / С. Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2013. – 34 с.
4. Путин, В. В. Нам нужна новая экономика / В. В. Путин // Ведомости. – 30.01.2012. Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah.
5. Выступление В. В. Путина на ПМЭФ-2014 // Российская газета. – 23.05.2014. Режим доступа: <https://rg.ru/2014/05/23/stenogramma.html>.
6. Послание Президента Федеральному Собранию. – 01.12.2016. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>.
7. Владимир Путин выступил на пленарном заседании ПМЭФ-2017. – 02.06.2017. Режим доступа: <http://kbrria.ru/politika/vladimir-putin-vystupil-na-plenarnom-zasedanii-pmef-2017-18879>.
8. Кудрин обнародовал программу развития России на семь лет вперед. Режим доступа: <http://bigsmi.com/news/23283-kudrin-obnarodoval-programmu-razvitiya-rossii-na-sem-let-vpered.html>.
9. Среднесрочная программа социально-экономического развития России до 2025 года. Режим доступа: <http://stolypinsky.club/strategiya-rosta-3/>.
10. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2016. – №2 (48). – С. 5–14.
11. Смолин, О. Н. Образование – фундамент культуры / О. Н. Смолин // Свободная мысль. – 2012. – № 1/2. – С. 7–23.
12. Глазьев, С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. – М.: Экономка, 2010. – 255 с.
13. Глазьев, С. Ю. Новый курс: стратегия прорыва / С. Ю. Глазьев // Экономические стратегии. – 2014. – Т. 16, №1 (117). – С. 6–15.
14. Глазьев, С. Ю. Переход на новый – гуманитарный технологический уклад / С. Ю. Глазьев // Модернизация российской экономики. Уроки прошлого, шансы, риски. – М., 2012.

ПО ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

Р. С. Гринберг¹, И. В. Стариков²

РОССИЯ И КИТАЙ: «ЕДИНАЯ ЕВРАЗИЯ И ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» КАК ОТВЕТЫ НА ВЫЗОВЫ ИСТОРИИ

Согласно теории историко-цивилизационного развития Арнольда Тойнби, только эффективные ответы на концентрированные исторические вызовы обеспечат выживание, развитие и процветание исторически сложившейся цивилизации.

Попытаемся проанализировать – какие концентрированные исторические вызовы стоят перед двумя соседними государствами (общая граница – 4 209,3 км), но разными цивилизациями – Россией и Китаем.

Китай является одной из наиболее динамично развивающихся экономик мира. В последние годы он обеспечивает более 25 % роста мировой экономики.

На саммите групп G20 в Турции Председатель КНР Си Цзиньпин уверенно заявил, что Китай и впредь будет поддерживать средние и высокие темпы экономического роста, тем самым продолжая создавать возможности для развития других стран. И такая уверенность представляется вполне обоснованной. На недавнем съезде компартии КНР утвержден план развития страны до 2020 г. Все граждане Китая, число которых должно составить 1,4 млрд человек, выйдут на «сяокан» – достигнут уровня среднего достатка. Тем самым должна быть выполнена первая из двух столетних задач страны, включенных в программу «Китайская мечта». Темпы роста народного хозяйства в грядущие 5 лет не опустятся ниже 6,5 %, что позволит к 2020 г. удвоить объем ВВП. Рост цен не превысит 3 % в год. Будет создано более 10 млн рабочих мест в городах в 2016 г. и около 50 млн за всю 13-ю пятилетку. Уровень безработицы составит в городах не более 4,5 % – один из самых низких показателей среди развитых экономик мира.

На долю постоянных городских жителей к 2021 г. будет приходиться 60 % населения страны. Грядущая урбанизация, несомненно, приведет к расширению внутреннего рынка, повышению культуры, изменению образа жизни нации. Одновременно запланировано снижение числа сельских жителей, живущих за чертой бедности: борьба

¹ *Руслан Семенович Гринберг*, научный руководитель Института экономики РАН, научный руководитель Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор.

² *Иван Валентинович Стариков*, ведущий сотрудник Института экономики РАН, действительный государственный советник Российской Федерации, канд. экон. наук.

с нищетой в отсталых уездах и районах Китая должна завершиться окончательной победой над этим наследием прошлого к 2021 г.

Социализм с китайской спецификой «Одна страна – две системы» – творение великого реформатора Дэн Сяопина. Он создал уникальную экономическую модель сосуществования крупной государственной собственности с частным средним и малым предпринимательством, благодаря которой КНР, опираясь на созидательную энергию китайской нации, вышла на мировые рынки товаров и технологий. При этом Китай сознательно ограничивал свою внешнеполитическую активность ради накопления сил и последующего рывка вперед. В 1980–1990-е гг. были обеспечены беспрецедентные темпы развития, однако, в начале XXI в. страна стала утрачивать динамизм и эффективность.

С приходом в Чжуннаньхай нового руководства во главе с Си Цзиньпином в 2011 г. был сформулирован и утвержден комплекс экономических и социальных реформ.

Если раньше минимально приемлемыми назывались темпы 7,5...8 % прироста ВВП, то сейчас главный акцент делается на качественные показатели развития, и рост на уровне 5...6 % признается «новой нормой». Тут есть чему порадоваться и евангелистам неоллиберализма, и сторонникам государственного регулирования. Например, Китай переходит к полной отмене ограничений операций по капитальным счетам, смягчает ограничительную политику на рынке недвижимости, снижает до 50 % импортные тарифы на дорогие косметические средства, европейскую одежду и другие товары класса люкс. Это перенаправит в Китай спрос богатых отечественных туристов, которые предпочитали совершать покупки в Европе и США.

«Народный банк КНР» в мае 2015 г. в очередной раз снизил учетные ставки по кредитам и депозитам на 0,25 п.п., месяцем раньше на 0,5 п.п. были снижены требования по нормативу резервных средств, а для Сельскохозяйственного банка – на дополнительные 4 п. п. (в целях стимулирования кредитования аграрного комплекса). Можно сделать вывод, что политика Банка Китая будет направлена на увеличение кредитов малым и средним предприятиям.

Вместе с тем в общем направлении либерализации экономики Китая есть и обратные тенденции, например, усиление партийного контроля над работой госкорпораций. Си Цзиньпин озвучил идею (фактически план) о том, что партия сохранит контроль над госкорпорациями, будет назначать их руководителей, а партийные структуры будут интегрированы в их управленческую структуру.

В военно-политической сфере Си проводит линию на «диалог и твердость» и «возвращение Китаю мирового исторического признания». В пропаганде акцентируется мысль, что именно победа Китая в войне с Японией предотвратила открытие второго фронта против СССР и тем самым обеспечила победу советской армии.

Заявленная экономическая политика команды Си невозможна без жесткой антикоррупционной кампании, которая затрагивает практически все сферы китайского общества. После пожизненных приговоров Бо Силаю и Чжоу Юнкану (оба входили в первую десятку высших руководителей страны) стало ясно, что Си Цзиньпин показывает китайскому обществу – неприкасаемых больше нет, и он намерен навсегда разорвать коррупционную связь власти и бизнеса.

Растущее ожесточенное сопротивление антикоррупционной политике нового китайского руководства требует крупного стратегического позитива для нации. Предложенный проект Шелковый путь выступает в этой исторической роли. Темпы прироста внутреннего потребления недостаточны для компенсации потерь от замедле-

ния темпов прироста внешнеторгового оборота в целом и экспорта, в частности. В этих условиях китайское правительство выбирает довольно логичный путь создания спроса на китайские высокотехнологичные товары за рубежом. Формулируются внешнеэкономические стратегии экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI в.

Экономический пояс Шелкового пути – это не институциональный процесс, он направлен на достижение определенных целей:

- расширение рынка сбыта китайской продукции;
- стимулирование развития экономики страны;
- модернизация экономики;
- изменение структуры и направления экспорта;
- трансформация корпоративной карты региона;
- реиндустриализация внутренних провинций Китая;
- уменьшение внутренней миграции;
- закрепление экономико-географической ориентации КНР;
- увеличение доли юаня в мировой торговле;
- повышение эффективности китайского бизнеса;
- снижение потенциала конфликтности.

В конечном итоге Китай начинает трансформацию мирового экономического и политического пространства, заявляя о себе как о новом центре многополярного мира. И страны на постсоветском пространстве (включая Россию), и региональные державы Азии (Корея, Япония, Индия, Иран и Турция), вопреки своему желанию, попадают в «силовое поле» Китая, стремящегося к более интенсивной экспансии своих товаров, услуг и капиталов на рынки развитых стран Европы или государств, находящихся в орбите влияния ЕС и США.

Прокладывая новый Шелковый путь в обход России, Китай постепенно, но последовательно уменьшает значимость Москвы. Нет сомнений, что это будет способствовать дальнейшему укреплению Пекина в двусторонних отношениях и снижению роли России на международной арене.

Таким образом, к 100-летию юбилею образования КНР (2049 г.) поставлена задача – выполнить вторую часть программы «Китайская мечта» и превратить Поднебесную в самую могучую мировую державу.

К сожалению, у России, в отличие от ее восточного соседа, пока нет осмысленного проекта национально-государственного будущего. Экономика страны находится в состоянии стагнации, и макроэкономические прогнозы Правительства РФ и международных финансовых институтов не добавляют оптимизма. Падают реальные доходы населения, растет бедность, появляются признаки дефляционной спирали, блокирующей надежды на возобновление экономического роста за счет внутреннего потребительского рынка.

Во внешней политике усиливаются санкционные режимы, страна исключена (либо находится на пороге выбывания) из важнейших международных политических и экономических институтов, нарастает геополитическое одиночество России. Ситуация усугубляется тем, что вчерашние союзники, страны по социалистическому лагерю (включая бывшие республики СССР) сегодня в значительной мере являются оппонентами, а по ряду вопросов – противниками РФ. Антироссийский вектор является важным рычагом и приводным механизмом формирования, становления и развития их национально-государственных идентичностей (в особенности это относится к новым постсоветским государствам).

Перед Россией как государством и цивилизацией встает ряд драматических вызовов: геополитических, политических, геоэкономических, экономических, социальных. К числу основных относятся следующие:

1. Эрозия / ослабление контроля центральной российской власти (Москвы) над территорией страны, занимающей большую часть евразийского хартленда (Eurasian Heartland).

2. Формирование и закрепление архаичной и стратегически бесперспективной экономической модели, предполагающей опору на безраздельную эксплуатацию сырьевого комплекса и экспорт сырой нефти / природного газа («сырьевая модель») при одновременном установлении критической зависимости от импорта потребительских товаров, технологий, а отчасти и кадров.

3. Закономерно и неизбежно сопутствующий сырьевой модели распад научно-технологического потенциала, унаследованного Россией от СССР.

4. Критический износ национальной инфраструктуры, обусловленный исчерпанием инфраструктурного задела, созданного во времена СССР, и отсутствием ощутимых инвестиций (как государственных, так и частных, за исключением трубопроводного транспорта) в инфраструктуру в постсоветский период российской истории.

5. Правящая элита, которая действует в экономической парадигме утилизации советского наследия и не обладает созидательной стратегической программой национально-государственного будущего.

6. Падение ниже критического уровня политического и культурного влияния России на пространстве ее бывшей (российско-советской) империи, которое по своим контурам и границам примерно совпадает с евразийским хартлендом.

7. Качественное усиление влияния на евразийском хартленде новых геополитических игроков – региональных модераторов, альтернативных России, в первую очередь: Китая – на Дальнем Востоке и в Центральной Азии; Турции – на Кавказе.

8. Критическое нарастание диспропорций в социально-экономическом развитии регионов России. В первую очередь – формирование и развитие у ряда регионов Сибири и Дальнего Востока «комплекса колонии». Возникновение первичных сепаратистских тенденций в азиатской части России. Начало переориентации ряда регионов РФ на внешние – находящиеся за пределами страны – центры влияния и силы; в частности, Дальнего Востока и Восточной Сибири – на Китай; Северного Кавказа – на Турцию и арабский мир.

9. Критическое снижение уровня экономической, социальной, отчасти – ментальной связности территории России. Формирование на российской территории первичных субцивилизационных разломов между европейской и азиатской частями РФ, между собственно Россией и Северным Кавказом.

10. Взрыв коррупции, которая на протяжении постсоветского периода российской истории стала необходимым условием осуществления управленческих функций на всех уровнях – федеральном, региональном и муниципальном.

По заданию Правительства РФ многочисленные группы экспертов предлагают стратегии дальнейшего развития страны, в том числе до 2030 г. В этих работах отсутствуют конкретные, четко обозначенные цели, экономические ориентиры, финансовые ресурсы и этапы их реализации; они носят, скорее, социокультурный и философско-гуманитарный контекст.

Очевидно, что главным монопольным, но крайне плохо используемым ресурсом, является территория евразийского пространства – те самые 17 млн км² и 11 часо-

вых поясов пространств, уникально расположенных между Восточной Азией и Европой, между двумя глобальными потребительскими рынками.

Нет сомнений, что инерционное развитие России в рамках существующей политико-экономической модели, сложившихся за постсоветский период разрушительных тенденций, на фоне и в условиях действия вышеперечисленных вызовов с высокой вероятностью ведет к фактическому распаду и прекращению существования России как единой историко-политической сущности в перспективе 5–7 лет. Чтобы нейтрализовать негативные тенденции и предотвратить реализацию катастрофического сценария, необходима модернизация политико-экономической модели. Она должна стать осмысленным и содержательным ответом российского государства и общества на 10 исторических вызовов, перечисленных выше.

На наш взгляд, России, как и Китаю, жизненно необходим крупный стратегический позитив, который позволит нации выйти из комплекса национального поражения и углубляющейся депрессии.

Нами подготовлен проект «Единая Евразия», который обозначает направление модернизации России:

- создание социально-политических институтов, которые обеспечат ротацию/модернизацию элит и возьмут на себя ответственность за обеспечение эффективного ответа на комплексный исторический вызов;

- формирование и реализация пула экономических/инфраструктурных мегапроектов, содержащих (полностью или частично) ответы на ряд вышеперечисленных (1...10) исторических вызовов;

- создание предпосылок к формированию новой всемирной геополитической конфигурации, в которой у России будет свое постоянное место, обеспечивающее стабильное долгосрочное партнерство с рядом других мировых игроков/ведущих субъектов мировой политики;

- преодоление субцивилизационных разломов на российской территории и тем самым повышение/восстановление управляемости политического пространства современной России;

- преодоление социально-экономических диспропорций между регионами и макрорегионами РФ, а также развитие межрегиональных горизонтальных связей;

- создание предпосылок для качественного ограничения/снижения зависимости российских регионов/макрорегионов от внешних центров влияния и силы;

- создание стимулов к формированию/возрождению национального научно-технологического потенциала России;

- ограничение амбиций наиболее крупных геополитических игроков, вторгшихся в традиционные исторические ниши России, в первую очередь Китая (КНР).

Проект «Единая Евразия» предполагает масштабное привлечение инвестиций и новейших (передовых, а не морально устаревших) технологий. Он должен стимулировать реиндустриализацию России, в частности, посредством:

- максимально возможного задействования/использования существующего (неразрушенного) индустриального потенциала РФ;

- создания качественно новых производств и даже отраслей национальной индустрии РФ;

- создания 7 млн новых рабочих мест, центров притяжения капитала, труда, услуг (особенно в восточной части страны).

Проект «Единая Евразия» позволяет в максимальной степени использовать естественные и неотчуждаемые преимущества России, в первую очередь:

- лежащую в международно-признанных границах РФ территорию евразийского хартленда, позволяющую эффективно обеспечивать и контролировать грузопотоки между Азиатско-Тихоокеанским регионом и Евросоюзом;
- наличие значительных запасов собственных энергоносителей.

Его реализация должна способствовать восстановлению политико-экономического влияния России в ключевых регионах Земли, в частности, в Западной/Центральной Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Обратимся к данным глобальной логистики: в 2015 г. по маршруту Восточная Азия – Европа проследовало около 40 млн контейнеров весом нетто около 900 млн тонн. Более 90 % всего объема этого грузопотока – через Суэцкий канал, который находится на территории исламского мира, в зоне серьезных военных и политических рисков.

После пяти лет сложнейших переговоров, по инициативе США, создано Тихоокеанское партнерство, куда вошли еще 11 стран, от Японии с Австралией до Канады. А это 40 % глобального ВВП и 30 % мировой торговли. Нет сомнений, что этот новый союз создан в противовес динамично развивающемуся Китаю. Его участникам понадобится новый транспортный коридор между Востоком и Западом. Россия может предложить проект глобального экономического значения «Единая Евразия», в реализации и поддержании которого будут заинтересованы ведущие развитые страны мира.

Реализация проекта:

- позволит избежать доминирования китайских предпринимателей на новых международных площадках и ущерба национальному бизнесу при осуществлении проекта Шелковый путь;
- создаст новую конфигурацию российско-китайских отношений, выведет Россию из статуса ведомого и не позволит двустороннему балансу экономических отношений сместиться в пользу Китая;
- обеспечит формирование нового партнерства с Китаем, США, Евросоюзом на более прочной основе взаимовыгодного совместного транспортного проекта.

Заявленная лидером Китая Си Цзиньпином многовариантность стратегического развития КНР может быть поддержана Россией в случае совместной реализации проектов Единой Евразии и Шелкового пути. В этом случае глобальный транспортный коридор, связывающий потребительские рынки с общим населением в 4 млрд человек, имеющий огромные перспективы для всей мировой экономики, будет прочно стоять на двух ногах: северной – российской и южной – китайской.

А. Е. Городецкий¹

**ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА: ВЫЗОВЫ
НОВОГО ИНДУСТРИАЛИЗМА И НЕИЗБЕЖНОСТЬ АДЕКВАТНОГО
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЫБОРА**

Промышленная политика долгое время была неотъемлемым атрибутом модели кейнсианского (и некейнсианского) *регулирующего государства*. Кризис идей регулирующего государства, у истоков которого стоял Дж. М. Кейнс, пришелся на конец 1970-х – начало 1980-х гг., когда возобладали идеи и практическая политика неоконсервативных революций, тэтчеризм и рейганомика. Глубинными причинами этого стали разрастание и бюрократизация государственного аппарата, критическое нарастание социального пузыря – расходов государственных бюджетов на социальные нужды, которые не просто стимулировали рост налоговой нагрузки на государство, бизнес, самих граждан и внесли свой вклад в развитие стагфляции, но, в принципе, вошли в объективный конфликт с системой экономических и трудовых стимулов.

Отметим вклад глобализации мировой экономики, которая резко повысила требования к конкурентоспособности национальных экономик, сузила степень свободы национальных правительств, ограничила суверенитет государства в целом ряде сфер экономической политики и государственного управления, в значительной степени унифицировала нормы правового регулирования, а в ряде случаев привела фактически к примату международной нормы над национальной [1].

Существенные изменения произошли в области промышленной политики. Раньше ни одно развитое государство не отказывалось от той или иной формы промышленной политики, поддерживая жизненно важные для страны отрасли или предприятия, а в новых условиях государство ушло от непосредственного участия в качестве производителя или менеджера, передав эти виды деятельности частному, рыночному сектору, оставляя за собой лишь виды деятельности, связанные с общей организацией, финансированием и контролем. В то же время у государства под влиянием глобализации появились новые виды квазипромышленной политики, в том числе дипломатические методы, направленные на продвижение своих транснациональных корпораций. Усиливаются и такие формы протекционизма, как патентование, защита интеллектуальной собственности, привлечение и выращивание собственного интеллектуального капитала.

Последнему отводится особая роль в условиях современной постиндустриальной экономики. Увеличение расходов на образование, подготовку и переподготовку кадров в здравоохранении, а также на поддержку малого предпринимательства рассматривается не просто как вклад государства в социальное развитие, но прежде всего как

¹ Андрей Евгеньевич Городецкий, засл. деятель науки РФ, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор.

условие повышения производительности труда, развития новых, главным образом, высоких технологий и экономического роста в целом.

Под влиянием доктрин постиндустриализма² утвердилось мнение, что реальный сектор теряет свои позиции, уступает место бурно расширяющейся сфере услуг, радикально снижается его доля в структуре национальной экономики развитых стран.

Отметим, что возвращение на определенном этапе политических циклов популярности социалистических и социал-демократических политических программ в идеологии и правительств во власти не привело к кардинальному пересмотру неоконсервативной парадигмы государства, рынка и государственного регулирования. Оно лишь внесло серьезные коррективы в концепции методов регулирования, перенацелив их на достижение «равенства возможностей», сокращение прямых методов государственного регулирования, расширение партнерства государства и бизнеса, государства и общества в производстве «общественных благ», оказании общественных услуг, удовлетворении социальных потребностей граждан.

Глобальный кризис внес капитальные изменения в господствовавшие более 30 лет неоконсервативные умонастроения и экономико-политические практики. В частности, произошла и набирает силу реабилитация роли реального сектора экономики и материального производства вообще. Происходит девальвация понятия *постиндустриализм*. Оказалось, что в современных экономиках промышленность вовсе не освобождает место пресловутому постиндустриальному обществу, уходя как некий отживший экономический феномен. Ее временные и пространственные перемещения, локализация в определенных сегментах глобальной экономики есть закономерное следствие резко усилившейся глобальной конкуренции, диктующей свои правила, и национальной конкуренции. Для некоторых стран и территорий, которые оказались не в силах сохранить национальные сегменты современной промышленности, итогом стало их угасание. Но это не касается ни государств – лидеров глобальной экономики, ни транснациональных капиталов и корпораций, ищущих наиболее прибыльные условия для развертывания различных производств.

² В современном значении этот термин впервые был применен в конце 1950-х гг., а широкое признание концепция постиндустриального общества получила после появления работ профессора Гарвардского университета Дэниела Белла, в частности, после выхода в 1973 г. его книги «Грядущее постиндустриальное общество». Близкими к постиндустриальной теории являются концепции информационного общества, постэкономического общества, постмодерна, «третьей волны», «общества четвертой формации», «научно-информационного этапа принципа производства». Некоторые футурологи считают, что постиндустриализм – это пролог перехода к «постчеловеческой» фазе развития земной цивилизации. В советской и российской экономической мысли эти теории были достаточно распространены вплоть до глобального кризиса 2008–2010 гг. См.: Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999; Гейтс, Б. Дорога в будущее. М., 1998; Нэсбит, Дж. Эбурдин, П. Мегатенденции 2000. М., 1994.; Туроу, Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999; Тоффлер, Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004; Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Академия, 1999; Иноземцев, В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. 304 с.; Иноземцев, В. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia; Наука, 1998.

Кроме того, сокращаются зоны экспорта производительного капитала, где еще вчера низкая цена рабочей силы и слабая социальная защищенность наемных работников обеспечивали ТНК сверхприбыли. Кризис расставил все точки над *i*, и одной из актуальных тем политико-экономической повестки дня становится репатриация промышленных производств, создание новых рабочих мест в экономически развитых странах по обе стороны Атлантики. В этих условиях знаменем времени стала реиндустриализация [2] (в других версиях – неоиндустриализация), идущая рука об руку с промышленной революцией 4.0 или, как это обосновывается в работах С. Д. Бодрунова, – становлением нового индустриального общества 2.0 [3, с. 27–72; 4, 5, 6].

Новая индустриализация выступает как мировой тренд развития. Преодоление кризиса, устойчивый и долговременный рост возможны только на основе ренессанса материального производства, реального сектора промышленности, прежде всего обрабатывающей, и, конечно, в русле инновационного развития. Происходит переоценка ценностей: резкое падение доли промышленности в ВВП расценивается сегодня как ошибочный постулат и несомненная угроза устойчивому развитию.

Происходит и возвращение промышленной политики, но в новом качестве. В Институте экономики РАН много лет ведутся комплексные исследования инновационной экономики, промышленной политики, а в последние годы – новой индустриализации. Это помогло сформировать исследовательскую платформу, позволяющую понять и обобщить явление «новой промышленной политики». В этой связи процитируем специальное коммюнике Европейской комиссии в январе 2014 г. «За европейский промышленный ренессанс»: «Наш будущий успех зависит от наличия сильной, диверсифицированной и устойчивой модели роста, где промышленность имеет ключевую роль. Обновленная и усовершенствованная промышленная база сделает реальный сектор лидером экономического восстановления Европы (Fora European Industrial Renaissance. Brussels 22.1.2014 //http://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52014DC001&from=FN) [7, с. 11].

Подлинный ренессанс промышленного развития, репатриация рабочих мест и производств происходит в США. Там реиндустриализация идет в тесном взаимодействии с неоиндустриализацией, несущей новые прорывные технологии, по большому счету – с новой технологической революцией. Последняя не только формирует отрасли технологических укладов будущего, но и способствует обновлению и развитию промышленного потенциала отраслей традиционных технологических укладов. Отсюда – всплеск интереса к государственной промышленной политике.

Согласно данным Е. Б. Ленчук, в США взят курс на безоговорочное лидерство в области технологического развития. Начиная с 2011 г. эти процессы находятся в центре внимания Президента США, федеральных, региональных органов власти и реализуются в виде инициативы «Партнерство в области перспективных производственных технологий» (Advanced Manufacturing Partnership). Американская администрация и целый ряд государственных ведомств, участвующих в этой инициативе, работают над созданием национальной сети производственных инноваций путем формирования специализированных национальных инновационных институтов, которые должны распространять передовые производственные технологии по всей стране [7, с. 11].

Новое содержание промышленной политики отражено в определениях и понятиях документов, принятых международными организациями ЮНИДО и ОЭСР. Промышленная политика определяется как государственная политика, направленная на улучшение бизнес-среды или структуры экономической активности по секторам

и технологиям, которая, как ожидается, обеспечит благоприятные перспективы для экономического роста и общественного благосостояния.

Общие контуры такой политики, которая сегодня реализуется как развитыми, так и развивающимися странами, можно очертить следующим образом. Промышленная политика тесно увязывается со структурой научно-технического и инновационного циклов, связывает в единое целое стратегии научно-технологического развития с политикой в области фундаментальной и прикладной науки, высоких технологий, инновационной политики, большими проектами и государственными программами.

Новая промышленная политика корреспондирует с трендами системы государственного регулирования, в которой доминируют косвенные методы, поощряются горизонтальные связи между ведущими акторами инновационных процессов, развиваются эффективные формы партнерства государства и бизнеса, государства и общества, включая формирование новых рынков и спроса для новых и новейших продуктов и технологий. Всячески приветствуются предпринимательские инициативы, стимулируется высококонкурентная среда.

Новые веяния в промышленной политике – это отказ от жестких инструментов в пользу более мягкой *горизонтальной политики*, мер по улучшению бизнес-среды, созданию условий для перетока капитала в отдельные сектора экономики за счет повышения инвестиционной привлекательности. Научно-технологическая и инновационная политика становятся неотъемлемой частью новой промышленной политики и формируются в тесной взаимосвязи. *Новая промышленная политика – это выигрыш в динамике по всем фазам цикла создания и распространения инноваций, а также накопленный эффект ускорения всего цикла в целом.*

Колоссально возрастает роль экспертно-аналитических и консультационных структур, где государство также играет существенную роль.

Государство берет на себя многие функции по обеспечению экономической безопасности, создавая благоприятные режимы патентной защиты, борясь с промышленным шпионажем, экономической коррупцией, используя механизмы экономической дипломатии для сопровождения интересов национального бизнеса за рубежом.

На новой промышленной политике все больше будет сказываться превращение традиционной модели регулирующего государства в так называемую модель **государства развития** [8, 9]. Эта модель лежала в основе экономического успеха новых индустриальных стран, опиралась на сильную, достаточно авторитарную власть и жесткие формы экономической политики. Ей были присущи многие черты не-западных обществ, составивших вторую, послевоенную, волну модернизации. Это достаточно сложная тема, здесь мы отметим лишь несколько обстоятельств.

Модель государства развития не просто приходит на смену моделям регулирующего и социального государства как успешно апробированный в других условиях институт, способный к «трансплантации» (термин В. М. Полтеровича) в экономики развитых капиталистических стран с устоявшимися традициями развитой демократии. Во-первых, она генетически несет в себе все лучшее и устойчивое, что составляло содержание предшествующих моделей, представляет их синтез. Во-вторых, она может оказаться тем средством, которое будет соответствовать запросам переходной эпохи, особенностям нового витка глобализации; способствовать становлению нового экономического порядка и успешно исполнять антикризисные функции. И, в третьих, она может развиваться в направлении новой модификации государства, гармонично взаимодействующего с современными формами демократии и гражданского общества, не

нуждающейся в страховании и подкреплении авторитарными «скрепами» и защищенной от рецидивов охранительного (как этно-, так и политического) национализма.

В России судьба промышленной политики была незавидной. Все 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. попытки возродить институт промышленной политики сталкивались с железобетонной позицией власти, отвергающей эти идеи с порога, считая их, с одной стороны, атавизмом советской плановой экономики; с другой, – не менее архаичным инструментом регулирования, характерным для кейнсианских моделей. Попытки 1990-х гг., теоретические разработки научных институтов РАН, РСПП, позиции научно-образовательного и экспертно-аналитического сообщества оставались без внимания. Потребовался тяжелый опыт экономического кризиса и соответствующих антикризисных программ, а затем и санкционные войны, чтобы пришло ясное понимание: задачи реиндустриализации и импортозамещения не будут реализованы без новой, эффективной промышленной политики. Принятие Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ **«О промышленной политике в Российской Федерации»** явилось важной вехой в государственной экономической политике и управлении. Событием такого же масштаба стало принятие Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ **«О стратегическом планировании в Российской Федерации»** (с изменениями и дополнениями), заменившего Закон о госпрогнозировании и программах социально-экономического развития страны. Принятие закона «О промышленной политике...» придало ее институтам более или менее системный характер. Закон связал воедино ряд ранее принятых нормативно-правовых, стратегических и программных документов³, регулирующих научно-технологический и промышленный циклы.

Одним из базовых институтов в новой системе промышленного регулирования являются *государственные фонды развития промышленности*. В их функции входит оказание финансовой поддержки субъектам деятельности в сфере промышленности в любой соответствующей законодательству Российской Федерации форме: займов, грантов, взносов в уставный капитал, финансовой аренды (лизинга). Поддержка осуществляется за счет средств федерального бюджета, а также иных не запрещенных законодательством источников. На сегодня *Фонд развития промышленности* (ФРП) заключил

³ Закон о науке 1996 г. стал базовым законодательным актом, регулирующим научную деятельность. С момента принятия в него внесены изменения и дополнения; последние поправки внесены 23 мая 2016 г. В настоящее время помимо федерального закона о науке (1996 г.) отношения в сфере науки, технологий и инноваций регулируются нормами Конституции, Трудового и Гражданского кодексов, федеральными законами «О статусе наукограда Российской Федерации» (1999 г.), «О промышленной политике в Российской Федерации» (2014 г.), «О передаче прав на единые технологии» (2008 г.), «О Фонде перспективных исследований» (2012 г.), «Об инновационном центре «Сколково» (2010 г.) и др. (всего более 25 законодательных актов). Кроме того, в разное время были приняты программные документы: Концепция реформирования российской науки на период 1998–2000 гг.; Основы политики РФ в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу; Основные направления политики РФ в области развития инновационной системы на период до 2010 г.; Приоритетные направления развития науки, технологий и техники РФ на период до 2010 г.; Стратегия развития науки и инноваций в РФ на период до 2015 г.; Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г.; Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 гг.»; Стратегия научно-технологического развития РФ (2016 г.).

72 соглашения о сотрудничестве с регионами. Наиболее активными участниками соглашений были Московская область (16 соглашений), Москва (13), Свердловская область (10), Санкт-Петербург (8).

Фондом открыты 4 программы финансирования: проекты развития, проекты консорциумов, проекты станкостроения, лизинговые проекты. Симптоматично, что оказана поддержка одной из самых востребованных и стратегически важных отраслей – станкостроительной промышленности. Суммы выделяемых займов колеблются от 50 до 500 млн рублей при ставке 5 %. Сроки займа – до 7 лет при общем бюджете проекта от 71,5 млн рублей. Целевой объем продаж новой продукции должен составить не менее 30 % от суммы займа в год, начиная со второго года серийного производства. Софинансирование со стороны заемщика, частных инвесторов или банков лимитируется 30 % бюджета проекта. К настоящему моменту созданы также 24 региональных ФРП, деятельность которых регламентируется соглашениями с федеральным фондом. Среди отраслей, лидирующих по количеству и стоимости заключенных проектов: машиностроение (54/13,5 млрд р.), медицина и фармацевтика (23/7,0 млрд р.), металлургия и металлообработка (18/4,0 млрд р.), электрооборудование (13/3,8 млрд р.), электроника (9/2,6 млрд р.).

Очень важной новацией явилось введение специальных инвестиционных контрактов (СПИК), регламентирующих взаимоотношения заемщиков с фондом и предусматривающих режимы взаимной ответственности, выгоды и заинтересованности. Обязательства государства включают:

- стабильность налоговых и регулятивных условий для бизнеса;
 - специальные федеральные и региональные меры стимулирования участников СПИК.
- В обязательства инвестора входят:

- создание/модернизация промышленного производства;
- вложение инвестиций в размере не менее 750 млн р.

Инвестору гарантируется ряд льгот:

- ускоренная и упрощенная процедура получения статуса российского производителя;
- упрощенный доступ к госзаказу и возможность получения статуса единственного поставщика продукции, произведенной в рамках СПИК (участие в госзакупках на внеконкурсной основе);
- налоговые льготы;
- ускоренная амортизация для основных средств.

Кроме того, допускается субсидирование части затрат на проведение НИОКР в процессе выполнения комплексных инвестиционных проектов по приоритетным направлениям гражданской промышленности в рамках реализации подпрограммы № 17 ГП РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

Подчеркнем, что системно увязанные и последовательно осуществляемые меры по введению контрсанкций и проведению активной промышленной политики должны обеспечить благоприятные условия для исполнения программ реиндустриализации и импортозамещения. Анализ развития экономики проектов в первом приближении говорит о наличии определенных успехов. Так, по данным портала <http://www.ruxpert.ru>, за последние 5 лет количество крупных российских проектов, охватывающих реальный сектор экономики, достаточно велико:

- введено 6 промышленных объектов в области космонавтики и ракетной техники;
- сданы в эксплуатацию 11 крупнейших кораблей и судов;

- вошли в строй 6 морских портов, в том числе 4 на Балтике (Усть-Луга) и в Арктической зоне РФ (Морской терминал «Ворота Арктики»);
- начали эксплуатироваться 6 новых железнодорожных магистралей (в Сибири и на Дальнем Востоке);
- построено 10 мостов, 7 из которых в Сибири и на Дальнем Востоке; опережающими темпами строится уникальный Крымский мост;
- введено в строй 9 горно-обогатительных комбинатов (негорючих полезных ископаемых), новое алмазное месторождение в Архангельской области;
- начата разработка 12 новых нефтегазовых месторождений, в том числе два в Ираке;
- запущены в эксплуатацию 10 новых трубопроводов;
- развивается электроэнергетика (введены в строй 13 новых линий электропередач, 6 объектов гидроэнергетики, 7 – атомной энергетики, из них три международных проекта (Индия, Иран), 38 объектов теплоэнергетики);
- открыто 60 новых заводов и предприятий перерабатывающей промышленности (23 – в нефтепереработке, 5 – в химической промышленности, 9 – в металлургии, 11 – в машиностроении, 2 – в приборостроении и электронике).

Активно шли процессы импортозамещения: за 2,5 года Россия заместила собственным производством импортное продовольствие на 2,5 млрд рублей. Очень активно проходило импортозамещение по номенклатуре стратегических товаров. Так, в 2014 г. российские ученые вывели ультраранний сорт хлопка, вызревающий в условиях Волгоградской или Астраханской областей, что позволит наладить производство хлопка, ранее полностью импортировавшегося. Практически решены проблемы импортозамещения украинской продукции в области ракетно- и двигателестроения для вертолетов и гражданской авиации, морских судов, приборостроения, оптики и электроники для ОПК. Интенсивно развивается машиностроение: в Ульяновске запущен станкостроительный завод компании DMG-Mori Seiko, который, по замыслу, положил начало станкостроительному кластеру с возможным участием известных зарубежных компаний. Возрождается отечественное производство станков с ЧПУ (по сообщению президента ТПП РФ С. Катырина, их объем увеличился с 200 до 1000 штук). Полным ходом идет импортозамещение (в частности, для ОПК, систем ГЛОНАСС, Государственной службы) в сферах информационных технологий и компьютерной техники. Развитие цифровой экономики определено как важнейший стратегический приоритет, находящийся под личным контролем Президента Российской Федерации. Последовательно решаются проблемы финансового суверенитета РФ. Создаются национальные платежно-расчетные системы, включая электронные карты, и аналоги международных систем, находящихся под контролем США и международных финансовых кругов. В рамках партнерств БРИКС, ШОС, ЕАЭС, китайского трансматерикового мегапроекта Нового шелкового пути закладываются основы новых валютных отношений, свободных от диктата доллара и евро. Россия отказалась от услуг ряда известных рейтинговых агентств и создала собственное – Аналитическое кредитное рейтинговое агентство (АКРА).

Несмотря на видимые успехи, оснований для победных реляций нет (табл. 1). Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП по РФ росла на сотые доли процента: 2005 г. – 1,07; 2006 г. – 1,07; 2007 г. – 1,12; 2008 г. – 1,04; 2009 г. – 1,25; 2010 г. – 1,13; 2011 г. – 1,01; 2012 г. – 1,03; 2013 г. – 1,03; 2014 г. – 1,07; 2015 г. – 1,10; 2016 г. – 1,10. Доля инвестиций в основной капитал в ВВП даже понизилась, % к итогу: 2011 г. – 20,7; 2012 г. – 20,9; 2013 г. – 21,2; 2014 г. – 20,5; 2015 г. – 19,6; 2016 г. – 20,4. Неустойчиво вел себя показатель доли продукции высокотехнологичных и наукоемких

Таблица 1

Индексы промышленного производства

Период	В процентах				
	к соответствующему периоду предыдущего года	к предыдущему периоду		к среднемесячному значению 2014 г.	
		фактически	с исключением сезонного и календарного факторов ¹	фактически	с исключением сезонного и календарного факторов ¹
2016 г.					
I квартал	101,1	84,4			
Январь	99,2	74,7	98,8	88,2	98,8
Февраль	103,8	104,4	103,1	92,1	101,9
Март	100,3	108,8	98,1	100,2	99,9
Апрель	101,0	96,3	99,6	96,4	99,6
Май	101,5	98,1	99,1	94,5	98,7
Июнь	102,0	103,8	101,2	98,1	99,9
II квартал	101,5	103,1			
Июль	101,4	99,9	100,4	98,0	100,3
Август	101,5	101,5	100,1	99,5	100,4
Сентябрь	100,1	101,7	99,8	101,2	100,3
III квартал	101,0	103,3			
Октябрь	101,6	106,6	100,8	107,9	101,0
Ноябрь	103,4	103,6	102,0	111,8	103,0
Январь–ноябрь	101,4				
Декабрь	100,2	105,8	97,7	118,3	100,7
IV квартал	101,7	113,1			
Год	101,3				
2017 г.					
I квартал	100,1	83,1			
Январь	102,3	76,2	100,7	90,2	101,4
Февраль	97,3	99,4	98,4	89,6	99,8
Март	100,8	112,7	101,3	101,0	101,1
Апрель	102,3	97,7	100,7	98,7	101,8
Май	105,6	101,2	101,5	99,9	103,3
Июнь	103,5	101,7	99,3	101,6	102,6
II квартал	103,8	106,9			
Июль	101,1	97,5	98,7	99,0	101,3
Август	101,5	102,0	100,4	101,0	101,7
Сентябрь	100,9	101,0	99,5	102,0	101,2
III квартал	101,4	100,7			
Октябрь	100,0	105,7	99,9	107,8	101,0
Ноябрь	96,4	99,8	98,6	107,6	99,7
Январь–ноябрь	101,2				

¹ Для оценки данных использовалась программа «DEMETRA 2.2» (Источник: О промышленном производстве в январе-ноябре 2017 года. Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/253.htm).

отраслей в ВВП, % к итогу: 2011 г. – 19,7; 2012 г. – 20,3; 2013 г. – 21,1; 2014 г. – 21,8; 2015 г. – 21,5; 2016 г. – 22,4 (обновлено 05.07.2017). После некоторого роста в 2015 г. снизился коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в России, в расчете на 10 тыс. человек), ед.: 2005 г. – 1,65; 2006 г. – 1,96; 2007 г. – 1,94; 2008 г. – 1,95; 2009 г. – 1,8; 2010 г. – 2,01; 2011 г. – 1,85; 2012 г. – 2,00; 2013 г. – 2,00; 2014 г. – 1,65; 2015 г. – 2,00; 2016 г. – 1,83. Лишь по 4 видам деятельности незначительно выросла доля машин и оборудования в общем объеме основных фондов (табл. 2). Среди особенностей обновления основных фондов отметим общую неустойчивость: незначительные улучшения и ухудшения в 2014–2016 гг., что соответствует ситуации по остальным показателям. Наиболее высокие коэффициенты обновления – в финансовой, торговой деятельности, в государственном управлении, обеспечении военной безопасности и социальном обеспечении. Показатели прироста высокопроизводительных рабочих мест в 2012–2014 гг. снижались, а в 2015–2016 гг. ушли «в минус» (табл. 3). Похожая ситуация с импортозамещением. Несмотря на общее снижение доли импорта по основным товарным группам продовольствия и в системе закупок торговых сетей, по отдельным позициям картина крайне неоднородная.

В 2017 г. индекс промышленного производства относительно тех же периодов 2016 г. составил: в январе – ноябре – 101,2 %; в ноябре – 96,4 % (см. табл. 1).

В целом, оперативная реакция на санкции, мобилизация экономических, политических и организационных ресурсов, жесткая работа контрольных органов (в частности Таможенной службы и Роспотребнадзора) способствовали снижению остроты санкций, а дополнительные возможности, которые имеются в сфере ОПК, секторе крупных государственных корпораций, в отраслях и видах деятельности, имеющих стратегическое значение, не позволили нанести существенный урон планам и программам реиндустриализации и импортозамещения. Неоднозначные результаты, которые вскрывает статистика, на наш взгляд, связаны с влиянием фундаментальных факторов.

Все очевиднее наличие серьезного противоречия между *активной и рациональной внешней политикой*, твердым и ясным внешнеполитическим курсом на защиту национального суверенитета, национальных интересов и национальной экономики от вызовов, угроз и рисков переходной эпохи, и *внутренней политикой*, обремененной идеологическим и политическим наследием 1990-х гг., неэффективной моделью социально-экономического развития, неуправляемостью системы государственного управления, неспособностью политических элит консолидировать власть и управление, грузом социальных проблем. Сохранение этой ситуации приведет к истощению экономики и финансов, дестабилизации политической власти, снижению доверия граждан и росту социальной напряженности.

Развитие тормозится несоответствием между целями и приоритетами, обусловленными потребностями экономического роста и вызовами промышленной революции 4.0, и консервативной позицией монетарных властей, ставящих во главу угла борьбу с инфляцией и дефицитом госбюджета. Реальная экономика всегда будет страдать от монопольного доминирования финансового сектора, а приоритеты промышленной политики будут приноситься в жертву во имя формальной сбалансированности госбюджета и стабильности цен, когда начинают урезать бюджеты без скидок на соображения стратегического порядка, забывая о необходимости более строгого планирования и контроля бюджетных денег. Экономика будет страдать от инвестиционного голода, пока потребность в осмысленной государственной инвестиционной политике будет подменяться упованием на «институциональные изменения», косвенно

Таблица 2

Доля машин, оборудования в общем объеме основных фондов по отраслям экономики, в том числе относящимся к высокой, средней и низкой степени технологичности, по коммерческим (без субъектов малого предпринимательства) и некоммерческим организациям (по полной учетной стоимости, в смешанных ценах) в Российской Федерации, %

Виды деятельности	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Все основные фонды	22,8	23,3	23,7	24,1	25,0	25,6	25,3	25,8	25,5
В том числе:									
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	37,4	36,9	36,8	37,6	38,0	38,0	37,7	36,8	37,6
Рыболовство, рыбоводство	38,2	37,8	37,4	26,9	27,1	24,5	27,1	28,7	29,8
Добыча полезных ископаемых	24,4	22,4	22,1	21,5	21,6	20,6	20,5	19,6	20,1
Обрабатывающие производства	55,1	55,3	55,2	55,0	55,0	54,7	51,9	52,8	53,0
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	29,0	30,4	30,7	31,6	34,2	35,4	34,6	37,3	37,3
Строительство	29,5	30,6	37,6	33,7	38,2	36,6	36,7	33,9	34,5
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	13,3	13,6	13,1	13,1	13,7	14,5	15,4	16,0	17,0
Гостиницы и рестораны	18,7	18,9	17,7	16,9	16,4	15,6	16,0	15,3	15,2
Транспорт и связь	20,0	20,5	19,9	20,3	20,6	20,8	21,5	22,6	22,0
Финансовая деятельность	25,2	23,5	25,6	26,2	27,1	27,3	28,3	28,2	26,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	16,2	17,2	19,9	20,6	21,0	21,1	18,6	18,3	18,1
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	9,7	9,6	9,7	12,2	13,4	14,5	12,6	13,7	13,3

Окончание табл. 2

Виды деятельности	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Образование	14,4	14,6	15,1	15,3	16,7	16,0	16,5	15,9	15,5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	36,5	36,4	37,3	38,6	40,7	42,6	42,0	42,4	43,0
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	13,0	12,2	14,9	14,5	16,2	16,1	12,7	13,6	12,8
Деятельность экстерриториальных организаций	28,9	28,9	29,9	32,0	31,9	32,2	0,0	0,0	0,0
В том числе по уровню технологичности:									
Высокотехнологичные	48,1	47,9	48,4	49,6	50,5	51,7	52,0	53,3	55,4
То же среднетехнологичные высокого уровня	54,7	54,7	53,8	54,6	54,7	55,8	55,2	55,1	56,3
То же среднетехнологичные низкого уровня	53,1	53,5	54,1	52,8	52,5	51,2	45,7	47,2	46,6
То же низкотехнологичные	61,2	60,6	60,3	60,2	60,7	61,4	62,8	62,4	62,6
<i>Обновлено 15.08.2017</i>									

Таблица 3

Прирост высокопроизводительных рабочих мест, % к предыдущему году*

Федеральный округ	2012		2013		2014		2015		2016	
	тыс. ед.	%	тыс. ед.	%						
Российская Феде- рация	1849,1	12,7	1122,8	6,9	788,1	4,5	-1671,9	-9,1	-799,1	-4,8
Центральные	680,4	17,0	476,1	10,2	145,0	2,8	-523,1	-9,9	-174,7	-3,7
Северо-Западные	147,2	9,1	82,6	4,7	205,9	11,1	-176,4	-8,6	-65,6	-3,5
Южные	62,8	5,9	60,3	5,3	65,9	5,5	-85,7	-6,8	-65,3	-4,9
Северо-Кавказский	48,7	11,3	15,5	3,2	37,0	7,5	-22,1	-4,2	-20,7	-4,1
Приволжский	343,8	11,6	291,6	8,8	165,3	4,6	-404,3	-10,7	-176,2	-5,2
Уральский	315,2	20,4	104,3	5,6	53,0	2,7	-186,6	-9,3	-74,1	-4,1
Сибирский	170,6	8,2	80,8	3,6	65,7	2,8	-210,4	-8,8	-165,4	-7,6
Дальневосточный	80,4	9,9	11,6	1,3	50,4	5,6	-63,3	-6,6	-57,1	-6,4

*Источник: формы № П-4 «Сведения о численности и заработной плате работников»; № ПМ «Сведения об ос-
новных показателях деятельности малого предприятия»; № МП (микро) «Сведения об основных показателях деятельно-
сти микропредприятия»; № 1-ИП «Сведения о деятельности индивидуального предпринимателя»; № 1-ИП-торговля «Све-
дения о деятельности индивидуального предпринимателя в розничной торговле». Методика расчета показателя утверж-
дена приказом Росстата от 14 ноября 2013 г. № 449 (с доп. от 18.02.2014 г. № 115 и от 26.08.2014 г. № 532) и размещена
на сайте Росстата (<http://www.gks.ru/method/method.html>).

воздействующие на инвестиционный климат, по сути, на рыночное саморегулирование. Масштабные проблемы реиндустриализации не могут решаться исключительно рынком вкупе с вынужденным ручным управлением, исправляющим неизбежные в данном случае провалы рынка.

Развитие институтов промышленной политики – большой шаг вперед. Но эта политика тесно взаимосвязана со структурной политикой. Сегодня такой взаимосвязки нет из-за отсутствия структурной политики, отрицания самой идеи структурных реформ. То, что либеральные экономисты понимают под структурными реформами, таковым не является. Здесь также речь идет о конструировании и «трансплантации» определенных институтов, призванных высвободить рыночные силы для эволюции структуры экономики в нужном направлении. Практика показывает, что эта «конструкция» не работает.

И, наконец, в содержательном плане промышленная политика заработает, только когда будет встроена в стратегический контур системы государственного регулирования (система стратегий развития и безопасности), прежде всего в механизмы государственного стратегического планирования. Прошло несколько лет после принятия Закона о государственном стратегическом планировании, но до сих пор не созданы ни соответствующее правовое поле в виде производных нормативных правовых актов, ни его организационно-управленческая структура, ни нормативно-методические основы. И та противоречивая картина, которая открывается при анализе последствий санкционной политики Запада, ответной политики Российской Федерации, тенденций реиндустриализации и импортозамещения, четко показывает, что мешает раскрыться потенциалу промышленной политики и какие условия требуются, чтобы она заработала в полную силу.

Список литературы

1. *Осадчая, И.* Рынок и государство. Что нового в государственном регулировании экономического развития стран? / И. Осадчая // Наука и жизнь. – 2001. – №10. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/6952/>
2. *Побываев, С. А.* Реиндустриализация в США и ЕС / С. А. Побываев, С. А. Толкачев // Экономическая политика. – 2015. – №2. – С. 29–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reindustrializatsiya-v-ssha-i-es>
3. Гэлбрэйт: возвращение / под ред. С. Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2017. – 424 с.
4. *Бодрунов, С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте. – 328 с.
5. Производство, наука и образование в России: преодолеть стагнацию: сб. мат. II Междунар. конгресса (ПНО-II) / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016. – 716 с.
6. *Bodrunov, S.* New Industrial Society of the Second Generation: Globalisation Discontents and the Future of Noospheric Civilisation: Public Lectur. – Cambridge. – May 11. – 2017 / Scientific Papers of the Industrial Development (UNID) n.a. S. Y. Vitte. – Saint Petersburg, 2017. – P. 96.
7. Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости / отв. ред. Е. Б. Ленчук. – СПб.: Алетейя, 2016. – 336 с.
8. *Салицкий, А.* Не рано ли прощаться с госкапитализмом? / А. Салицкий. 06.07.2011. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2011/07/06/ne-rano-li-proschatsja-s-goskapitalizmom-i-3874.html>
9. *Саблин, К. С.* Институциональная теория государства. Государство развития в разных институциональных условиях / К. С. Саблин // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). – 2010. – Т. 2, № 4. – С. 30–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-razvitiya-v-raznyh-institutsionalnyh-usloviyah>

С. Н. Николаев¹

НЕПРЕРЫВНОЕ ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Одним из важнейших показателей развития экономики страны является показатель, отражающий *способность России производить товары и услуги* [5]. Данный показатель измеряется величиной *валового внутреннего продукта* (ВВП) за год на 1 человека в долларах. ВВП характеризуется стоимостью товаров и услуг, произведенных во всех отраслях экономики страны.

Перед началом кризисных явлений в 2013 г. Россия по величине ВВП занимала 45-е место (наилучший результат – 1-е место) в мире². Сейчас положение России значительно ухудшилось. Низкая способность российской экономики по производству товаров и услуг отрицательно сказалась на величине другого важнейшего показателя – *качества жизни населения страны*. Согласно исследованиям, выполненным в рамках Программы развития ООН, по индексу человеческого развития (ИЧР) Россия заняла в 2013 г. в мировом рейтинге лишь 55-е место³. Россия существенно отстает от экономик передовых стран и по ряду других важнейших показателей.

Можно утверждать, что способность экономики страны производить товары и услуги непосредственно зависит от *способности каждой коммерческой организации производить товары и услуги*.

Известно, что уровень способности большинства российских организаций успешно действовать (уровень делового совершенства), оцененный с помощью европейской модели совершенства (EFQM) [4], примерно в два раза ниже уровня развития основной массы предприятий и более чем в 4 раза ниже уровня лучших предприятий в передовых странах Западной Европы [2]. Это серьезное отставание. Никто в России, в отличие от Японии (с 1956 г.), США (с 1987 г.) и Европы (с 1992 г.), не занимается постоянным повышением качества большинства организаций с использованием высокоэффективных методов «делового совершенства».

Низкий уровень качества большинства действующих российских организаций проявляется в несовершенном подборе кадров управления [8, 11]; неразвитой культуре организаций (в том числе ограниченном применении принципов, нацеленных на успех) [6]; неэффективной работе высшего руководства; отсутствии направленности на удовлетворение потребностей потребителей и других заинтересованных сторон [6]; использовании несовершенных методов работы из-за отсутствия надлежащих базовых знаний [10]; неумении выстраивать актуальные бизнес-процессы; преобладании инту-

¹ Сергей Николаевич Николаев, генеральный директор ООО «Фирма МС Консалтинг», д-р техн. наук, профессор, академик Академии проблем качества.

² <http://data.worldbank.org/indicator>

³ www/har.undp.org

итивной модели управления; отсутствии нацеленности на постоянное совершенствование и инновации [6]; игнорировании вопросов обеспечения качества и эффективности всей организации; отсутствии управления рисками [11]; несовершенной работе с персоналом; ограниченном использовании IT-технологий [7] и др.

Особенности функционирования отдельных организаций

Упрощенно функционирование отдельной организации (рис. 1) представляет собой превращение внешних ресурсов в товары и услуги, приобретаемые потребителями. На результаты функционирования организации влияют как внутренняя, так и внешняя среда.

Под *внутренней средой* понимают состав и взаимодействие элементов организации, с помощью которых она достигает своих целей в условиях воздействия внешней среды. Исходя из этого внутренняя среда может включать⁴:

- управление, организационную структуру, обязанности и подотчетность;
- политику, цели и задачи, а также стратегию их достижения;
- возможности предприятия с точки зрения ресурсов и знаний (например, капитал, время, люди, процессы, системы и технологии);
- информационную систему, информационные потоки и процессы принятия решений (формальные и неформальные);
- взаимоотношения с заинтересованными сторонами и их значимость для предприятия;
- культуру организации;
- стандарты, руководящие принципы и модели работы, принятые в организации;
- форму и объем договорных отношений.

При этом под *заинтересованными сторонами* понимаются физические и не физические лица, заинтересованные в деятельности организации и находящиеся под

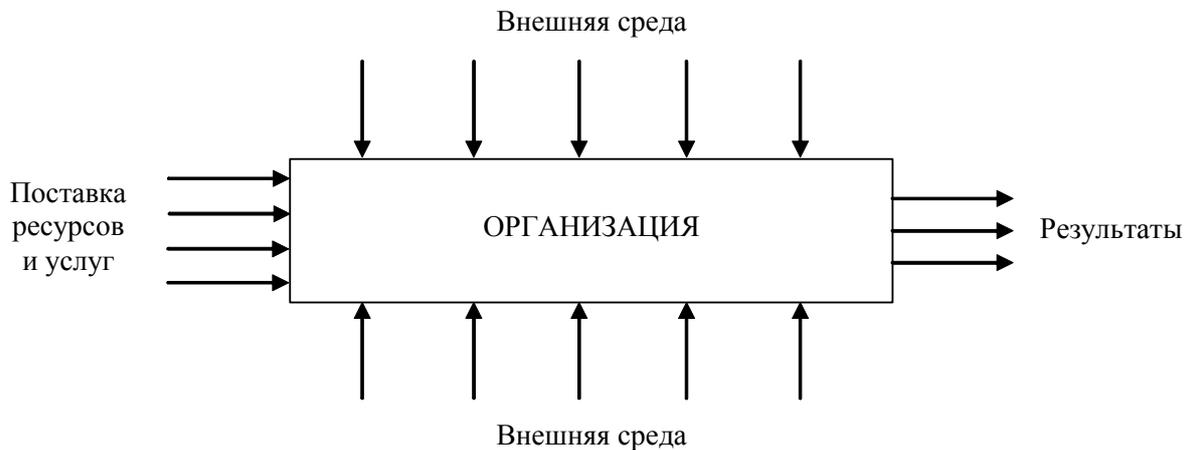

Рис. 1. Упрощенная модель функционирования организации

⁴ ГОСТ Р 51857-2011/Руководство ИСО 73:2009. Менеджмент риска. Термины и определения.

ее влиянием. К заинтересованным лицам относятся⁵: потребители, владельцы/акционеры, работники предприятия, поставщики и партнеры, общество.

Во *внешней среде* [7] различают микро- и макросреду организации. Микросреда – это среда взаимодействия организации с различными субъектами. Макросреда представляет субъекты и силы, влияющие на микросреду организаций и непосредственно на сами организации. Качество внутренней и внешней сред организаций в России в разы ниже, чем в развитых странах [7].

В составе *результатов функционирования* организации можно различать: объемы продаж продуктов и услуг, величину прибыли, положение на рынке, уровень имиджа и др.

От качества к деловому совершенствованию организаций

Постоянное улучшение внутренней среды организаций целесообразно осуществлять с точки зрения ее качества [3]. Под качеством понимается ее существенная определенность, благодаря которой она отличается от аналогичных объектов. Качество характеризуется набором важнейших свойств.

Как известно, предназначением организаций является сбалансированное удовлетворение потребностей потребителей и других заинтересованных сторон путем предоставления им *ценностей*. Под ценностью понимается стоимость, значимость или полезность чего-либо для заинтересованных сторон. Понятие качества организации нейтрально – оно приобретает смысл в ассоциации с понятием «ценности» [3]. Соответственно, под *управлением качеством* организации понимается деятельность, направленная на создание и предоставление сбалансированной ценности потребителям и другим заинтересованным сторонам. Чем выше качество, тем большая величина ценностей предоставляется заинтересованным сторонам. Отсюда, миссия качества организации может быть сформулирована так: «делать правильные дела» и «делать дела правильно». Качество организации является основой для качества товаров, услуг, имиджа и др.

Конкурентоспособность организации определяется величиной ценности товара (услуг) – потребительской ценностью, на которую оказывают влияние [7]: качество товара и услуг, качество взаимоотношений персонала поставщика и потребителей, имидж производителя, цена товара, затраты ресурсов и времени на доставку товара. Процесс *производства ценностей* в лучшей практике [3] включает в себя два вида взаимодополняющих процессов: планирование ценностей для потребителей и всех заинтересованных сторон, а также предоставление с минимальными потерями и минимальным потреблением ресурсов самих ценностей. Пример производства потребительской ценности для изделий машиностроения рассматривается в [9].

Для обеспечения устойчивого развития организации в сложной и постоянно меняющейся внешней среде следует использовать подход на основе менеджмента качества, включая разработку политики, целей в области качества и процессов для достижения целей. Система менеджмента качества организации может включать в себя автономную подсистему менеджмента качества товара (услуг), функционирующую на основе стандартов ИСО серии 9000.

⁵ ГОСТ Р ИСО 9004-2010. Менеджмент для достижения устойчивого успеха организации. Подход на основе менеджмента качества.

Нацеленность организации на удовлетворение запросов потребителей и других заинтересованных сторон путем предоставления им ценностей требует создания *комплексной системы управления* качеством, охватывающей всю организацию. В развитых странах все большее распространение находит всеобщее управление на основе качества (Total Quality Management – TQM) [1]. TQM основывается на современных положениях теории и практики в области качества, трудах известных специалистов по качеству, профессиональном опыте использования достижений всех отраслей науки для повышения качества. *Концепция TQM* может быть сформулирована следующим образом: «*полное удовлетворение потребителя, высокое качество должно быть присуще не только товарам организации, но и всей ее деятельности; необходимо обеспечивать непрерывное совершенствование всего и всеми*». В число *принципов TQM* входят: вовлечение в достижение целей качества всех подразделений организации и всего персонала; ориентированность на процессный подход; единство цели и направления деятельности; учет фактических данных при принятии решений; непосредственное участие высшего руководства в управлении качеством на всех уровнях; удовлетворение потребностей всех заинтересованных сторон; стратегическое планирование качества; управление затратами, объемами и сроками поставки; системное мышление; широкое использование цикла PDCA («планируй – делай – проверяй – действуй») и др.

Наилучшим состоянием организации является ее устойчивое развитие на основе *непрерывного совершенствования*, которое обеспечивается балансом между «постоянными улучшениями/инновациями» и «стабилизацией/стандартизацией» [3]. Улучшения и инновации применимы к товарам, процессам и их связям, структурам, системам менеджмента, человеческим факторам и культуре, инфраструктуре, производственной среде и технологиям, отношениям с заинтересованными сторонами и др. В передовой зарубежной практике последние десятилетия находит распространение переход от TQM к *деловому совершенству* организаций [1,2, 3]. Под последним понимается способность к достижению и поддержанию превосходных результатов, соответствующих или превышающих ожидания потребителей и других заинтересованных сторон. Основой для делового совершенства организаций преимущественно являются: модели делового совершенства (модели TQM); использование международных стандартов на системы менеджмента качества и другие системы менеджмента; применение лучших мировых практик: шесть сигм, кайзен, бенчмаркинг, бережливое производство и др.

Известны 7 основных моделей⁶ совершенства (моделей идеальных организаций): австралийская, европейская, иберо-американская, индийская, сингапурская, США и японская [2].

С помощью каждой из моделей могут осуществляться: оценка уровня делового совершенства организаций; выявление их сильных и слабых (областей для совершенства) сторон; разработка программы совершенствования организации и ее реализация. В передовой практике все эти действия повторяются через определенный отрезок времени (часто один раз в год).

Наиболее популярной в Европе и СНГ является модель совершенства EFQM⁷ [1, 2, 4], предложенная Европейским фондом управления качеством (European Foundation

⁶ <http://sites.google.com/site/>

⁷ www.efqm.org

for Quality Management – EFQM). Данная некоммерческая структура была создана на основании общеевропейского правового акта в 1988 г. Миссия EFQM – «быть движущей силой постоянного делового совершенства организаций в Европе». В EFQM входят более 1000 полноправных членов – представителей европейских правительств, промышленности и других структур. EFQM взаимодействует на правах партнерства с национальными организациями по качеству в странах Европы. В России таким партнером является Всероссийская организация по качеству (ВОК).

Особенности построения и использования модели совершенства EFQM

Последняя редакция модели EFQM была предложена в 2013 г. По этой модели был разработан ряд руководящих и методических документов, которые может купить любая организация в интернет-магазине EFQM⁸. Модель совершенства EFQM [4] – это проверенная на практике, не предписывающая структура, позволяющая организации:

- оценивать свои достижения на пути к совершенству, понять свои основные сильные стороны и потенциальные проблемы исходя из установленных *видения и миссии*;
- обеспечивать общее понимание и язык для эффективного обмена идеями по совершенствованию внутри и за пределами организации;
- объединить имеющиеся и планируемые инициативы для ликвидации пробелов и дублирования;
- создать базовую структуру системы менеджмента.

Модель совершенства EFQM имеет многочисленные инструменты менеджмента, представляет целостный взгляд на организацию и может использоваться для понимания того, как эти различные методы согласуются между собой и дополняют друг друга. Более того, модель может использоваться в сочетании с любым набором этих инструментов в зависимости от потребностей и функций организации, выполняя роль объединяющей структуры для достижения устойчивого совершенства.

Построение модели

Модель включает три взаимосвязанные составляющие [4]:

- фундаментальные концепции совершенства: базовые принципы, лежащие в основе достижения устойчивого совершенства любой организации;
- критерии совершенства и причинно-следственные связи между тем, что делает организация, и тем, каких результатов она достигает;
- логика RADAR, представляющая собой структурированный подход к оценке деятельности организации.

Главным элементом модели являются *фундаментальные концепции совершенства* (ФКС), лежащие в основе достижения устойчивого совершенства. На базе ФКС формируется эффективное мышление руководства и сотрудников организации, которое включает признаки и способы работы, соответствующие мировым стандартам. ФКС отражают лучший опыт; базируются на современных тенденциях в теории и практике, а также на концепции и принципах TQM. ФКС могут использоваться для описания признаков превосходной организационной культуры и служат общим языком для высшего руководства.

⁸ www.efqm.org

В состав модели EFQM входят 8 концепций [4], каждая из которых важна сама по себе. Однако максимальная выгода достигается при совместном использовании всех концепций. Перечень концепций включает: создание добавленной ценности для потребителей; создание устойчивого будущего; развитие организационных возможностей; использование творчества и инноваций; лидерство с видением, воодушевлением и честностью; гибкое управление; достижение успеха, благодаря таланту людей; устойчивые выдающиеся результаты. Содержание каждой из концепций раскрывается в описании модели [4]. По конкретным концепциям разъясняются особенности их реализации в практике совершенных организаций.

Модель совершенства EFQM основана на 9 критериях (рис. 2) [4], 5 из которых характеризуют «Возможности» организации, а 4 – «Результаты». Возможности – это то, что и как делает организация; результаты – то, чего она добивается. Из диаграммы следует, что совершенные результаты деятельности по отношению к потребителям, персоналу и обществу достигаются через лидерство, которое воплощается в стратегии, реализуемой при участии персонала, партнерств и ресурсов, а также процессов. Стрелки на диаграмме подчеркивают динамический характер модели, показывая, что изучение, творчество и инновации служат улучшению возможностей, что ведет к улучшению результатов. В описании по модели [4] имеется определение каждого из 9 критериев, которое отражает высшую степень совершенства в данном аспекте. Детализация каждого критерия содержится в нескольких составляющих. Составляющие критериев – это формулировки, описывающие более подробно, какие аспекты деятельности присутствуют в успешных организациях. Эти составляющие должны рассматриваться при оценке. Для каждой составляющей критерия приводятся несколько областей их проявления в успешных организациях; многие из этих областей связаны с фундаментальными концепциями совершенства. Применение упоминаемых областей не является обязательным, и их перечень не следует рассматривать как исчерпывающий.

В модели EFQM оценка и анализ функционирования организации осуществляются с помощью системы RADAR (аббревиатура от английских названий отдельных элементов). С позиций логики RADAR организации необходимо:

- определять результаты (Result), которых организация стремится достичь в рамках своей стратегии;
- планировать и разрабатывать целостный набор обоснованных подходов⁹ (Approach) для достижения необходимых результатов в настоящем и будущем;
- системно развертывать (Deployment) подходы, обеспечивая их применение;
- оценивать и улучшать (Assessment, Refine) подходы и их развертывание на основе мониторинга и анализа достигнутых результатов и постоянного изучения деятельности.

При оценке каждого критерия с помощью логики RADAR по группе «Возможности» используют элементы оценки «Подход, развертывание, оценка и улучшение» с характерными признаками (рис. 3). При оценке каждого критерия из группы «Результаты» применяют элементы оценки «Значимость и пригодность», «Качество результатов» с набором признаков (рис. 4). В руководстве по модели приводится подробное описание отдельных признаков (рис. 3 и 4).

⁹ Подход – общий способ осуществления какой-либо деятельности; состоит из процессов и структурированных действий в рамках определенной политики и принципов.

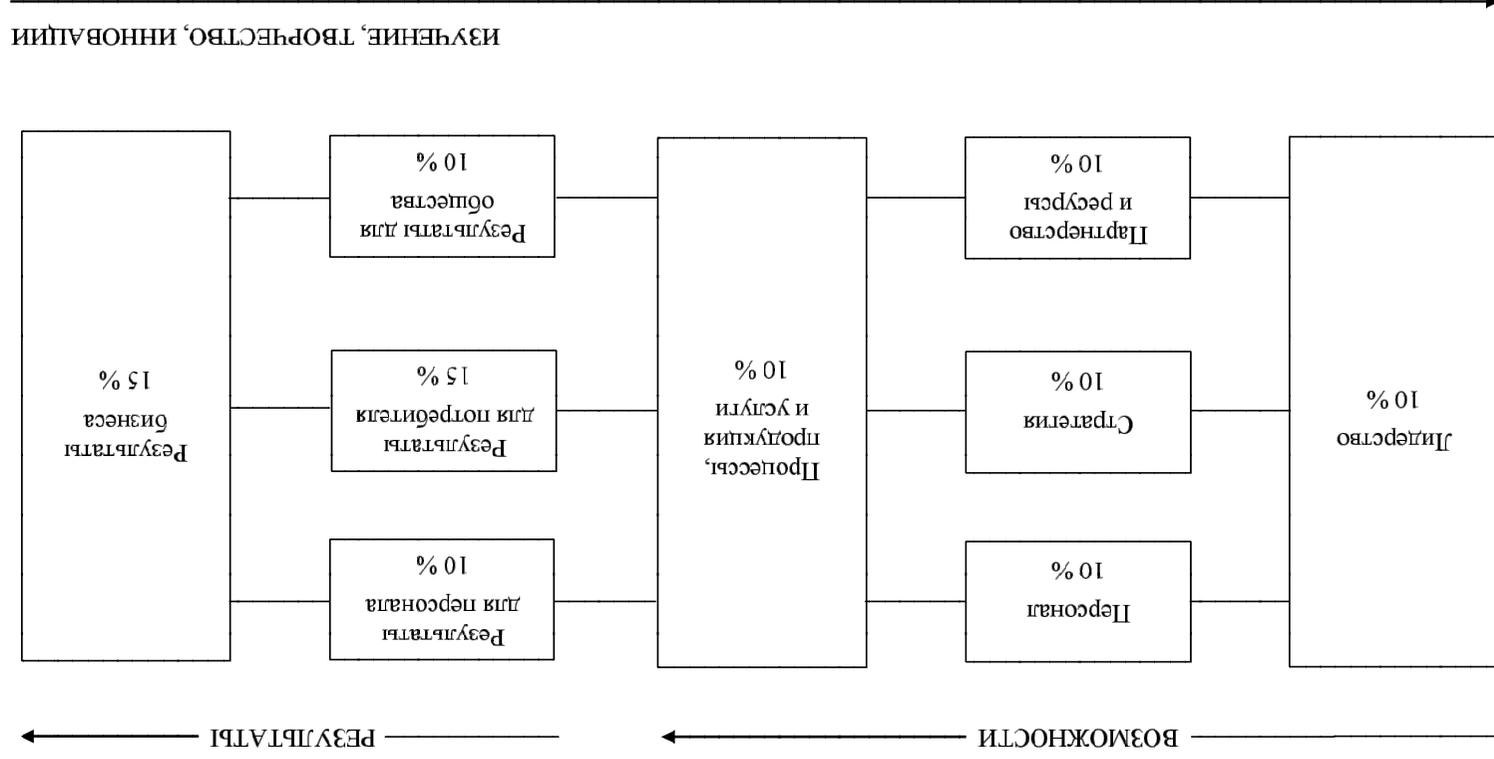

Рис. 2. Диаграмма причинно-следственных связей

Логика RADAAR может быть использована для различных целей. Наиболее часто она применяется при оценке и самооценке – в виде матрицы оценки RADAAR (при подсчете баллов по организации). Элементы RADAAR вместе с критериями модели могут

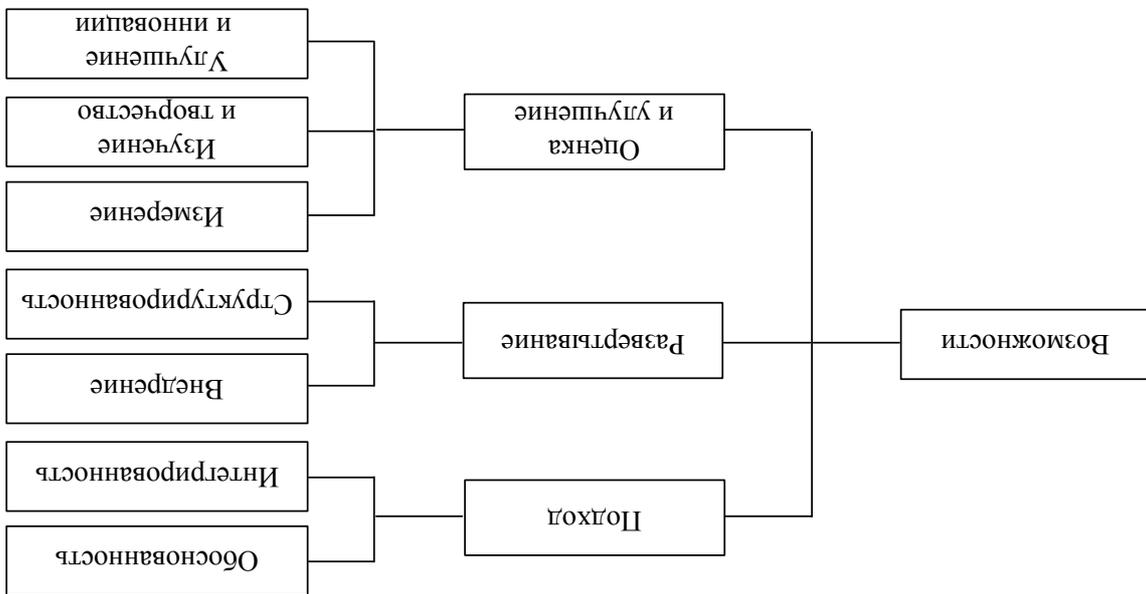

Рис. 3. Логическая схема оценивания критериев группы «Возможности»

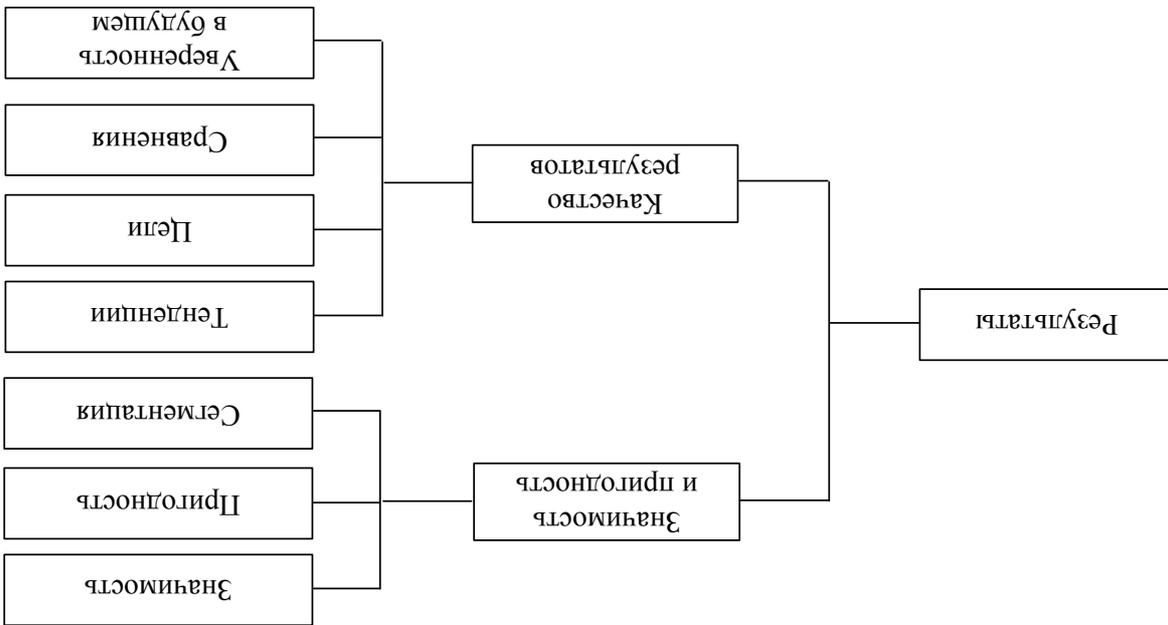

Рис. 4. Логическая схема оценивания критериев группы «Результаты»

быть использованы для стимулирования образа мыслей при разработке системы менеджмента. RADAR может применяться и как метод структурированного анализа проблем. Элементы RADAR дают структуру для работы над процессом, проектом или подходом.

В руководстве по модели EFQM [4] описываются две матрицы (таблицы): по критериям «Возможности» и по критериям «Результаты». В каждой таблице приводятся состав элементов и признаков, виды свидетельств их проявления и шкала оценки (в %).

Первым шагом в оценке является использование матрицы RADAR для оценки по каждой составляющей критерия. Сводка процентов, составленная по определенной форме, используется для суммирования присужденных оценок, выраженных в процентах, чтобы подсчитать общее количество по шкале от 0 до 1000 баллов. По каждому из 9 критериев при проведении расчетов вводится весовой коэффициент, как показано на рис. 2. (EFQM разработало пособие для углубленного понимания логики RADAR.)

Использование модели EFQM

*Схема уровней совершенства EFQM*¹⁰. Схема EFQM используется для того, чтобы обеспечить признание успехов организаций на каждом этапе их движения к совершенству. Эта схема разработана для организаций, которые:

- хотят глубже разобраться в том, как они управляют своим бизнесом или отдельными его звеньями, и получить оценку независимых опытных менеджеров;
- находятся в поиске общего подхода к улучшению своего бизнеса;
- хотят иметь ясный апробированный подход к тому, как узнать больше об особенностях управления успешными организациями;
- хотят получить внешнее признание своих успехов в стремлении стать лучшей компанией.

Схема EFQM включает три уровня.

Верхний уровень – признание в рамках конкурса на Европейскую награду за совершенство (ЕЕА). На этом уровне выделяются: победители конкурса – обладатели ЕЕА, призеры и финалисты. Премия EFQM Excellence Award (EFA) присуждается каждой европейской организации, соответствующей стандартам качества мирового уровня. Призы ежегодно вручаются организациям, добившимся выдающихся успехов в реализации отдельных фундаментальных концепций совершенства (см. выше). В каждой категории организаций, приславших заявки на конкурс, ежегодно определяются несколько *финалистов*. Как правило, это те компании, которые демонстрируют высокую степень совершенства своей деятельности. Победители, призеры и финалисты оглашаются на ежегодном форуме EFQM, в котором принимают участие сотни менеджеров из разных стран.

Конкурс на Европейскую премию (ЕЕА) проводится для коммерческих и некоммерческих организаций. В каждой из этих категорий планируется присуждать по две премии – для малых и средних организаций и для крупных/глобальных организаций или их подразделений. EFQM устанавливает требования к оформлению и содержанию документов, подаваемых заявителями для участия в конкурсе. После рассмотрения до-

¹⁰ www.efqm.org

кументов и посещения организаций группой высококвалифицированных экспертов выставляется оценка организации в баллах и составляется отчет, который представляется в жюри конкурса. Жюри устанавливает соответствие организации одному из уровней признания: финалист, лидер, победитель.

Второй уровень в схеме совершенства – «Признание совершенства» – базируется на полной версии модели EFQM и предоставляет заявителям все преимущества структурированного подхода к определению сильных сторон и областей для улучшения, а также признания успехов в достижении совершенства. На этом уровне представляется отчет, выполняемый в меньшем объеме, и процесс оценки несколько отличается от оценки в конкурсе на ЕЕА. Признание на этом уровне могут получить организации, набравшие по результатам внешней оценки от 300 до 400 баллов (уровень «три звезды»), от 400 до 500 баллов («четыре звезды») и выше 500 баллов («пять звезд»). Процедура подачи документов и оценки четко регламентирована EFQM. Оценка осуществляется EFQM или ВОК. Организации, получившей признание на данном уровне, вручают сертификат со сроком действия два года.

Третий уровень в схеме совершенствования EFQM – «Стремление к совершенствованию» – предназначен для организаций, начинающих свой путь к совершенству. На первом этапе осуществляется самооценка по 9 критериям модели EFQM. Это обеспечивает получение всестороннего взгляда на свою деятельность с точки зрения избранной модели. На втором этапе организация должна продемонстрировать реализацию действий по улучшению деятельности. При выполнении этих этапов организация применяет методические и информативные материалы EFQM, при необходимости используются услуги консультантов и производится обучение персонала. Отчет по выполненным этапам передается в EFQM или ВОК, после чего назначается опытный эксперт для проведения оценки.

Все процессы, входящие в данный уровень признания, регламентированы EFQM. При положительном заключении эксперта организация получает европейский сертификат и право использования логотипа EFQM. Срок действия сертификата – два года.

Улучшение деятельности организаций на основе самооценки. В Европе в течение последних 20 лет широко используется модель совершенства EFQM для постоянного улучшения деятельности организаций [13] на основе самооценки. Под самооценкой понимается всесторонняя, регулярная, системная оценка деятельности организации и ее результатов с помощью модели совершенства EFQM. Самооценка осуществляется по инициативе самой организации собственными силами, при необходимости привлекаются сторонние квалифицированные эксперты. Самооценка позволяет организации выявить свои сильные стороны и области, в которых необходимы улучшения. По результатам самооценки разрабатывается и реализуется план усовершенствования, проводится мониторинг его выполнения. Организация регулярно проводит цикл действий по оценке и улучшению своей деятельности, добиваясь постоянного совершенствования.

EFQM разработало руководство по самооценке организаций на основе модели EFQM [13]. Кроме того, предлагается комплекс вспомогательных материалов и учебных курсов.

Опыт преуспевающих компаний показывает, что самооценку нельзя рассматривать как комплекс независимых действий. Наибольшая польза будет достигнута, если самооценка станет встроенной частью системы менеджмента, с помощью которой бу-

дет формироваться стратегия реализации миссии и видения организации – стратегия улучшения ее работы. Как правило, процесс улучшения с помощью самооценки повторяется с цикличностью, равной одному году. Вариант состава этапов этого процесса приводится на рис. 5 (содержание отдельных этапов цикла подробно рассмотрено в [13]).

О комплексах мероприятий по развитию делового совершенствования организаций. В течение 20 лет в Европе под руководством EFQM реализуются комплексы мероприятий¹¹ по развитию делового совершенствования организаций с помощью модели EFQM. В состав комплексов входят:

1. Стимулирование постоянного совершенствования деятельности организаций во всех странах Европы на основе современных методов делового совершенствования (реклама, пропаганда, стимулирование) с привлечением европейских и государственных органов управления.

2. Помощь организациям в постоянном совершенствовании (обеспечение персонала методическими и инструктивными документами, обучение персонала, консультирование, обмен передовым опытом, обеспечение информацией и др.).

Рис. 5. Цикл совершенствования работы организации с использованием самооценки

¹¹ www.efqm.org

3. Обеспечение взаимодействия с некоммерческими объединениями по качеству (партнерами) в отдельных странах Европы.

4. Организация научных исследований по вопросам совершенствования модели EFQM и ее использования.

5. Совершенствование методики преподавания по деловому совершенствованию в вузах.

6. Обеспечение признания заслуг по совершенствованию деятельности отдельными организациями (Европейская награда за совершенствование, Признанное совершенство, Стремление к совершенству и др.).

7. Формирование и функционирование инфраструктуры (создание web-сайта, организация интернет-магазина, использование интернета в обучении, подготовка лицензированных экспертов и преподавателей, создание специализированной группы в социальной сети LinkedIn и др.).

8. Тесное взаимодействие со специализированными некоммерческими объединениями организаций (ассоциациями и союзами).

9. Организация ежегодных форумов EFQM по рассмотрению важнейших проблем делового совершенствования.

Использование модели EFQM в России. В России с 1996 г. ежегодно присуждается Премия Правительства РФ в области качества¹² с использованием модели EFQM. В конкурсе на присуждение премии могут участвовать организации, осуществляющие производство продукции и оказание услуг (независимо от их организационно-правовой формы). Премии присуждаются организациям с численностью до 250 человек; от 250 до 1000 человек и свыше 1000 человек.

Методы работы по проведению конкурсов, на наш взгляд, еще недостаточно совершенны. Предусматривается преимущественно ориентация на качество продукции и услуг, а не на освоение системы Всеобщего управления на основе качества TQM и обеспечение устойчивого совершенствования. Недостаточно внимания уделяется главной части модели EFQM – фундаментальным концепциям совершенства. Изменен – не в лучшую сторону – состав критериев оценки организаций и их составляющих. Упрощена методология оценки и анализа функционирования организаций. Недостаточное развитие получило обеспечение помощи предприятиям в подготовке к конкурсу, распространении лучшего опыта и вовлечении организации в достижение устойчивого совершенствования.

В 2003 г. *Всероссийская организация качества* (ВОК) стала Национальной партнерской организацией EFQM¹³. Задача ВОК – помочь российским организациям в улучшении своей деятельности, используя самооценку по модели EFQM, а также подтверждать эти улучшения сертификатами EFQM и участием в конкурсах на соискание Европейской премии по качеству. Работы по оценке соответствия и выдаче сертификатов по первому и второму уровням совершенствования выполняют российские эксперты и специалисты, аккредитованные EFQM, а соответствующая документация предоставляется на русском языке.

Работы по оценке соответствия российских организаций критериям модели совершенства на первом и втором уровнях («Стремление к совершенству» и «Признание

¹² <http://www.vniis.ru/about/premiya-pravitelstva...>

¹³ www.efqm-rus.ru

совершенства») выполняет Центр экспертных программ ВОК. Центр консалтинга и обучения ВОК проводит лицензированный курс подготовки экспертов по модели совершенства; семинары и тренинги по самооценке и применению модели; консультирование при внедрении модели в организациях, а также при участии в конкурсе на Европейскую премию по качеству. Несмотря на активную работу ВОК сертификат EFQM «Признание совершенства» с 2001 по 2017 г. получили 77 организаций, а сертификат «Стремление к совершенству» с 2006 по 2014 г. – 42 организации. Это сравнительно небольшое количество организаций, стремящихся к устойчивому совершенствованию.

О развитии в России сети совершенных (высококачественных) коммерческих организаций

Исходные предпосылки

Предлагается развивать в РФ сеть совершенных организаций путем увеличения их количества и совершенствования каждой из них, чтобы постепенно охватить основную массу организаций. Такая сеть должна способствовать росту ВВП на уровне государства за счет непрерывного увеличения способности страны производить товары и услуги.

В перспективе каждая совершенная организация должна функционировать на уровне устойчивого успеха, достижение которого обеспечивается за счет устойчивого совершенствования организаций на основе применения *модели совершенства EFQM* (см. выше).

Модель EFQM может использоваться в сочетании с любым набором инструментов менеджмента [4] в зависимости от потребности и функций организации, выполняя роль объединяющей структуры для достижения устойчивого совершенства. К таким инструментам относятся: стандарты на целевые системы менеджмента ИСО 901, ИСО 14001, ИСО 9004, ИСО 5001 и др.); передовая практика (бенчмаркинг, шесть сигм, бережливое производство, кайдзен, «20 ключей» и др.); универсальные методические разработки и инструменты (планирование экспериментов, диаграммы Парето, анализ видов и последствий отказов и др.); системы менеджмента (сбалансированная система показателей, цепочка ценностей для потребителя) и др.

Развитые сети совершенных организаций должны *основываться на достижениях EFQM*¹⁴, опыте присуждения Премии Правительства РФ в области качества, а также работе ВОК как официального партнера EFQM. Должен также учитываться опыт присуждения премии в области качества в Японии (Премия Деминга), США (Премия Малкольма Болдриджа), в Германии, СНГ и др. [1]. В ближайшие пять лет предлагается основное внимание уделить деловому совершенствованию коммерческих *организаций несырьевых сфер экономики, занимающихся производством товаров и услуг*. Этим процессом должны быть охвачены крупные организации или их части, а также малые и средние организации.

При этом необходимо учитывать *наличие сил сопротивления* деловому совершенствованию организации. *Владельцы и руководство организаций* [7] по большей части не пытаются осуществить глубокие изменения в работе подконтрольных организаций. Это обусловлено преимущественной ориентацией на опыт «командной экономи-

¹⁴ www.efqm.org

ки» и слабым представлением о лучшем мировом опыте; боязнью ухудшения существующего положения; отсутствием уверенности в необходимости существенных изменений; страхом перед неизвестностью; отсутствием уверенности в необходимой компетентности персонала и др. Отметим значительные *сложности*, возникающие *внутри организации* при внедрении улучшений: сопротивление ряда работников переменам; неготовность к переменам значительной части персонала из-за отсутствия необходимых знаний, мировоззрения и характера; возникновение дополнительных трудностей в работе персонала и др.

Модель EFQM основывается на *комплексе современных знаний*, влияющих на качество организации (рис. 6). Содержание этих областей частично рассмотрено в [10]. Можно утверждать, что персонал большинства российских организаций знаком с этими областями знаний лишь поверхностно, так как они большей частью не входят в учебные программы вузов. Ограниченно число консалтинговых организаций, занимающихся этими вопросами, поэтому при существующем уровне знаний у персонала большинства российских организаций использование модели EFQM для их совершенствования вызовет значительные трудности. Для развития сети совершенных организаций необходимы разработка и реализация комплекса мер по скорейшему освоению персоналом важнейших знаний, влияющих на качество организации.

Согласно мировой практике, одним из эффективных способов стимулирования стремления организации к деловому совершенствованию является *создание соревновательной среды* на всех уровнях управления и во всех типах организаций [1]; проведение ежегодных конкурсов на уровне регионов, России в целом и на уровне Европы.

Помимо присуждения премии следует установить два начальных уровня совершенствования с выдачей сертификатов согласно EFQM: 1-й (более низкий) – «Стремление к совершенствованию» и 2-й (более высокий) – «Признанное совершенство» (см. выше). Как показывает лучший мировой опыт, движение за массовое деловое совершенствование организации на уровне России в целом должно осуществляться при *главенствующей роли государства* и активном участии *общества* [7, 8, 12]. Интересы общества могут представлять некоммерческие объединения предприятий; общественные организации, занимающиеся качеством (ВОК, Академия проблем качества) и объединения юридических лиц (ассоциации, союзы) и др.

Комплекс мер по развитию сети совершенных организаций, реализуемых государством и обществом, должен быть направлен на то, чтобы большинство российских предприятий знало, что и почему надо делать для делового совершенствования, а также хотело и могло это делать.

Успешность работы организаций коммерческого сектора экономики существенно зависит от результативности действий *организаций общественных секторов* [2] (органы государственного управления, местные органы власти, законодательные органы власти и др.), поэтому в перспективе сеть совершенных российских организаций должна включать организации общественного сектора.

Цели развития в России сети совершенных организаций (СВО)

Вариант *главной цели* СВО можно сформулировать так: «Постепенное ускоренное улучшение способности российской экономики производить товары и услуги (ВВП в долларах на душу населения) собственной разработки за счет непрерывного совершенствования деятельности отдельных коммерческих организаций и увеличения количества таких организаций».

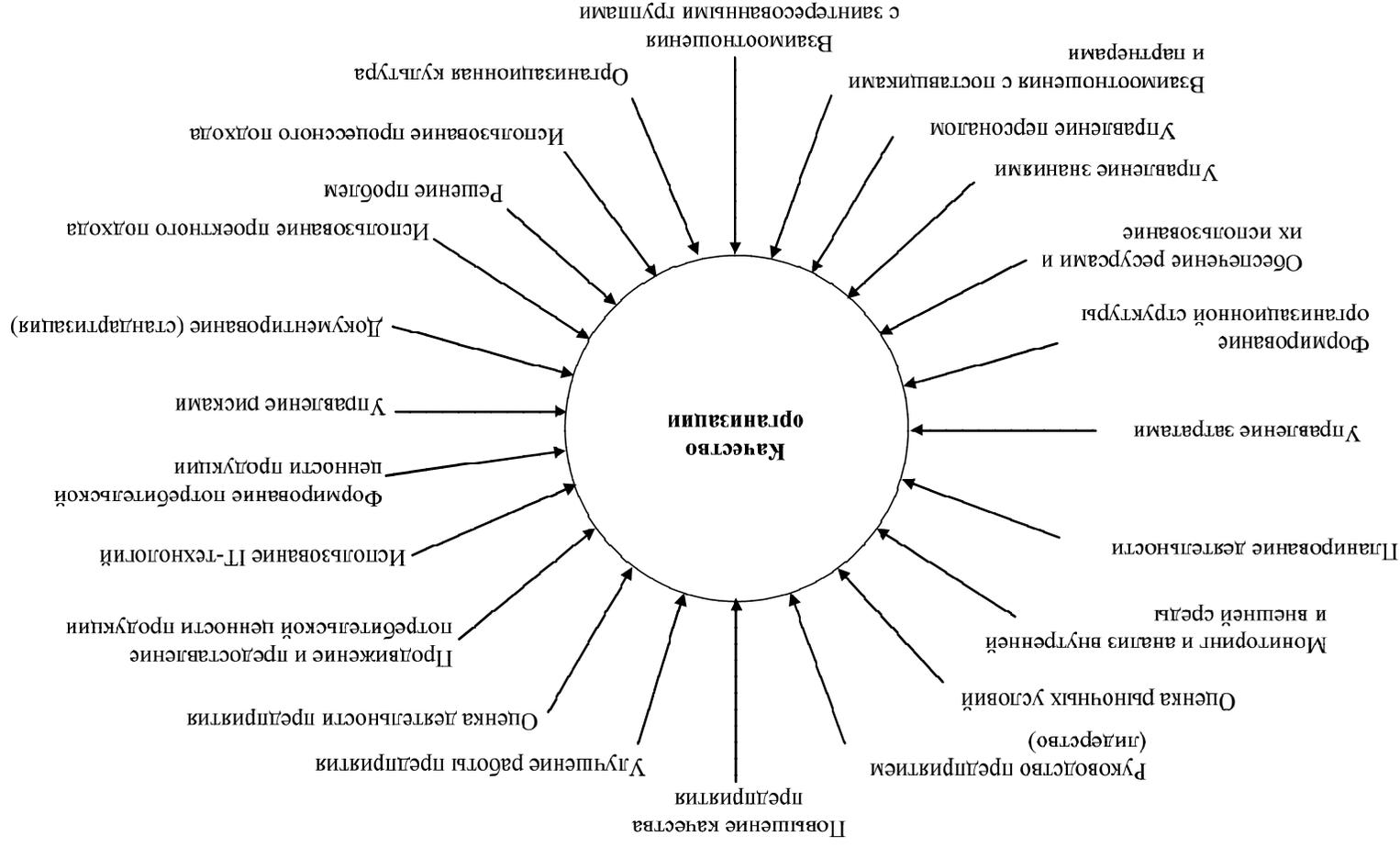

Рис. 6. Состав области знаний, влияющих на качество организации

Из главной цели вытекают следующие *основные цели*:

А. Ежегодный рост количества организаций (в %), принявших участие в конкурсе на присуждение Европейской премии EFQM в области качества.

Б. Ежегодный рост количества организаций (в %), принявших участие в конкурсе на присуждение Премии Правительства РФ в области качества.

В. Ежегодный рост количества организаций (в %), принявших участие в конкурсах на присуждение Премии в области качества по отдельным регионам.

Г. Ежегодный рост количества организаций (в %), получивших сертификаты по 1-му и 2-му уровням совершенствования.

Д. Доля охвата (в %) регионов с ежегодным проведением конкурса среди организаций по качеству.

Основные цели конкретизируются по годам Комитетом по развитию организаций. В последующем они должны быть трансформированы в цели по отдельным сферам экономики (отраслям) и по регионам.

Стратегические направления реализации целей развития сети совершенных организаций

Ниже приводится вариант стратегических направлений:

1. Стимулирование активного участия организаций в их непрерывном деловом совершенствовании (психологические методы, методы экономического стимулирования, проведение семинаров и «круглых столов» с собственниками и руководителями организаций и др.).

2. Оказание помощи организациям в деловом совершенствовании собственными силами (обучение персонала, обеспечение персонала инструктивными и методическими материалами, финансовая поддержка, консультирование, информационное обеспечение, организация обмена передовым опытом и др.).

3. Улучшение микро- и макросреды организаций (корректировка действующих и издание новых нормативных актов, совершенствование государственной статистики, развитие стандартизации, улучшение высшего образования, развитие прикладной науки, создание центров инновационного развития, создание и развитие современных торговых некоммерческих ассоциаций организаций и др.).

4. Ежегодное проведение конкурсов по качеству среди организаций на уровне страны в целом и на уровне регионов, а также присуждение сертификатов организациям по 1-му и 2-му уровням совершенствования (стимулирование участия, организационные формы, инфраструктура, порядок действий, документация и др.).

5. Активное участие организаций в Европейском конкурсе по качеству EFQM (стимулирование участия, подготовка организаций, помощь по участию в конкурсе и др.).

6. Развитие научной и методологической базы делового совершенствования организаций (изучение и широкое использование мирового опыта, проведение прикладных научных исследований, экспериментальное апробирование новых решений, издательская деятельность и др.).

7. Регулярная информация участников сети организации о ходе развития сети совершенных организаций (создание web-сайта, издание бюллетеня, распространение аудио- и видеозаписей и др.).

8. Мониторинг развития отдельных сфер (отраслей) экономики (ежегодный объем отгруженных товаров и услуг собственного производства в рублях, годовая среднесписочная численность работников и др.).

9. Уточнение состава и характеристик коммерческих организаций, занимающихся производством товаров и предоставлением услуг по сферам (отраслям) экономики.

Состав стратегических направлений должен периодически уточняться Комитетом по развитию организаций. Стратегические цели и задачи, вытекающие из стратегических направлений, уточняются на стадии индикативного планирования.

Обеспечение реализации целей развития сети совершенных организаций

Предлагается на уровне страны при главенствующей роли государства сформировать специальную *общероссийскую программу* согласно ГОСТ Р ИСО 21500-2014, ГОСТ Р 54870-2011, включающую ряд *проектов* [7, 8, 11]. Функции заказчика программы предлагается поручить Правительству РФ. Куратором программы назначается один из заместителей Председателя Правительства РФ, руководителем программы – министр Минпромторга РФ.

Проекты, входящие в программу, создаются в виде временных организаций под условным названием «Комитет по развитию сети организаций» (КР) [12], в первую очередь – при Минпромторге РФ, при ряде министерств и ведомств, а также при руководствах регионов (рис. 7). КР – коллективный орган подготовки и участия в реализации решений. КР при Минпромторге РФ будет заниматься общими вопросами развития сети организаций на уровне страны в целом; КР при министерствах (ведомствах) – специфическими вопросами развития организаций на уровне отдельных сфер экономики

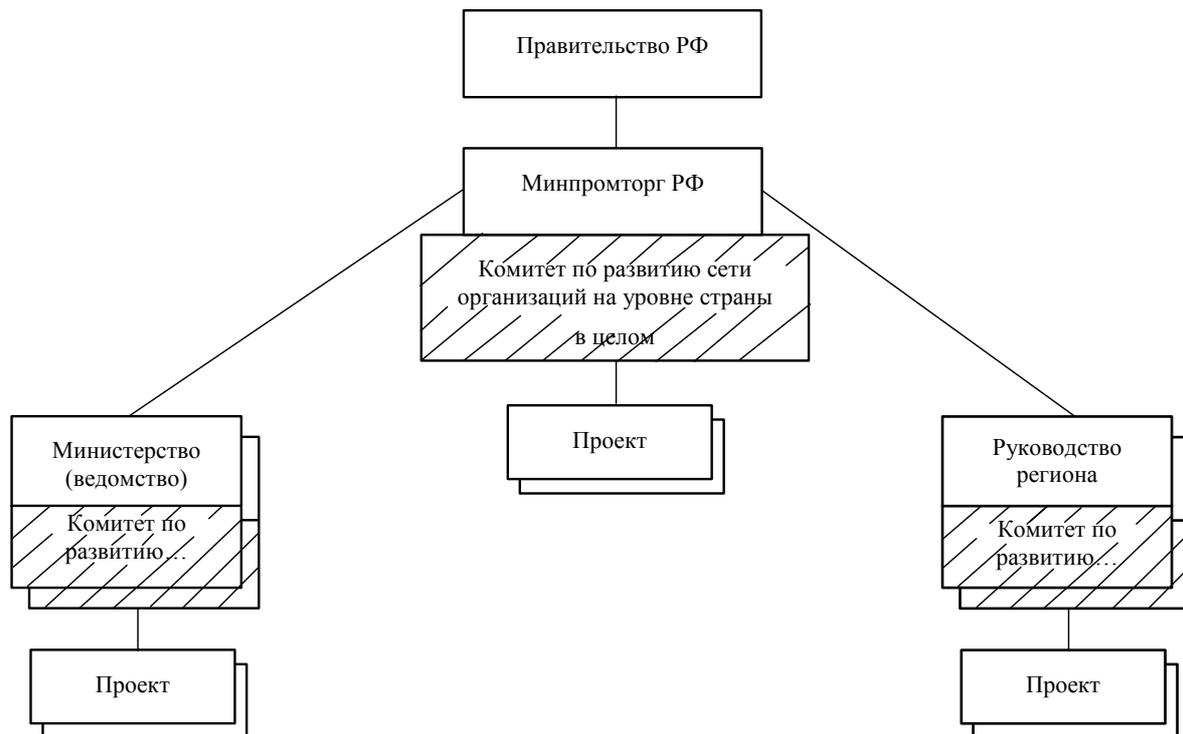

Рис. 7. Схема реализации проектного подхода при развитии сети совершенных организаций

страны. Вопросы развития организаций на уровне регионов возлагаются на КР, создаваемые при руководстве регионов. Каждый КР может являться заказчиком отдельных проектов.

Главной особенностью КР является введение в состав его членов высококомпетентных представителей госорганов управления, бизнеса, ученых и специалистов, общественных организаций. Каждое решение в КР принимается на основе консенсуса его членов. К работе КР при необходимости могут быть подключены соисполнители и субподрядчики.

Отдельные аспекты успешной работы КР с учетом лучшего мирового опыта подробно рассмотрены в [7, 8, 11, 12]. Для исключения и ослабления проявлений возможных рисков по каждому КР осуществляется организационное проектирование [8, 11].

Выводы

Россия существенно отстает от передовых стран по способности народного хозяйства производить товары и предоставлять услуги. Это обусловлено прежде всего сравнительно низким качеством российских организаций. В передовой мировой практике сформировались методы повышения качества организаций на основе Всеобщего управления на основе качества (Total Quality Management – TQM), используя которые организации добиваются *делового совершенства*.

Для целенаправленного улучшения функционирования, в том числе конкурентоспособности одновременно большого количества организаций, в ряде стран применяются модели совершенства (модели идеальных организаций). Сравнение конкретных организаций с моделью позволяет определить ее сильные и слабые стороны (области для совершенствования). На основе информации о лучшей практике разрабатывается программа усовершенствования на определенный период. После выполнения программы организация вновь сравнивается с моделью, и цикл повторяется. Одной из наиболее популярных в Европе и СНГ является Европейская модель идеальной организации (EFQM). Европейский фонд управления качеством содействует внедрению модели совершенства EFQM, предлагая обучение, а также инструменты для оценки и признания достижений организаций. В России внедрению модели EFQM способствует ВОК – официальный партнер EFQM. В скорректированном виде модель EFQM используется также при проведении конкурса по присуждению Премии Правительства РФ в области качества. Однако в целом совершенствованием охвачено сравнительно небольшое количество организаций и достигнутый уровень совершенствования сравнительно невысок.

Для значительного улучшения экономики России требуется существенное совершенствование основной массы коммерческих организаций на основе модели EFQM – создание сети совершенных организаций. Это может быть выполнено путем реализации общероссийской программы с использованием проектного подхода. Построение и реализация программы должны опираться на лучший мировой опыт. В последующем сеть совершенных организаций в России должна охватить организации общественного сектора.

По нашему мнению, все это будет способствовать значительному росту уровня и качества жизни большей части населения страны.

Список литературы

1. *Иняц, Н.* Малая энциклопедия качества. Ч. 3. Современная история качества / Н. Иняц. – М.: РИА «Стандарты и качество», 2003.
2. *Калита, П. Я.* Плоды и корни / П. Я. Калита // Стандарты и качество. – 2013. – № 6.
3. *Конти, Т.* Какое качество сможет ответить на вызовы глобализации? / Т. Конти // Стандарты и качество. – 2014. – № 8, 9.
4. Модель совершенствования EFQM (European Foundation for Quality Management). – Брюссель, 2013.
5. *Мэнкью, Н.* Микроэкономика / Н. Мэнкью, М. Тейлор. – СПб.: Питер, 2013.
6. *Николаев, С. Н.** Мировоззренческие основы успешного развития обрабатывающей промышленности / С. Н. Николаев // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 2 (40).
7. *Николаев, С. Н.** О новой экономической стратегии ускоренного развития российской обрабатывающей промышленности / С. Н. Николаев // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 3 (45).
8. *Николаев, С. Н.** Формирование стратегии ускоренного развития экономики России: научный подход / С. Н. Николаев // Стандарты и качество. – 2016. – № 9, 10.
9. *Николаев, С. Н.** Повышение качества путем инновационного развития – основа развития российского машиностроения / С. Н. Николаев // Научные труды Академии проблем качества. – М., 2016.
10. *Николаев, С. Н.** Главной причиной неудач предприятий обрабатывающей промышленности является отсутствие надлежащих знаний у персонала / С. Н. Николаев // Строительные и дорожные машины. – 2017. – № 3.
11. *Николаев, С. Н.** Об отрицательных последствиях принятия Постановления Правительства РФ от 15.10.2016 г. № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ» и о новом высокоэффективном проектном подходе к развитию экономики России / С. Н. Николаев // Строительные и дорожные машины. – 2017. – № 4.
12. «Японское чудо» и советская экономическая реформа. Японские предложения по реформе экономики в Советском Союзе / предисл. академика Н. Я. Петракова. – М.: НИЦ «Шелковый путь», 1991.
13. Assessing for Excellence. EFQM. – Brussels, 2013.

* Данные статьи размещены на сайте www.msconsulting.ru

Н. Г. Яковлева¹

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИСТОРИКО-ЛОГИЧЕСКИЕ КОНТРАПУНКТЫ

«Наконец пришло время, когда все, на что люди привыкли смотреть как на неотчуждаемое, сделалось предметом обмена и торговли и стало отчуждаемым. Это – время, когда даже то, что дотоле передавалось, но никогда не обменивалось, дарилось, но никогда не продавалось, приобреталось, но никогда не покупалось: добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть и т. д., – когда все, наконец, стало предметом торговли. Это – время всеобщей коррупции, всеобщей продажности, или, выражаясь терминами политической экономии, время, когда всякая вещь, духовная или физическая, сделавшись меновой стоимостью, выносится на рынок, чтобы найти оценку, наиболее соответствующую ее истинной стоимости».

К. Маркс, Ф. Энгельс. ПСС. Изд. 2. 1955. Т. 4. С. 73–74.

Проблемы высшего образования в современной экономике, где любые трансформации – от реиндустриализации до цифровизации² – связаны едва ли не в первую очередь с прогрессом человеческих качеств, обсуждаются в среде экономистов-теоретиков и в экспертном сообществе, к сожалению, не столь активно, как вопросы финансов, налогов и т. п. Между тем, процессы коммерциализации, бюрократизации и менеджизации, протекающие в мировом, в том числе и в российском, образовании, обнажают широкий спектр проблем и противоречий, от разрешения которых зависит реализация всех основных задач социально-экономического и культурного развития [14–15]. В данной статье мы сконцентрируем внимание на вопросах коммерциализации и рассмотрим контрапункты феномена коммерциализации образования на примере процессов, протекающих в высшей школе постсоветской России.

Коммерциализация образования: постановка проблемы

После распада СССР российское государство инициировало и с каждым годом интенсифицирует коммерциализацию образования. Это стало едва ли не главной

¹ Наталья Геннадьевна Яковлева, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, канд. экон. наук, доцент.

² Так, задачи реиндустриализации, которые стали широко обсуждаться лишь в последние годы, и о важности решения которых ученые ИНИР им. С. Ю. Витте, и прежде всего его руководитель С. Д. Бодрунов, писали еще в 1990-е гг., могут, по мнению С. Д. Бодрунова, решаться исключительно в единстве развития высокотехнологичного производства, науки и образования [3, 4, с. 18, 19]. К этому же выводу пришел широкий круг ученых и экспертов во время обсуждения этих проблем на инициированных ИНИР конгрессах: «Производство. Наука. Образование», г. Москва (ПНО-2014, 2015, 2016) и Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2015, 2016, 2017) [7, 8].

реальной (хотя не всегда открыто декларируемой) целью государственной политики в сфере образования. Исходным пунктом нашего историко-логического исследования коммерциализации российского образования стал переход к рыночно-капиталистической системе хозяйствования в результате проведения радикальных рыночных реформ, в том числе в сфере образования. Как пишет председатель Комитета по образованию и науке ГД ФС РФ О. Н. Смолин: «...фактически власть пыталась не реформировать образование, но подвергнуть революционной ломке его прежнюю модель, заменив ее новой, построенной по искаженным западным образцам» [13, с. 271].

Под *коммерциализацией образования* мы понимаем процесс все большей ориентации образовательных организаций не на образовательную деятельность как таковую, а на получение коммерческого результата. Реформирование системы высшего образования в постсоветской России проходило под влиянием как внутренних процессов, так и внешних факторов. Иногда провести между ними четкую грань очень сложно в силу сильной зависимости России после распада СССР от внешнего влияния.

«Очастнивание» и «платники» – исходный пункт коммерциализации образования

Реформы в сфере образования начались с введения платного образования и создания негосударственных (частных) вузов. Все частные вузы возникали как коммерческие структуры, хотя формально они, как правило, позиционировали себя как некоммерческие организации, создаваемые не для получения прибыли, а для зарабатывания денег для покрытия затрат на свою деятельность (аренда зданий и сооружений, оплата труда административного персонала и профессорско-преподавательского состава и т. д.).

Право предоставления образования на платной основе в рамках государственных образовательных стандартов было закреплено Законом РФ от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» [1]. В 1990-х гг. в стране началось активное формирование частных вузов и создание платных отделений (факультетов) в государственных высших образовательных учреждениях. Цифры говорят сами за себя: 1995/96 гг. – 193 частных вуза (25,3 % от общего числа), 2000/2001 гг. – 358 (37 %), 2005/2006 гг. – 413 (38,7 %), 2014/2015 гг. – 402 (42,3 %) [11, с. 82–83; 12, с. 29].

Первоначально большинство частных вузов при осуществлении своей деятельности использовали государственное имущество (в лучшем случае арендуя, а зачастую незаконно эксплуатируя здания и сооружения) и материально-техническую базу, а также профессорско-преподавательский состав государственных вузов (работа по совместительству и т. п.). Государство никак не помогало частным вузам при осуществлении их деятельности: специальных программ государственной поддержки (во всяком случае, легальных) для их развития не было. Государство помогло лишь в одном – оно создало достаточно лояльные условия для получения лицензии на ведение образовательной деятельности. В дальнейшем «частники» должны были рассчитывать на себя, поэтому частным вузам приходилось в первую очередь думать не о качестве образования, а о том, как выжить и прокормить себя, т. е. – как заработать деньги. А самый простой способ заработать деньги – набрать как можно больше студентов. Для этого использовались все возможные способы: открывались пользующиеся спросом специальности (менеджмент организации, юриспруденция, финансы и кредит, государственное и муниципальное управление и др.); формировались очно-заочные и заочные отделения (многие частные вузы использовали в своей деятельности только эти формы обучения), создавалась сеть филиалов и представительств; использовались дистанцион-

ные технологии для полного освоения учебного плана (без очного посещения учебного заведения); на обучение брали без конкурса всех подавших документы на поступление (особенно на заочные отделения); снижались затраты за счет качества профессорско-преподавательского состава и/или уровня оплаты труда; использовались различные виды рекламы.

Все это отрицательно сказывалось на качестве образования и, как следствие, на уровне знаний, умений и навыков выпускников частных вузов, вплоть до крайности, когда учебный процесс превращался в симуляцию и легализованную продажу дипломов. К настоящему времени сложилась ситуация, когда диплом (государственного образца) об окончании частного вуза, как правило, низко котируется у работодателей, основанно предполагающих отсутствие сколько-нибудь глубоких знаний, навыков и умений у выпускников таких вузов, и не имеет доверия в обществе в целом. В результате процесс «очастнивания» образования, вопреки существующей абстрактной установке на более высокую эффективность частной собственности по сравнению с государственной, обернулся преимущественно снижением качества образования вплоть до его профанации.

Одновременно с «очастниванием» разворачивался процесс коммерциализации образования в государственном секторе, шло формирование платных (с полным или частичным возмещением затрат на обучение) факультетов, отделений, отдельных групп студентов в государственных вузах. Причиной этого стало резкое сокращение государственного финансирования образования на фоне общего сокращения государственных расходов. Государственные вузы для сохранения своей материально-технической базы и профессорско-преподавательского состава в период кризиса 1990-х гг. также шли во многих случаях на снижение качества образования, открывая платные отделения и факультеты, принимая туда абитуриентов с более низким уровнем подготовки и предъявляя к студентам-«платникам» заниженные требования. Деньги, поступающие от платных студентов, шли на обеспечение деятельности всего вуза. Важно подчеркнуть, что вместо приватизации государственных вузов началась их коммерциализация. Такова специфика сферы образования постсоветской России, существенно отличающая ее от других сфер российской экономики.

Таким образом, в постсоветской России развернулись два процесса коммерциализации образования: параллельно с государственным сектором высшего образования, в котором появились «платники», сформировался частный сектор, где подавляющее большинство студентов учатся за свой счет. В результате резко возросла доля платного высшего образования: на бюджетной основе в 1995 г. обучался 91 % студентов; в 2000 г. – 65,6 %; в 2005 г. – 50,2 %; в 2014 г. – 47,4 [9, с. 97].

В результате «очастнивания» и «платников» российское общество и экономика получили следующие отрицательные явления:

- переизбыток выпускников по специальностям, связанным преимущественно с транзакционным сектором;
- снижение качества подготовки выпускников вузов;
- низкий уровень квалификации профессорско-преподавательского состава;
- недоверие работодателей к выпускникам частных вузов и коммерческих отделений государственных вузов;
- дискредитация статуса высшего образования в целом.

Таковы контрапункты коммерциализации образования первого периода российских рыночных «реформ». Результатом этого процесса стали, как мы уже подчеркнули,

существенные изменения в содержании образования, в том числе и высшего (в его структуре и социально-экономических отношениях в этой сфере).

Образовательная услуга вместо образования

На протяжении 1990-х гг. в России сформировался так называемый рынок образовательных услуг со всеми присущими рынку атрибутами: на нем продается и покупается специфический товар – образовательная услуга. Спрос и предложение начали все больше определять: какие услуги, какого качества, по какой цене, ориентированные на какие социальные слои покупателей и т. п. будут производиться и как эти услуги будут потребляться (для образования это немаловажный вопрос, так как «потребление» образовательной услуги предполагает значительный объем труда потребителя в процессе обучения). Возникли и упрочились отношения конкуренции, причем не только среди образовательных организаций, но и среди преподавателей и студентов – образование все более превращалось в процесс отчужденных экономических отношений.

На первый план вышло основное противоречие рыночно-капиталистической системы образования: между содержанием образовательного процесса как триединства воспитания, обучения и просвещения в процессе диалога, сотворчества учителя и учеников, с одной стороны, и социально-экономической формой этого процесса – отчужденными отношениями обособления и конкуренции преподавателей и студентов между собой и друг с другом в процессе производства, продажи, покупки и «потребления» рыночных образовательных услуг – с другой. Всему этому способствовало принятие двух законодательных актов: сначала – закона о коммерциализации бюджетных учреждений³, который узаконил выведение образовательных организаций на рынок, а затем – закона об организации предоставления государственных и муниципальных услуг, в соответствии с которым деятельность по реализации функций органов власти была признана государственной услугой⁴.

Таким образом сфера образования, в частности высшего, в постсоветской России переориентировалась на продажу услуг, обеспечивающих их покупателю в лучшем случае получение некоего набора «компетенций», позволяющих профессионально выполнять функции наемного работника и винтика общества потребления (как сказал один из современных российских министров образования России, главное сейчас – взрастить потребителя, который сможет правильно использовать достижения и технологии, разработанные другими [19]), а в худшем – симулякров, знаков этого товара-услуги [2, 6] – диплома, за которым не стоят соответствующие «компетенции».

Этот процесс наряду с формально-юридическими основаниями имел и неформальные проявления. С одной стороны, родители и дети (школьники, студенты) стали позиционировать себя как потребители образовательных услуг, предъявляя определенные требования к учебным заведениям и учителям (преподавателям). С другой стороны, у учителя (преподавателя) и образовательных организаций возникли стимулы к максимизации своего дохода, в том числе за счет снижения качества своей деятель-

³ Закон РФ от 08.05.2010 №83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».

⁴ Закон РФ от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

ности, ухудшения ее содержания, перехода к продаже, более того – к «продвижению» с помощью маркетинговых и пиар-технологий симулякров образовательных продуктов.

Результатом коммерциализации образования стал контрапункт стремления образовательных организаций платить преподавателю как можно меньше, отчасти совпадающий со стремлением учеников (студентов) платить как можно меньше за получение образовательной услуги и необходимостью преподавателя обеспечить себе, как минимум, выживание, как максимум – достойный образ жизни за счет снижения качества образования при работе на 1,5-2 ставки в двух и более учебных заведениях. Исключением из этого процесса стали некоторые государственные вузы, готовящие «элитных» специалистов. В них сохранилось достаточно высокое качество платного обучения.

Так сложилось глубокое противоречие, характеризующее не только контрапункты собственно системы образования, но и проблемы экономики в целом: противоречие между потребностью развития системы общественного производства и прогресса человеческих качеств, становящейся все более острой в России XXI в., с одной стороны, и неспособностью существующей, ориентированной на тотальную коммерциализацию, модели организации высшего образования в России решить задачу создания высокопрофессиональных и высококультурных кадров – с другой. Одна из причин этого – *alter ego* коммерциализации – *уход государства из образования*.

Последнее проявилось не только в существенном сокращении государственного финансирования образования (2011 г. – 5,06 %, 2012 г. – 4,68 %, 2013 г. – 5,04 %, 2014 г. – 4,03 %, 2015 г. – 3,45 %, 2016 г. – 3,60 %) ⁵, но и в том, что государство перестало быть субъектом формирования стратегии системы подготовки кадров, превратив рыночную конъюнктуру если не в единственный, то в главный механизм «заказа» на подготовку специалистов с высшим образованием. Результаты хорошо известны: срабатывающая с заметным лагом (как правило, не меньше 5–6 лет) ориентация абитуриентов и вузов на специальности, пользующиеся на рынке наибольшим спросом, уже привела к избытку одних (мы упоминали о перепроизводстве реальных и псевдоспециалистов для транзакционного сектора) при очевидной нехватке других – инженеров, конструкторов и иных специалистов, призванных реализовать задачи реиндустриализации. Одним из парадоксальных проявлений этого стала ориентация на подготовку специалистов для государственного сектора, вызванная не стратегическим заказом государства, а сложившейся конъюнктурой на рынке труда: доходы работников госкорпораций и госаппарата выше, чем в частном секторе. Но это временная конъюнктура рынка, а не стратегический государственный заказ, и последствия переподготовки более или менее реальных специалистов в области госуправления будут достаточно печальными.

Контрапунктом процесса ухода государства из образования стала нарастающая волна бюрократизации образования: государство, отказавшись от поддержки и стратегического развития этой сферы, безудержно развивает функции формального контроля.

Новый век и начавшийся в нулевые годы экономический рост несколько видоизменили процесс коммерциализации образования, но стагнация, следовавшая за

⁵ Составлено автором по данным официального сайта Министерства финансов РФ. (http://info.minfin.ru/kons_rash.php)

кризисом 2007–2009 гг., во многом вернула все в прежнее русло, некоторые весьма противоречивые изменения начались лишь в последние годы.

Коммерциализация образования в России: контрапункты XXI века

Некоторые улучшения ситуации в бюджетной сфере по сравнению с 1990-ми гг., в частности, рост доходов работников сферы образования, особенно заметный в течение первого десятилетия XXI в., создали видимость значимых изменений. К сожалению, это далеко не так: процессы коммерциализации образования не прекратились, хотя наиболее вопиющие формы фиктивного высшего образования в последние годы элиминируются, закрываются некоторые (очевидно не справляющиеся со своими задачами) филиалы и вузы. Правда, – контрапункт на контрапункте! – делается это при помощи столь бюрократических и формальных механизмов (чего только стоят волонтеристские объединения и слияния вузов), что вреда от этого процесса едва ли не больше, чем пользы.

В то же время появились некоторые значимые тренды в сфере коммерциализации образования. Один из важнейших – все более активное *превращение крупных, сохранивших достаточно высокий уровень, университетов России в коммерческие корпорации*. Выделим основные характеристики этого активизирующегося процесса:

- ориентация на коммерческий результат;
- замена общественной модели на корпоративную;
- активное патентование и лицензирование научных открытий;
- создание в управленческой структуре университетов подразделений (компаний) по управлению их финансовыми активами.

Другим устойчивым трендом, наиболее активно проявляющимся в последние полтора десятилетия, стало *сращивание бизнеса и образования*. Этот процесс, начавшийся практически одновременно с рыночными «реформами», сегодня стал особенно интенсивным. Одна из причин – противоречивое единство двух процессов. Один – рост концентрации капитала в России, приведший к тому, что крупнейшие корпорации, особенно в сырьевом и финансовом секторах, стали контролировать до 50 % общественного богатства страны. Достигнув таких размеров, они стали больше внимания обращать на решение средне- и долгосрочных проблем, среди последних – и проблемы образования. Другая сторона этого контрапункта – превращение крупнейших университетов в некий аналог коммерческих корпораций. Не только тесное взаимодействие этих двух акторов, но и их сращивание становится делом времени. Тем не менее этот процесс остается противоречивым, так как бизнес по-прежнему крайне осторожно вкладывает деньги в образование и стремится, скорее, паразитировать на этой сфере, получая лучших специалистов, подготовленных в рамках бесплатного высшего образования, финансируемого государством, в качестве бесплатной инвестиции в свой человеческий капитал.

Основными признаками сращивания бизнеса и образования становятся:

- увеличение числа бизнесменов в попечительских советах;
- открытие бизнес-школ и исследовательских лабораторий с частным финансированием;
- участие представителей бизнеса в составлении учебных программ;
- продажа патентов и лицензий на научные открытия бизнес-структурам.

Немаловажным фактором интенсификации процесса коммерциализации образования, возникшим в 1990-е гг., но сохраняющим свое значение и в настоящее время,

остается *глобализация образования*. В результате неослабевающего подчинения российского высшего образования глобальным институтам («правилам игры») в этой сфере распространяются общие стандарты образования, принципы управления университетами, школами и т. п., формируемые отнюдь не исходя из общенародных интересов граждан нашей страны.

Глобализация образования (формирование глобального рынка образовательных услуг, создание международных организаций, регулирующих деятельность национальных систем образования, и др.) существенно интенсифицирует коммерциализацию образования и приводит не столько к повышению его уровня и качества, сколько к оттоку из России наиболее талантливых преподавателей и студентов и размыванию лучших отечественных культурных и образовательных традиций.

Какие угрозы таит коммерциализация образования?

Среди угроз, которые несет процесс коммерциализации образования, наиболее значимыми, на наш взгляд, являются следующие.

1. *Приоритетное развитие элитарной модели образования*. Данная модель, предполагающая деление образования на две существенно различных подсистемы (высококачественное образование для правящей элиты и управленцев и осуществляемое по остаточному принципу образование для всех остальных), чревата окончательным закреплением за Россией статуса полупериферийной (а то и просто периферийной) страны. Страны ядра уже несколько десятилетий реализуют либо модель высококачественного образования для всех и через всю жизнь (западно-европейская модель, где большая часть высшего образования до сих пор является бесплатной), либо, являясь центрами империалистического давления, импортируют наиболее высококачественных педагогов и студентов из-за рубежа. Вторая модель для России закрыта, поэтому только использование первой позволит нам выйти из положения отсталой экономически, научно, технически и культурно страны.

2. Названная альтернатива поможет нам освободиться от давления доминирующих в глобальной системе игроков, противопоставить социально ориентированную систему образования в нашей стране процессу, который мы ранее определили как *образовательный империализм*⁶. Последнее есть ни что иное, как формирование и распространение модели образования, реализующей империалистические тенденции в развитии общества в целом.

3. Логическим завершающим пунктом коммерциализации образования является его *финансиализация*. Это понятие, введенное нами на основе известных определений процесса финансиализации⁷, характеризует процесс, развивающийся в той мере, в какой значительную или большую часть дохода образовательные организации получают от финансовой, а не собственно образовательной деятельности (например, финансовое посредничество, инвестиционная деятельность и др.).

⁶ Яковлева, Н. Г. Образовательный империализм: вызовы и угрозы: докл. на междунар. конф. «Империализм и империи в XXI веке (к 100-летию книги В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма»». Москва, Институт экономики РАН, 10 октября 2016 г.

⁷ Достаточно подробно явление финансиализации рассмотрено в работе: Рязанов, В. Т. (Не)реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016. С. 70–80.

Не все то золото, что блестит

Перенимая западные образцы, в частности в сфере высшего образования, мы должны понимать, что там далеко не все так благополучно, как может показаться. Одно из впечатляющих свидетельств этого – книга дважды ректора Гарвардского университета Дерек Бока «Университеты в условиях рынка (коммерциализация высшего образования)» [5].

Гарвардский университет по версии рейтинга QS World University Rankings 2016/2017 занимает 3-е место в мире. На первый взгляд – это успешный университет с многовековой историей, альма-матер многих американских политиков и бизнесменов. Исходя из государственной образовательной политики России, его модель – это фарватер для продвижения вперед наших лучших университетов⁸. Однако, обратившись к вышеуказанной книге, мы поймем, насколько остро стоит проблема всепоглощающей коммерциализации, более того – финансиализации, перед Гарвардом и другими ведущими мировыми университетами, все более превращающимися в корпорации. Предисловие в книге Бока начинается словами: «На протяжении последних 25 лет университеты с небывалой энергией продают свои знания и умения частным лицам и корпорациям», а заканчивается неутешительным вердиктом: «Наблюдая за происходящим, я опасуюсь, что под воздействием коммерциализации может измениться сама природа академических учреждений и нам придется об этом пожалеть» [5, с. 18–38].

Основными причинами коммерциализации американских университетов Бок считает:

- сокращение государственного финансирования, побудившее некоторые университеты и их подразделения заняться поиском денег;
- обострившееся соперничество между университетами;
- множество новых возможностей получения дохода, открывшихся перед университетами благодаря появлению сложных и наукоемких технологий, в частности Интернета.

Этот выдающийся деятель образования, как и многие другие западные эксперты, опасается, «что коммерчески ориентированная деятельность университетов отодвинет на задний план всякую другую и что учебные программы будут оцениваться по их прибыльности, а отнюдь не по интеллектуальному достоинству» [5, с. 38]. По некоторым сведениям, которые приводит автор упомянутой книги, можно говорить о разворачивании процесса финансиализации американского образования вообще и Гарвардского университета, в частности. «За 1980–1990-е гг. эндаумент Гарварда вырос примерно в 20 раз. Специальная управляющая компания, созданная университетом для управления эндаументом, Harvard Management Corporation, является очень успешным инвестором, и рост эндаумента во многом происходит благодаря прибыли, получаемой от инвестиций».

⁸ Проект 5-100 – государственная программа поддержки крупнейших российских вузов. Запущена Министерством образования и науки России в соответствии с указом Владимира Путина от 7 мая 2012 года «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». Цель проекта – повысить престижность российского высшего образования и вывести не менее пяти университетов из числа участников проекта в сотню лучших вузов трех авторитетных мировых рейтингов: Quacquarelli Symonds, Times Higher Education и Academic Ranking of World Universities.

Автор обещает в будущих работах вернуться к проблеме финансиализации образования, а сейчас сделаем главный вывод: *коммерциализация образования* – это международная тенденция, которая проявляется во многих странах мира. Данный процесс все больше интересует как теоретиков, так и практиков, работающих в сфере образования [16–18]. Усиление коммерциализации образования – опасная тенденция, которая может привести к невосполнимым потерям для человечества: начиная с увеличения неравенства и расслоения общества до деградации большей части населения разных стран. Поэтому столь важно не только изучать этот феномен и порождаемые им процессы, но и предлагать альтернативные пути развития сферы образования. Ключ к поиску альтернатив лежит, на наш взгляд, в развитии системы образования по направлению к *общественной модели образования для всех и через всю жизнь, в рамках которой образование будет равнодоступным для представителей всех социальных слоев общества; университеты будут самоуправляющимися общественными организациями с большими полномочиями педагогического коллектива и студентов, а государство будет нести ответственность перед обществом за развитие образования – направляя и планируя его, стимулируя и финансируя, но не подчиняя.*

Список литературы

1. Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании». – Ст. 46.
2. *Бодрийяр, Ж.* Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. – М.: ПОСТУМ, 2017. – 320 с.
3. *Бодрунов, С. Д.* Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики / С. Д. Бодрунов // *Экономическое возрождение России.* – 2015. – № 1 (43). – С. 7–22.
4. Интеграция производства, науки и образования: прошлое, настоящее и будущее // *Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения: сб. материалов междунар. конгресса* / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – М.: ЛЕНАНД, 2015.
5. *Дерек, Б.* Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования / Б. Дерек; пер. с англ. С. Карпа; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 224 с.
6. *Бузгалин, А. В.* «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // *Вопросы философии.* – 2012. – № 11. – С. 31–42.
7. *Золотарев, А. А.* Российская экономическая система: перспективы реинтеграции производства, образования и науки / А. А. Золотарев, Н. Г. Яковлева // *Экономическое возрождение России.* – 2014. – №4. – С. 171–177.
8. *Золотарев, А. А.* Новое индустриальное общество: перезагрузка / А. А. Золотарев, Г. А. Маслов, Р. А. Субхангулов // *Экономическое возрождение России.* – 2017. – №2. – С. 55–61.
9. Индикаторы образования: 2017: стат. сб. / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, И. Ю. Забатурина [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 320 с.
10. *Маркс, К.* Полное собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2. – М., 1955. – Т. 4.
11. Негосударственная высшая школа России: становление, состояние, перспективы развития / В. А. Зернов [и др.]; под общ. ред. В. А. Зернова. – М.: Университетская книга, 2009. – 338 с.

12. Образование в цифрах: 2016: краткий стат. сб. / Л. М. Гохберг, И. Ю. Забатурина, Г. Г. Ковалева [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – 80 с.
13. *Смолин, О. Н.* Образование – для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство / О. Н. Смолин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2014. – 1120 с.
14. *Яковлева, Н. Г.* Коммерциализация, бюрократизация, менеджеризация образования постсоветской России: Политэкономический взгляд / Н. Г. Яковлева // Проблемы теории и практики управления. – 2017. – №3. – С. 121–130.
15. *Яковлева, Н. Г.* Образование как драйвер социально-экономического развития / Н. Г. Яковлева // Экономическое возрождение России. – 2016. – №4. – С. 105–118.
16. *Tao, B. L.* The Commercialization of Education / B. L. Tao, M. Berci, W. He // The New York Times. <http://www.nytimes.com/ref/college/coll-china-education-005.html>
17. *Twebaze, R. M.* Commercialization of Education in Uganda; Causes and Consequences / R. M. Twebaze // International Journal of Recent Scientific Research. –Vol. 6, Issue 7. – 2015. – July. – P. 5107–5112.
18. *Borgohain, S.* Commercialization of Education system: A critical analysis / S. Borgohain // International Research Journal of Interdisciplinary & Multidisciplinary Studies (IRJIMS). – Vol. I, Issue XII. – 2016. – January. – P. 71–76.
19. *Мазурова, Л.* Потребитель нынче в дефиците / Л. Мазурова // Литературная газета. – 2007. – 8 августа. – № 32 (6132).

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Р. Р. Латыпова¹, В. В. Юшкова², А. М. Колесников³

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Основными задачами регулирования инновационной активности становятся преодоление негативного воздействия совокупности факторов – институциональных ловушек (рис. 1) и развитие институтов позитивного воздействия (поддержка добросовестной конкуренции на рынке, справедливое распределение предпринимательского дохода, закрепление баз налогообложения в отношении сохранения прав на интеллектуальную собственность, унификация информационных носителей и обеспечение доступности ключевых программных платформ, глобализация промышленных и сервисных отношений на уровне государства).

Основной формой развития долгосрочных отношений сотрудничества предприятий является процедура формирования и построения общей концепции развития стратегического партнерства [1].

Развитие отношений хозяйствующих субъектов внутри стратегического партнерства происходит вокруг совместного использования результатов интеллектуального труда коллективов предприятий. В этих условиях во главу угла ставится проблема развития формируемых инноваций и обеспечения сохранности (надежности) источников формирования инновационных решений внутри взаимодействующих компаний. Нематериальный характер инноваций, рожденных в результате интеллектуального труда, зачастую не позволяет закрепить требования к результату внедренных инноваций и обеспечить защиту интеллектуальной собственности; оценка результатов «инновирования» на основе приращения объективных экономических показателей затруднена,

¹ *Рамиля Рамисовна Латыпова*, начальник отдела аспирантуры Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, канд. экон. наук.

² *Виктория Валерьевна Юшкова*, начальник управления организации исследований и внедрения научных разработок Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, канд. пед. наук.

³ *Колесников Александр Михайлович*, профессор Института технологий предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, д-р экон. наук.

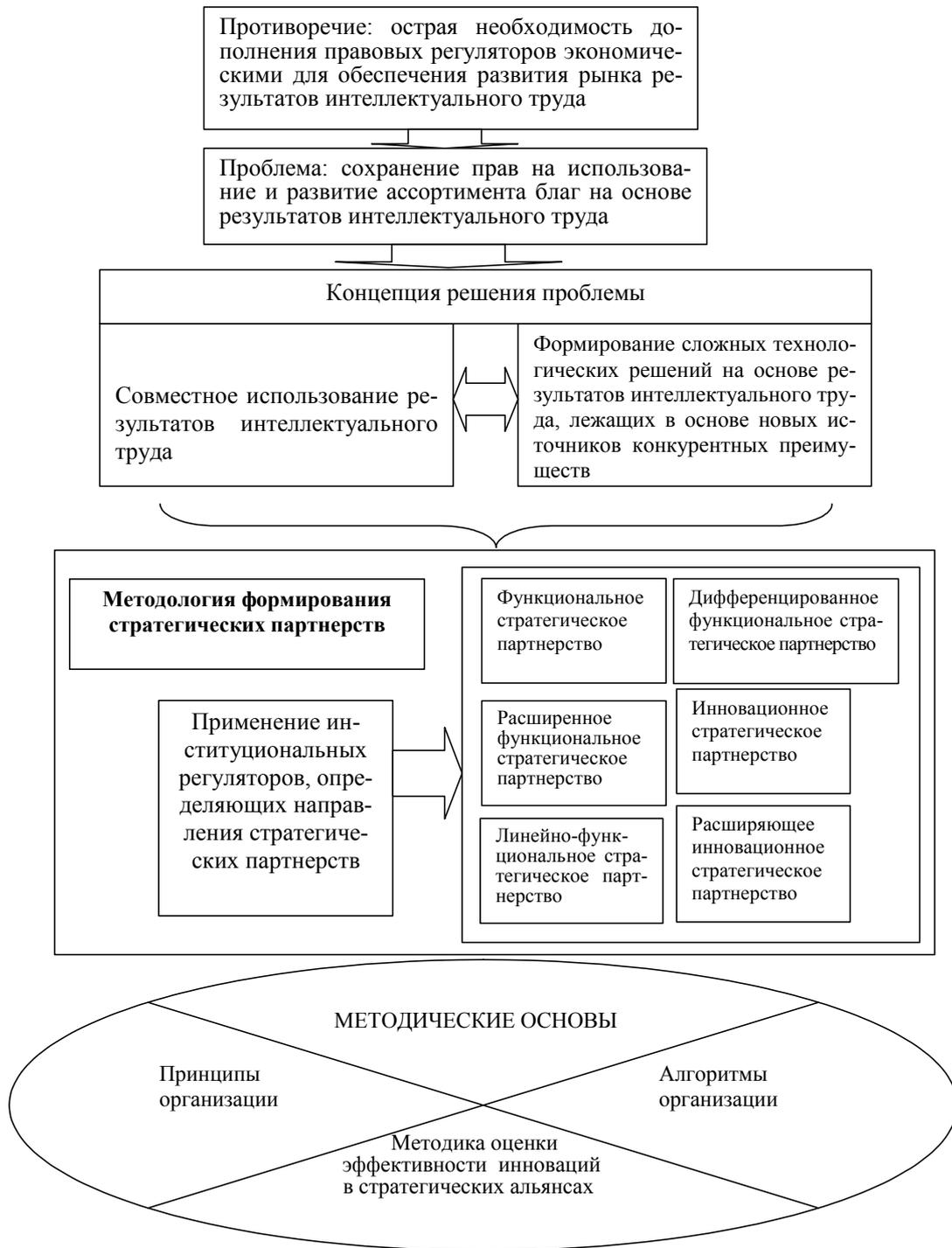

Рис. 1. Совокупность факторов воздействия на обращение объектов интеллектуальной собственности

а цена для потребителя часто определяется субъективным ощущением полезности и договоренностью сторон в стратегическом партнерстве [3].

Существующая государственная защита результатов интеллектуального труда здесь оказывается неэффективной. Стратегические партнерства способствуют рыночному регулированию данной сферы (рис. 2).

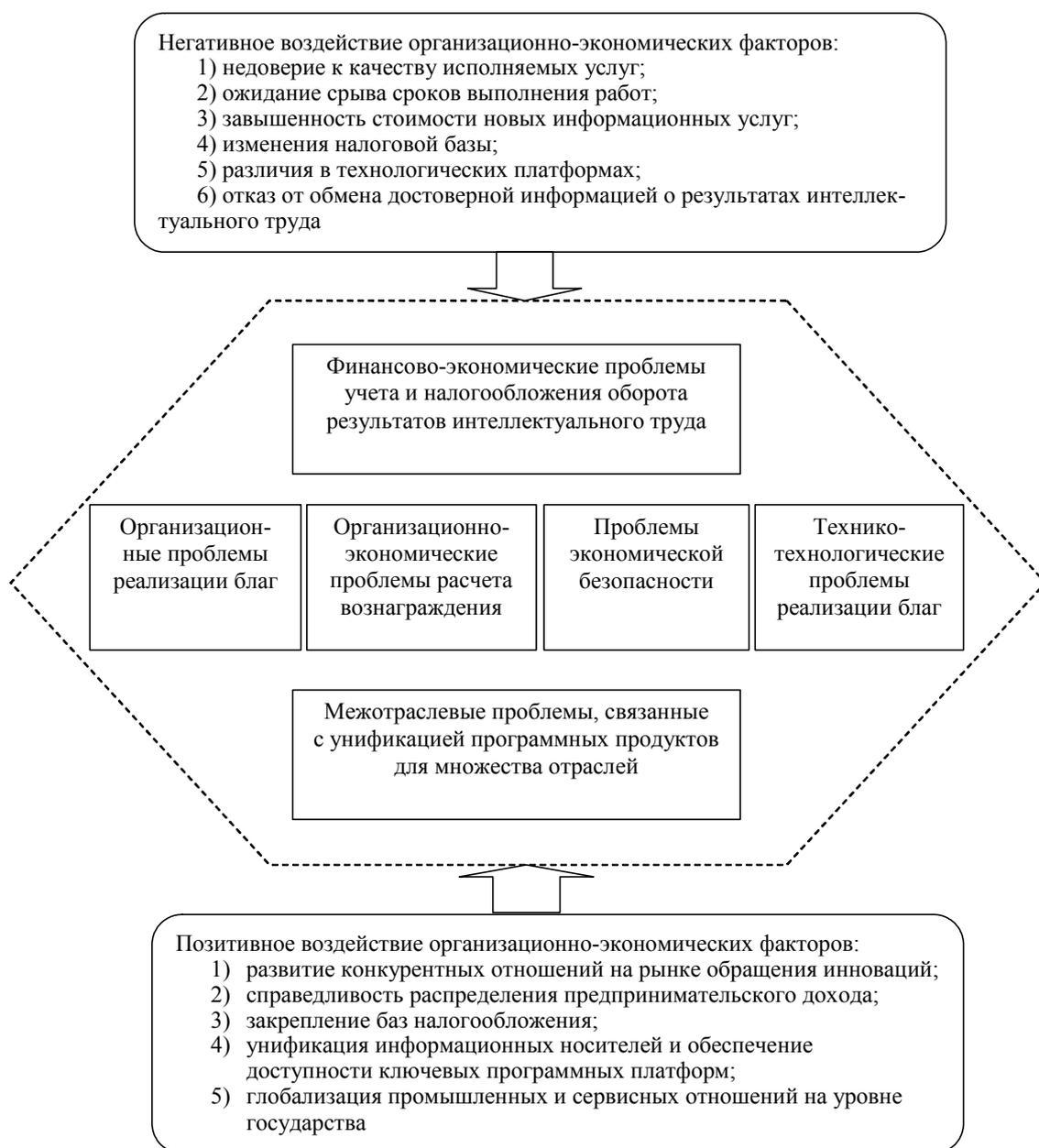

Рис. 2. Обоснование необходимости разработки методологических основ применения институциональных регуляторов обращения объектов интеллектуальной собственности

Следовательно, регулирование развития инновационных предприятий должно включать: общие требования к деятельности участников рынка; регулирование процессов обращения результатов интеллектуального труда; разрешение экономических споров, возникающих в процессе обращения результатов интеллектуального труда; регулирование отношений стратегического партнерства. При этом необходимо сочетание государственных регуляторов, определяющих конкурентные права участников рынка и прямую защиту интеллектуальной собственности, и рыночных регуляторов, обеспечивающих стратегическую защиту интеллектуальной собственности от косвенного копирования [2].

Можно выделить ограничивающие и стимулирующие факторы развития инновационных предприятий, связанные с воздействием государственных и рыночных регуляторов (рис. 3). В то же время существуют специфические проблемы развития инновационных предприятий, решение которых возможно только на основе государственного участия.

Неразвитость законодательной базы в целом и для отдельных приложений (например, электронный документооборот, электронно-цифровая подпись) тормозит развитие как спроса, так и предложения информационных технологий [4]. Развитию внутреннего спроса мешают ограничение спроса со стороны основных групп потребителей (государственных органов, предприятий населения) и ограничение предложения. Развитие экспорта инновационных решений сдерживается сложностью разрешительной процедуры получения сертификатов и лицензий ФАПРИД и огромным количеством документов при таможенном оформлении.

Отметим также неразвитость механизмов финансирования, неразвитость и высокую стоимость инфраструктуры, недостаток кадров во многих отраслях, активно реализующих инновации.

Рис. 3. Факторы, определяющие развитие инновационных предприятий во внешней среде

Отсутствует реальная нормативная база, защищающая права на разработки, представляющие интеллектуальную собственность: предприятие с целью извлечения прибыли использует не только ту интеллектуальную собственность, права на которую могут быть защищены государственными регуляторами, но и результаты интеллектуального труда, которые невозможно защитить в рамках действующего законодательства.

Необходима разработка системного организационно-экономического механизма регулирования процессов обращения результатов интеллектуального труда [5]. Этот механизм должен обеспечить сочетание государственных и рыночных регуляторов, баланс между которыми позволяет эффективно организовать движение объектов интеллектуальной собственности и других результатов интеллектуального труда, предлагаемых инновационными предприятиями (рис. 4). Соотношение государственных и рыночных регуляторов определяется противоречием между ограничением информационных потоков в целях экономической безопасности хозяйствующих субъектов и необходимостью раскрытия полной информации о результатах интеллектуального труда предприятия как основы высокого качества благ. Кроме того, это соотношение обус-

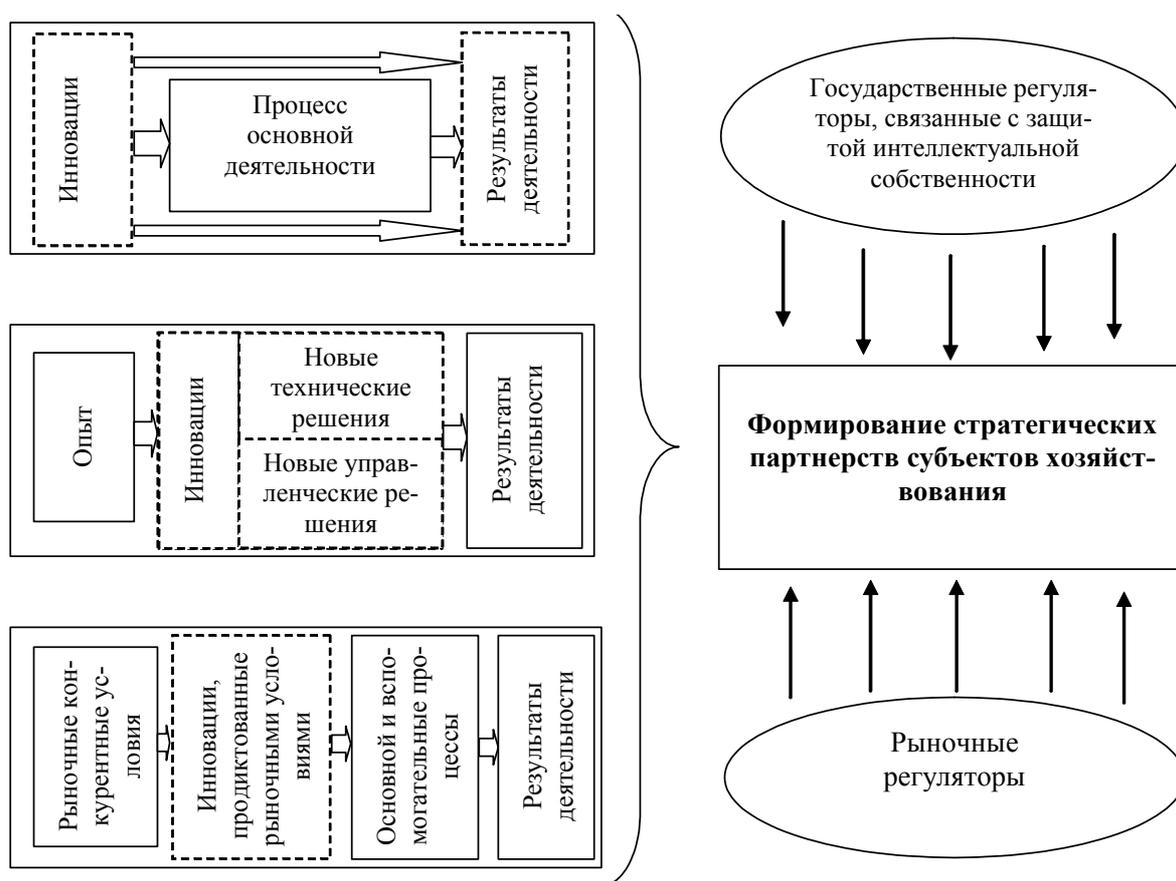

Рис. 4. Государственные и рыночные регуляторы развития

ловлено объективным интересом государства в поддержке предпринимательства как основы инновационного развития хозяйствующих субъектов.

Регулирование современных экономических процессов во многом базируется на концептуальных положениях классической и неоклассической теорий. Однако развитие информационной экономики ставит задачи поиска соотношения рыночных и государственных регуляторов, обеспечивающего защиту результатов интеллектуального труда как основы нового качества экономического роста [10].

Представляется, что теоретическим базисом регулирования экономических процессов, учитывающих вектор инновационной модернизации, может выступать институциональный подход. К фундаментальным принципам исследования, характерным для нового институционализма, относятся: методологический индивидуализм; максимизация полезности; ограниченная рациональность индивидов; оппортунистическое поведение экономических агентов.

Роль институтов заключается в ограничении набора альтернатив, из которых индивид может выбирать. Тем самым институты оказывают воздействие на пропорции и направления размещения ресурсов в обществе. Традиционно под институтами понимают правила игры в обществе, т. е. «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» (Д. Норт).

Экономические институты общества (институт защиты прав частной собственности, институт защиты конкуренции и институт защиты прав кредиторов и должников, институт исполнения контрактов) оказывают ключевое влияние на результаты функционирования экономики. Это обусловлено их воздействием на систему стимулов в обществе. Без защищенных прав собственности у экономических субъектов не будет стимулов инвестировать в физический или человеческий капитал или внедрять более эффективные технологии [11].

Институты – это нормы и правила, существующие в данной социально-экономической системе, закрепленные в соответствующих нормативных актах, формальных документах и т. д. Институты трактуются также как организации, реализующие в своей деятельности соответствующие нормы и правила.

Институциональный подход позволяет преодолеть ограниченность рассмотрения исключительно экономических категорий и интересов хозяйствующих субъектов, объяснить низкую эффективность мер регулирования противоречиями в функционировании формализованных и неформальных институтов. Кроме того, такой подход позволяет учесть влияние на развитие экономических процессов особенностей взаимоотношений между предприятиями (для российской социально-экономической системы характерен крайне низкий уровень доверия между хозяйствующими субъектами, даже вступающими в договорные отношения).

С данных методологических позиций можно обосновать ключевую роль государственных институтов в преодолении действия институциональных ловушек. В терминах неоинституциональной теории институциональная ловушка – это неэффективная устойчивая норма (неэффективный институт), носящая самоподдерживающийся характер (термин введен в экономическую науку в конце XX в.) [12]. Изменения какого-либо одного института без учета влияния других институтов не дадут должного эффекта. При этом транзакционные издержки несут хозяйствующие субъекты, а трансформационные, связанные с переходом от одной нормы к другой, распределяются между предприятиями и государством. Устойчивость нормы определяется невыгодностью отказа от нее.

Следовательно, чтобы отношения, связанные с интеллектуальной собственностью и результатами интеллектуального труда, были устойчивыми, необходимы не только целенаправленное воздействие государственных институтов в области защиты результатов интеллектуального труда и установления условий взаимодействия предприятий, но и трансформация рыночных институтов, связанных с формированием партнерских отношений на основе взаимовыгодности и долгосрочности. Так как трансформационные издержки ложатся на государство, институциональные ловушки могут быть преодолены при его ключевой роли в этом процессе.

Методологический интерес для регулирования деятельности предприятий представляют позиции неoinституционализма с точки зрения анализа транзакционных издержек, прав собственности, договорных (контрактных) взаимоотношений, а также ограничений, накладываемых на рыночных субъектов совокупностью институтов общества и принципами поведения (ограниченной рациональностью и оппортунизмом). Кроме того, постулаты неoinституционализма предполагают, что государство в силу неполноты информации не может полностью ликвидировать транзакционные издержки, следовательно, необходимо одновременное развитие рыночных регуляторов.

Список литературы

1. *Латыпова, Р. Р.* Институциональные основы развития предпринимательства в транспортном комплексе / Р. Р. Латыпова, М. Г. Илларионов // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – №24 (14). – С. 119–122.
2. *Терещенко, Д. С.* Особенности институционального подхода к изучению экономического роста / Д. С. Терещенко // Экономика, предпринимательство и право. – 2012. – № 2 (13). – С. 32–47.
3. *Инновационный потенциал: современное состояние и перспективы развития* / В. Г. Матвейкин [и др.]. – М.: Машиностроение-1, 2007. – 284 с.
4. *Исмаилов, Т. А.* Инновационная экономика – стратегическое направление развития России в XXI веке / Т. А. Исмаилов // Инновации. – 2013. – № 1. – С. 69–73.
5. *Карпичев, В. С.* Основания инновационного прорыва в государственном управлении / В. С. Карпичев. – 2-е изд., доп. – М.: Проспект, 2008. – 213 с.
6. *Ким, Л.* Технические инновации / Л. Ким // Administrative Science Quarterly, 12. – 1988. – С. 590–613.
7. *Кириченко, Э.* Основы инновационного лидерства США / Э. Кириченко // МЭИМО. – 2005. – №7. – С. 45–47.
8. *Кирсанов, М. Ю.* Активизация инновационного развития в зависимости от цены на нефть / М. Ю. Кирсанов // Фундаментальные исследования. – 2015. – Вып. № 2, ч. 8. – С. 1739–1743.
9. *Кирсанов, М. Ю.* Экономическое развитие и инновационная экономика: совершенствование государственного и муниципального управления / М. Ю. Кирсанов // Научное мнение (исторические, социологические и экономические науки). – № 2. – СПб.: Книжный дом, 2015. – С. 150–153.
10. *Лещинская, Я. В.* Управление инновационной деятельностью в системе факторов повышения эффективности промышленных предприятий / Я. В. Лещинская. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 159 с.

11. *Лисина, Е. Б.* Регулирование инновационной политики и инновационной деятельности законодательством России и ряда других стран СНГ / Е. Б. Лисина // *Инновации*. – 2007. – №8(106). – С. 41–49.

12. *Стрижкова, Л.* Инновационная составляющая промышленной политики / Л. Стрижкова // *Экономист*. – 2014. – №11. – С. 14–29.

13. *Сурин, А. В.* Инновационный менеджмент: учебник для вузов / А. В. Сурин. – М.: Инфра-М, 2009.

14. *Фридлянов, В.* Развитие промышленности как основы национальной инновационной системы / В. Фридлянов // *Инновации*. – 2013. – № 2–3. – С. 9.

О. В. Брижак¹

КОРПОРАТИВНЫЙ ЭМИССИОННЫЙ МЕХАНИЗМ И ФИНАНСОВЫЙ РЫНОК: СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ²

Доминирование корпоративного сектора в современной экономике является одним из ключевых аспектов трансформации финансовой системы, условием перехода (или не перехода) к новому качеству экономического развития. В связи с этим актуализируется вопрос о том, какие трансформации эмиссионного механизма – этой важнейшей составляющей финансовой деятельности корпорации – возможны и необходимы в современных условиях.

Оценивая процессы глобальных преобразований, подтверждая их неодновременность и неравномерность, лидер современных исследований в области генезиса нового качества индустриального развития С. Д. Бодрунов [1] обоснованно подчеркивает тенденцию образования специфических пространств, в которых происходят закрепление промежуточных положений и концентрация креативных возможностей консолидации и дифференцирования иерархии экономических отношений на глобальном уровне. Такие пространства характеризуются неоднородными системными эффектами [2], в них финансовый капитал отягощен высокими рисками, неопределенностью и не заинтересован в инвестициях стратегической направленности – в этом ключевая проблема. Как же переориентировать финансовую деятельность корпораций и их эмиссионные механизмы с преимущественно спекулятивных действий на решение проблем развития современного высокотехнологичного материального производства?

Ответ на этот вопрос содержится в серии разработок ИНИР им. С. Ю. Витте и его руководителя – С. Д. Бодрунова. Однако конкретизация этого ответа применительно к уровню корпоративного капитала требует специального внимания.

В рамках классической политэкономической традиции обоснованно подчеркивается, что содержание корпоративного капитала проявляется в системе его форм, среди которых финансовая в современных условиях едва ли доминирует. Эта форма развивается путем эффективных механизмов функционирования финансового рынка и эмиссионных возможностей корпоративного капитала. Мы не будем описывать механизмы, действующие в этой сфере (данному вопросу посвящено достаточно исследований), а сразу поставим вопросы: как трансформировать эту систему форм и не следует ли предпослать этому некоторые содержательные трансформации финансовой деятельности корпорации?

Развитие корпоративного эмиссионного механизма в условиях трансформирования финансовых отношений происходит в формах экстенсивного и интенсивного

¹ *Ольга Валентиновна Брижак*, доцент кафедры Кубанского государственного технологического университета, канд. экон. наук.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-02-00384.

развития (эта постановка проблемы позволит нам выйти на траекторию экономико-технологических и социально-экономических содержательных трансформаций, необходимых для формирования эффективного эмиссионного механизма корпораций, т. е. формы этих процессов).

Экстенсивность преобразований означает неизменность качественных параметров технологических и организационных возможностей, человеческого капитала и использование прежнего потенциала. В таких условиях происходит расширение эмиссии ценных бумаг в ограниченном количестве в связи с недостаточной инвестиционной привлекательностью. Экстенсивный путь развития указанного механизма расширяет и «омолаживает» пространство финансового рынка, обеспечивает совершенствование финансовых операций, привлекает потенциалы развивающихся стран с их новыми возможностями. Но экстенсивный тренд приводит к доминированию преимущественно спекулятивных операций. При этом содержательные параметры (технологические, производственные) остаются неизменными, не продвигая ни корпорацию, ни экономическую систему в целом на новый виток развития.

Интенсивный тип трансформаций предполагает качественные изменения, поиск и реализацию технологических новшеств и изменений в организации корпоративной социально-экономической системы, прогресс человеческого потенциала и профессиональной квалификации работников и т. п., используя для этого процесс эмиссии – механизмы сетевизации эмиссии и обращения ценных бумаг. Эмиссионный механизм обретает новое качество развития. В результате усложняется и качественно преобразуется эмиссия ценных бумаг. Механизм финансового рынка выходит на новый виток развития, перенося его во внутрикорпоративную среду финансовых отношений.

В работах представителей классической политической экономии (А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса) [3, 4] предполагалось, что внутри определенной фирмы отношения строятся на основе системы прямого управления и кооперации, не опосредуясь рынком. Определение фирмы, корпоративной системы, капитала звучало именно так: внутри – планомерность, в отношениях между первичными звеньями рыночной экономики – рыночные отношения. Отчасти сходное определение дает и новый институционализм [5], в рамках которого определение корпорации связано с господством отношений иерархии, а вне корпорации отношения строятся на основе рыночных трансакций. С этой точки зрения, корпорация определяется как система, где действуют нерыночные отношения – отношения иерархии – и это задает рамки корпорации. Там, где выгоднее отношения на основе иерархии, мы имеем корпорацию, а где выгоднее отношения на основе рынка, мы имеем независимые хозяйственные звенья.

Безусловно, подход к корпорации как системе, в которой нет рыночных отношений, является устаревшим, поскольку с конца XIX в. (особенно в XX и в начале XXI в.) сложные корпоративные структуры, особенно транснациональные, включают в себя множество филиалов, различных производств и внутри такой производственной системы отношения во многом строятся по рыночным принципам, на основе рыночных трансакций со сложной системой переходных форм. Такие отношения не только предполагают использование рыночных начал, но и включают в себя отношения международной торговли и международных финансовых трансакций, валютные операции. Вертикально-интегрированные корпорации порождают внутрикорпоративные квазифинансовые рынки с внутренним коммерческим расчетом, трансфертными ценами и оценкой внутренней эффективности различных подразделений. Такие рынки регулируются внутрикорпоративными нормами. Естественно, считать эти отношения нерыночными-

ми – некорректно. Не меньшую трудность представляет эта проблема применительно к современным сетевым корпорациям, когда производство определенного вида продукта (особенно в информационной сфере) требует каждый раз определенной конфигурации новых производителей, отделенных друг от друга пространствами, странами, континентами и каждый раз – это новая бизнес-схема, которая требует анализа эффективности трансакций и где отношения строятся в значительной степени не столько на основе прямой кооперации, сколько на рыночной оптимизации.

Интенсификация развития механизма финансового рынка (рис. 1) характеризуется наличием различных новшеств в эволюции ценных бумаг (финансовые деривативы или квазиновшества), представленных «превратными продуктами и услугами» [6, с. 89; 7, с. 69], оказывающими манипулятивное воздействие на сознание людей и их поведение. Экспансия транснационального корпоративного капитала размывает границы национальных экономик, порождает неспособность разработки механизмов защиты субъектов этих экономик от захвата квазиинноваций в области ценных бумаг и иных «превратных продуктов и услуг». Расширение финансовых инноваций углубляет противоречия между реальным и фиктивным капиталом, в результате финансовая форма движения системы отрывается от содержания, порождая приоритет виртуального капитала над его реальным базисом. Накопление фиктивного богатства приводит к снижению возможностей реального сектора экономической системы. Сети становятся автоматическими стабилизаторами экономики в условиях системных преобразований.

Содержание таблицы подтверждает верифицируемость гипотезы о существовании системных связей между динамикой эмиссионного механизма корпорации и динамикой механизма финансового рынка и важность гарантированной поддержки баланса и соизмеримости мер, принимаемых в области политики преобразований относительно вышеуказанных механизмов.

Анализ показывает, что результаты, полученные при экстенсивном пути эволюционирования корпоративного эмиссионного механизма и механизма финансового рынка отличаются от целей и задач финансовых трансформаций экономической системы. Оба механизма остаются в пределах ранее достигнутой качественной ступени эволюционного процесса. В свою очередь, результаты интенсивного способа развития корпоративного эмиссионного механизма и механизма финансового рынка адекватны

Рис. 1. Направления интенсивного развития механизма финансового рынка

Сравнительный анализ развития корпоративного эмиссионного механизма и механизма финансового рынка в условиях финансовых преобразований

Пути реализации процесса развития	Итоги развития корпоративного эмиссионного механизма	Итоги развития механизма финансового рынка
Экстенсивный	Ограниченный потенциал эмиссии ценных бумаг ввиду низкой инновационности социальных, организационных и технологических изменений снижает их инвестиционную привлекательность	Расширение финансовых трансакций; появление и наполнение финансовых рынков третьих стран, отягощенных повышенными рисками, спекулятивными ожиданиями; модернизация рыночных операций в границах однокачественного этапа эволюционного процесса, в пределах нормы
Интенсивный	Преобразования в структуре и функциях эмитируемых финансовых активов способствуют привлечению социальных, технологических, организационных новшеств, притягивают возможных инвесторов	Качественное сверхмерное изменение, связанное с новой стадией развития рынка, содержит три направления: создание квазифинансовых рынков внутри корпораций и сетей; глокализация специфических финансовых рынков с центрами развития; возникновение качественно новых секторов, появление квазиинноваций

целям и задачам финансовых преобразований системы экономики и в то же время противоречивы, что предполагает поиск оптимальных способов разрешения возникающих противоречий.

Таким образом, предположения об абсолютном доминировании глобальной интеграции ошибочны; финансовые трансформации оказались весьма болезненными для вовлеченных в них субъектов. Продолжающийся длительное время тренд к глобальной интеграции осуществлялся по инерции, воспроизводство корпоративного капитала и его вовлечение в масштабные инвестиционные проекты осуществлялись посредством сделок на глобальном финансовом рынке. Поэтому встраивание корпоративного капитала в глобальную систему преобладало над его встраиванием в национальную систему экономики.

Финансовый кризис 2008–2009 гг. оказался переломным этапом для вышеуказанного процесса, последующие 2015 и 2016 гг. закрепили тенденцию разворота корпоративного капитала в направлении национальных экономических систем. В нашей стране эта тенденция проявляется в крайне болезненной форме.

Оценка позиций России на глобальном рынке и встраивание корпоративного капитала в национальную экономику на примере выборки отечественных компаний, занимающих передовые позиции в отраслевой структуре экономики, показала значительную сырьевую зависимость российской экономики и встраивающегося в нее кор-

поративного капитала, что противоречит наметившемуся курсу на глокализацию экономик [15].

В экономике России, на протяжении последних трех лет практически оторванной от масштабных иностранных инвестиций, технологий, с жесткими бюджетными ограничениями резко снизилась капитализация крупных корпораций. Формирование «новой экономической реальности» требует отказа от ожидания инвесторов извне и концентрации внимания на внутренних ресурсах развития [16].

Данные анализируемой выборки ведущих компаний российской промышленности говорят о нестабильности инвестиционного процесса и дефицитности инвестиционных вложений, величина которых не превышает 10 % выручки, а иногда наблюдается нулевое инвестирование, что разрушает воспроизводство корпоративного капитала, ведет к амортизации основных фондов и невыполнению инвестиционных обязательств [15].

Проблему инвестиционного дефицита можно решить с помощью эмиссии фиктивного корпоративного капитала, однако здесь существуют определенные ограничения:

- слабое развитие финансового рынка и его институтов;
- слабая степень спецификации прав собственности;
- господство сырьевых корпораций, ориентирующихся на рентные доходы, оказывающих влияние на всю экономику;

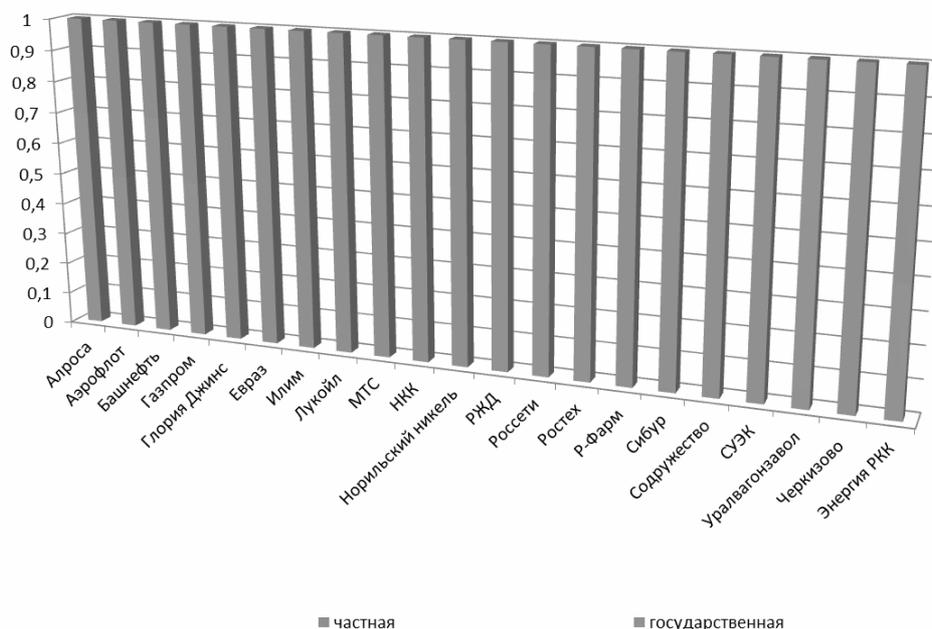

Рис. 2. Структура собственности и контроля государства над корпоративным капиталом 21 ведущей корпорации по состоянию на 16.05.2016 г.

• излишний государственный контроль над корпоративным капиталом и эмиссионным механизмом (рис. 2) [15].

Сказанное выше свидетельствует о рукотворности ряда кризисных процессов на российском финансовом рынке, порожденных «ручным управлением экономикой».

В условиях острой нехватки инвестиционных ресурсов, генерации государственного влияния, бюрократизации экономики и давления внешних ограничений необходимо изыскать возможности генерации финансовой составляющей корпоративного капитала с учетом сложившихся преобразований.

Представленные результаты оценки встраивания корпоративного капитала в российскую экономику свидетельствуют о высоком сосредоточении эмиссии финансовых инструментов в руках отдельных крупных корпораций сырьевой направленности и очень слабом представительстве высокотехнологичных корпораций [11, 12].

Осмелимся предположить, что для преодоления кризисной ситуации в российской экономике необходимо, в том числе, активное преобразование эмиссионного механизма и его скрытого потенциала. В основе изменений финансовой деятельности корпораций должен лежать переход к интенсивному типу воспроизводства на уровне фирмы (о чем мы писали выше). Большое значение имеет и форма: финансовое, в частности эмиссионное, обеспечение перехода к интенсивному типу корпоративного воспроизводства. И здесь могут быть предприняты шаги, обоснованию которых посвящена эта статья:

- упрощение процесса эмиссии и его переадресация (при помощи косвенных механизмов стимулирования) на цели перехода к интенсивному типу воспроизводства;
- льготное налогообложение для стратегических корпораций эмитентов и их инвесторов;
- образование холдингов, ФПГ, консорциумов, заинтересованных в инвестировании стратегически важных проектов, и др.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. О некоторых вопросах эволюции экономико-социального устройства индустриального общества новой генерации / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 3 (49). – С. 5–18.
2. Сапир, Ж. К экономической теории неоднородных систем / Ж. Сапир. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – С. 34–42.
3. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
4. Маркс, К. Капитал. Т. 1. Гл. 11–13 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 23. – 344 с.
5. Найт, Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль / Ф. Х. Найт; пер. с англ. – М.: Дело, 2003. – 360 с.
6. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: ИД Рудомино, 2001. – 236 с.
7. Бузгалин, А. В. Глобальный капитал: в 2 т. / А. Бузгалин, А. Колганов. – 3-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 912 с.
8. Отраслевая структура рейтинга RAEX-600 (по объему реализации). URL: <http://raexpert.ru/project/topcompanies/2017/ranking>(дата обращения 18.08.2017).
9. Сото, д. Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение в остальном мире / Э. де Сото. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004.

10. *Мошенский, С. З.* Рынок ценных бумаг: трансформационные процессы / С. З. Мошенский. – М.: Экономика, 2010.
11. *Нуреев, Р. М.* Периферия мирового хозяйства / Р. М. Нуреев // *Terra economicus*. – 2014. – №1.
12. *Паньков, В. С.* Глобализация экономики: сущность, проявления, вызовы и возможности для России / В. С. Паньков. – Ярославль: Верхняя Волга, 2009.
13. *Альпидовская, М. Л.* Кризис и противоречия современного общества потребления, или По дороге к «новой» экономике / М. Л. Альпидовская // *Философия хозяйства*. – 2014. – №4 (94).
14. *Рязанов, В. Т.* (Не) реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России / В. Т. Рязанов. – М.: Экономика, 2016.
15. *Брижак, О. В.* Вклад отечественных корпораций в развитие национальной экономики / О. В. Брижак. – М.: ТЕИС, 2016. – 152 с.
16. *Ермоленко, А. А.* Концепт конформизма: новые возможности в исследовании трансформации экономических отношений / А. А. Ермоленко, О. В. Брижак // *Terra economicus*. – 2017. – №3. – С. 92–105.

О. В. Барашкова¹

ОЦЕНКА ГОТОВНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ К РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ: ОБОСНОВАНИЕ МЕТОДИКИ И АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ²

В экономической теории общепризнана объективная обусловленность пространственной неравномерности экономического развития. Экономическая деятельность концентрируется вокруг ограниченного числа центров развития – полюсов роста, крупных агломераций. В то же время задачи обеспечения пространственной целостности национальной экономики обуславливают необходимость создания условий, сглаживающих дифференциацию в развитии регионов. Государственная политика в этой сфере предполагает реализацию двух блоков задач: стимулирования экономического развития регионов и выравнивания уровней социально-экономического развития с целью обеспечения социальных гарантий всем гражданам страны независимо от территории проживания [12, 15].

Предметом нашего рассмотрения является преимущественно первый блок задач, а в рамках этого направления – факторы экономического развития регионов, играющие важную роль в реализации стратегии реиндустриализации. И это не случайно. С одной стороны, как показано в различных работах³, этот императив давно стал ключевым пунктом выхода российской экономики из длительной стагнации. Мы поддерживаем вывод профессора С. Д. Бодрунова о том, что без приоритетного развития высокотехнологичного материального производства в единстве с наукой и образованием решить проблемы развития в РФ нельзя [3, 4]. Нельзя не поддержать и вывод С. Д. Бодрунова и его коллег о том, что без активной промышленной политики государства достижение перечисленных целей невозможно. С другой стороны, встает вопрос: как будут решаться проблемы реиндустриализации и ее государственного стимулирования на региональном уровне? Ведь реальный процесс как восстановления, так и создания новых производств и научно-технических комплексов всегда будет осуществляться в регионах. В связи с этим крайне актуальны вопросы: 1) в каких регионах и какие процессы реиндустриализации должны проводиться; 2) каков потенциал тех или иных регионов с точки зрения решения данных задач?

Ранее нами аргументированы принципы сравнительного анализа [2] применительно к исследованию пространственных особенностей реиндустриализации. Цель настоящего исследования – оценка степени готовности регионов к реиндустриализа-

¹ Ольга Владимировна Барашкова, старший научный сотрудник МГУ им. М. В. Ломоносова.

² Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 15-02-00640.

³ Наиболее полный и последовательный анализ проблемы реиндустриализации дан в работах С. Д. Бодрунова и возглавляемого им Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте [5, 11, 16]. Многие исследователи акцентируют внимание на общей значимости проблемы [9], ее связи с проблемами реформирования финансовой политики и обеспечения приоритетного развития высокотехнологичных укладов [8], вертикальной интеграции [10], взаимосвязи с отраслями креатосферы [6, 14] и др.

ции. Для этого нами разработана методика расчета индекса готовности регионов к реиндустриализации и проведена ее апробация на целевой выборке регионов.

Критерии отбора регионов для анализа

Региональную политику, стимулирующую экономическое развитие (к ней относятся и политика реиндустриализации), следует осуществлять применительно к «плюсам роста», выделенным по определенным критериям. Мы отобрали 42 региона, которые обладают в разной степени предпосылками, необходимыми для реализации стратегии реиндустриализации. В качестве таких предпосылок нами определены уровень развития обрабатывающей промышленности и наличие научно-технического потенциала в регионе. Целевая выборка состоит из регионов трех групп, сформированных по следующим критериям:

1 – производительность труда в обрабатывающей промышленности (объем продукции в расчете на одного занятого, тыс. р./чел.) не ниже 70 % от среднероссийской. Группа включает 34 региона, на которые приходится 85 % исследователей страны, 65 % занятых в обрабатывающей промышленности, 82 % общего объема отгруженной продукции обрабатывающей промышленности России и 77 % совокупного ВРП;

2 – наибольшие абсолютные значения численности исследователей (тыс. чел.). Группа включает 25 регионов, в которых сосредоточено 90 % исследователей страны (в первой десятке регионов – 70 % исследователей), 60 % занятых в обрабатывающем секторе промышленности и 70 % совокупного ВРП;

3 – удельная численность персонала, занятого исследованиями и разработками. Только категория «исследователи» (чел./10 тыс. занятых) – не менее 70 % от среднероссийского уровня. Среднероссийское значение составляет 55 чел./10 тыс. занятых, критериальное значение для отбора в группу – 38 чел. Группа состоит из 20 регионов, где сосредоточено 80 % исследователей страны, 48 % занятых в обрабатывающем секторе промышленности и 52 % совокупного ВРП.

Во всех трех группах значительная доля исследователей и ВРП приходится на Москву (с Московской областью) и Санкт-Петербург – 56 % исследователей страны и 31 % совокупного ВРП соответственно, что обусловлено очень высокой концентрацией экономической активности в этих крупнейших агломерациях.

В сводную группу регионов, отобранных для оценки уровня готовности к реиндустриализации (далее будем обозначать эту группу как целевую выборку), вошли 42 региона, в том числе 34 региона отобраны по 1-му критерию (для большей части этих регионов выполняются условия и по остальным критериям), 2 – по 2-му критерию и 6 – по 3-му критерию. В состав выборки входят: 9 регионов ЦФО (Белгородская, Воронежская, Калужская, Липецкая, Московская, Тверская, Тульская, Ярославская области и Москва), 8 регионов СЗФО (Республики Карелия и Коми, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская области и Санкт-Петербург), 3 региона ЮФО (Краснодарский край, Волгоградская и Ростовская области), 9 регионов ПФО (Республики Башкортостан и Татарстан, Пермский край, Кировская, Нижегородская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская области), 3 региона УрФО (Свердловская, Тюменская, Челябинская области), 7 регионов СФО (Республика Хакасия, Красноярский край, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская области), 3 региона ДФО (Камчатский, Приморский и Хабаровский край). Принятые критерии отбора обусловили отсутствие в выборке регионов Северо-Кавказского ФО.

На группу из 42 регионов, выбранную в качестве объекта анализа, приходится 93 % исследователей, 75 % занятых в обрабатывающих производствах, 83 % ВРП, 89 % объема отгруженных товаров в обрабатывающем производстве. Таким образом, сфор-

мированная для целей анализа выборка регионов охватывает основную долю обрабатывающих производств (по численности занятых и по произведенной продукции в стоимостном выражении), а также основную долю занятых в НИОКР исследователей. Для регионов, включенных в целевую выборку, характерны следующие значения критериальных показателей: производительность труда в обрабатывающей промышленности, измеряемая по объему продукции в расчете на одного занятого, не ниже 70 % от среднероссийской (за исключением 8 регионов, отобранных по двум другим критериям); концентрация на территории региона максимального числа исследователей, занятых в НИОКР (в регионах целевой выборки заняты более 90 % исследователей страны); удельная численность персонала, занятого исследованиями и разработками (только категория «исследователи» – не менее 70 % от среднероссийского уровня).

Индекс готовности регионов к реиндустриализации (ИГРР): методика расчета

Нами разработана методика расчета интегрального индекса, состоящего из ряда комплексных индексов-компонент, отражающих основные факторы регионального развития, значимые для осуществления политики реиндустриализации (табл. 1). В качестве ключевых выделяются научно-технический и производственный факторы, каждый из которых характеризуется с точки зрения ресурсов и результативности их использования. В разработанной методике учтен опыт разработок в сфере расчета интегральных показателей, характеризующих различные аспекты развития регионов, в том числе методик составления рейтинга инновационных регионов, публикуемого НИУ ВШЭ [18], оценки пространственной организации экономической деятельности [19] и методики оценки экономики знаний в регионах России в 1998–2012 гг. [13].

Показатели, включенные в качестве частных индикаторов в методику оценки ИГРР, пересчитываются в безразмерные индексы, значения которых находятся в пределах от 0 до 1. Это позволяет сопоставлять регионы в статике и динамике. Нормирование значений каждого индекса осуществляется по стандартной для подобных индексов формуле, позволяющей отразить степень близости региона к максимально возможному уровню для анализируемой выборки:

$$I_{\text{нормир}} = (X_i - X_{\min}) / (X_{\max} - X_{\min}), \quad (1)$$

где $I_{\text{нормир}}$ – нормированное значение индекса ($I = 0 \dots 1$); X_i – значение показателя i -го региона; X_{\min} , X_{\max} – соответственно минимальное и максимальное значения показателя для анализируемой выборки регионов.

Таблица 1

Компоненты ИГРР (составлено автором)

Компоненты	Индекс	Показатель
<i>1. Показатели сектора НИОКР – ресурсы</i>		
Компетентностная составляющая	Индекс компетенций	1.1. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками (только исследователи), на 10 тыс. занятых, чел.
Финансовая составляющая	Индекс удельных инвестиций в НИОКР	1.2. Величина внутренних затрат на исследования и разработки в расчете на одного исследователя

Компоненты	Индекс	Показатель
Финансовая составляющая	Общий индекс финансирования НИОКР	1.3. Внутренние затраты на исследования и разработки, % к ВРП
<i>2. Показатели сектора НИОКР – результативность¹</i>		
Инновационная составляющая НИОКР-1	Индекс изобретательской активности	2.1. Число выданных патентов на изобретения на 1 млн занятых ² , ед.
То же НИОКР-2	Индекс разработки технологий	2.2. Число разработанных в регионе передовых производственных технологий в расчете на 1 млн занятых, ед.
<i>3. Показатели производственного сектора – масштабы³</i>		
Характеристика уровня развития обрабатывающей промышленности	Индекс региональной производительности труда в обрабатывающей промышленности как ключевой отрасли реиндустриализации (технологическая составляющая ⁴)	3.1. Объем отгруженных товаров в обрабатывающем производстве в расчете на одного занятого в отрасли, тыс. р./чел.
Характеристика ядра реиндустриализации	Масштаб развития отраслей – потенциальных лидеров реиндустриализации	3.2. Доля занятых в высоко- и среднетехнологичных высокого уровня отраслях промышленного производства в общей численности занятых в экономике региона, %
<i>4. Показатели производственного сектора – результативность</i>		
Инновационная составляющая производства-1	Индекс готовности к осуществлению инноваций	4.1. Доля организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций, %
То же производства-2	Индекс инновационной активности	4.2. Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %
Внедренческая составляющая производства	Индекс использования технологий	4.3. Число использованных передовых производственных технологий организациями региона в расчете на 1 млн занятых в экономике, ед.

¹ Характеристика инновационной способности, заключающейся в разработке принципиально новых решений

² Для повышения точности индикатора можно использовать среднегодовые значения показателя (за несколько лет, предшествующих моменту наблюдения).

³ Характеристика масштаба потенциального производственного ядра реиндустриализации в сравнении со среднероссийским уровнем с целью выделения ключевых территорий.

⁴ Квалификация производительности труда в качестве технологической составляющей принята нами на основании аргументации, представленной в [1].

Исходные статистические данные для расчета показателей публикуются Росстатом [17]. Исключение составляют данные для расчета показателя 3.2 (доля занятых в высоко- и среднетехнологичных высокого уровня отраслях промышленного производства). Для включения этого показателя в расчет индекса мы использовали аналитический доклад [18], в котором приведены нормированные значения показателя для 2015 г. (данный показатель используется авторами доклада в качестве одного из 37 индикаторов инновационного развития).

Анализ регионов по значению ИГРР и его компонентов

Индекс готовности регионов к реиндустриализации и его компоненты рассчитаны нами по разработанной методике для целевой выборки из 42 регионов (для краткости мы приводим здесь данные лишь для первых 18 регионов – лидеров по значению ИГРР, вошедших в первые две группы (табл. 2). (Принципы выделения групп регионов на основании полученных данных приведены ниже.)

При интерпретации результатов ранжирования регионов по значениям индекса и его компонентов следует учитывать, что максимальное и минимальное значения каждого показателя для расчета итогового нормированного значения по формуле (1) принимались по максимально возможной выборке, включающей 71 субъект Федерации (из исходной выборки в 79 регионов были исключены субъекты с численностью населения менее 0,5 млн человек, так как в большинстве случаев показатели по ним представляют собой выбросы, искажающие распределение по выборке в целом)⁴. Такой принцип выбора максимального и минимального значений позволяет оценивать не только положение регионов в целевой выборке относительно друг друга, но и при необходимости сравнивать их с другими регионами, не вошедшими в выборку, а также расширить выборку за счет не вошедших в нее на данный момент субъектов Федерации (на следующих этапах исследования).

В анализируемой целевой выборке опережение среднероссийских показателей по значениям индекса и его компонентов отмечено: по значению ИГРР – для 41 из 42 регионов⁵; по значению первой компоненты, отражающей ресурсы в сфере НИОКР, – для 11 регионов; по второй компоненте, характеризующей результативность НИОКР, – для 14 регионов; по третьей компоненте, отражающей масштабы производственного ядра реиндустриализации, – для 31 региона; по четвертой компоненте, характеризующей результативность деятельности предприятий, – для 21 региона. Некоторое отставание значительной части регионов по первым двум компонентам обусловлено тем,

⁴ Были исключены республики Адыгея, Калмыкия, Ингушетия, Алтай, Тыва, Карачаево-Черкесская, а также Камчатский край и Магаданская область.

⁵ Напомним, что максимальный и минимальный показатели, входящие в формулу (1), приняты нами по максимальной выборке, включающей 71 регион. Допустима ситуация, когда для всех регионов в целевой выборке из 42 регионов, отобранных для более подробного анализа, показатели могут превышать среднероссийский уровень. В целевой группе только для Хакасии значение ИГРР ниже среднероссийского. При ужесточении критериев отбора регионов (например, отбор, минимум, по двум критериям из трех, обозначенных выше) Хакасия не смогла бы войти в целевую выборку, поскольку вошла в нее на основании только одного критерия – значительно превышающего среднероссийский уровень показателя производительности труда в обрабатывающем производстве, тогда как большинство регионов были включены в целевую выборку на основании не менее двух критериев.

Рейтинг первых двух групп регионов по значению ИГРР

Субъекты Федерации	Группа по ИГРР	Значения индексов					Ранги				
		ИГРР	Компоненты ИГРР				по ИГРР	по компонен- там ИГРР			
			1. НИОКР – ресурсы	2. НИОКР – результативность	3. Производство – масштабы	4. Производство – результативность		1	2	3	4
Москва	I	0,620	0,658	0,707	0,522	0,592	1	4	1	6	4
Санкт-Петербург	I	0,572	0,703	0,636	0,500	0,448	2	2	2	8	8
Нижегородская обл.	I	0,568	0,824	0,323	0,462	0,662	3	1	12	13	3
Калужская обл.	I	0,525	0,489	0,608	0,620	0,383	4	7	3	2	16
Республика Татарстан	II	0,477	0,227	0,424	0,572	0,683	5	24	6	4	1
Московская обл.	II	0,465	0,662	0,328	0,386	0,484	6	3	11	20	7
Самарская обл.	II	0,442	0,363	0,256	0,629	0,522	7	11	15	1	5
Томская обл.	II	0,416	0,502	0,529	0,280	0,353	8	6	4	32	21
Ульяновская обл.	II	0,410	0,561	0,223	0,513	0,342	9	5	20	7	22
Свердловская обл.	II	0,387	0,376	0,370	0,411	0,389	10	10	10	16	15
Новгородская обл.	II	0,383	0,221	0,516	0,387	0,409	11	25	5	19	12
Ярославская обл.	II	0,378	0,356	0,312	0,469	0,376	12	12	13	10	18
Пермский край	II	0,378	0,333	0,255	0,541	0,382	13	13	16	5	17
Челябинская обл.	II	0,376	0,302	0,413	0,457	0,333	14	16	8	14	24
Воронежская обл.	II	0,337	0,201	0,415	0,357	0,374	15	32	7	23	19
Республика Башкортостан	II	0,336	0,230	0,239	0,454	0,420	16	23	17	15	11
Тульская обл.	II	0,323	0,211	0,177	0,462	0,442	17	28	26	12	10
Новосибирская обл.	II	0,319	0,391	0,292	0,267	0,324	18	9	14	34	27
Российская Федерация		0,160	0,360	0,280	0,301*	0,347	–	–	–	–	–

* Значение рассчитано на основе одного из двух показателей, характеризующих масштабы производственного сектора – ядра реиндустриализации, а именно – по показателю производительности труда в обрабатывающей промышленности. В расчете не учтен второй показатель этой компоненты из-за отсутствия необходимых данных для анализируемого периода по стране в целом, а не по отдельным регионам.

что по показателям НИОКР наблюдается более высокая неравномерность пространственного распределения. Это объясняется особенностями организации НИОКР, а также существенным превышением значений характеристик по этой группе показателей в ведущих регионах, влияющим на смещение выборки относительно средних показателей.

На основании значения ИГРР и его компонентов нами выделены четыре группы регионов: регионы ядра и субъядра реиндустриализации и регионы полупериферии реиндустриализации двух типов (табл. 3). В такой характеристике выделенных групп мы ориентировались на принятое в экономической науке разделение экономических субъектов (стран и регионов) на центр (ядро), полупериферию и периферию (применительно к странам (см., например, [7]), к регионам этот подход применен в [13] при составлении рейтинга по развитию экономики знаний). Отсутствие периферии среди выделенных групп регионов обусловлено тем, что в целевую выборку нами изначально были отобраны регионы, удовлетворяющие базовым критериям, отражающим наличие

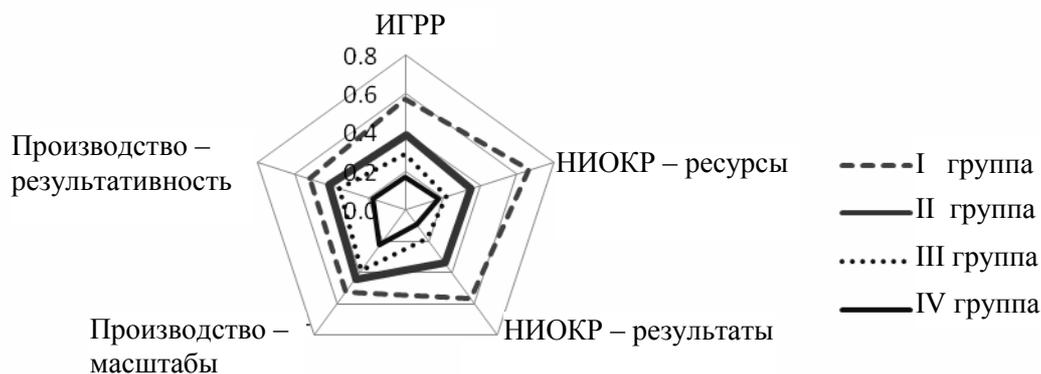
Таблица 3

Критерии группировки регионов с точки зрения их готовности к реиндустриализации

Группа	Количество регионов в группе	Критерий группировки	Наименование группы
I	4	ИГРР > 0,50	<i>Ядро реиндустриализации</i> – регионы с лучшими условиями относительно других регионов
II	14	0,32 < ИГРР < 0,50 (минимальное значение ИГРР для данной группы двукратно превышает среднероссийский уровень)	<i>Субъядро реиндустриализации</i> – регионы с хорошими характеристиками производственной составляющей, но с отставанием от регионов ядра по компонентам научно-технического потенциала реиндустриализации и его использования
III	13	0,20 < ИГРР < 0,32	<i>Полупериферия-I</i> с точки зрения реиндустриализации – регионы, в которых имеется производственная база для осуществления реиндустриализации, но наблюдается отставание от регионов ядра и субъядра по научно-техническому потенциалу и его использованию
IV	11	ИГРР < 0,20	<i>Полупериферия-II</i> с точки зрения реиндустриализации – регионы, в которых имеются отдельные условия для реиндустриализации, но наблюдается существенное отставание по ряду значимых факторов от регионов полупериферии-I и других групп

предпосылок для осуществления реиндустриализации. Можно предположить, что большая часть из 37 регионов, не вошедших в целевую выборку, войдет в группу периферии. Однако это предположение требует более подробного анализа ИГРР и его компонентов для этих регионов, чтобы исключить ошибку при квалификации в качестве периферийных регионов, обладающих определенным потенциалом по отдельным компонентам индекса.

Сравним структурные элементы индекса ИГРР для регионов разных типов (см. рисунок).

Сравнение структурных элементов ИГРР регионов разных типов (2015 г.)

Для регионов 1-й группы (ядра реиндустриализации) характерны более высокие значения всех компонентов индекса, чем в регионах других групп; особенно существенно опережение по первому компоненту, отражающему ресурсы в области НИОКР. Это в значительной степени обусловлено присутствием в данной группе Москвы и Санкт-Петербурга, концентрирующих значительную часть научно-исследовательского потенциала страны.

Регионы 2-й группы (субъядро реиндустриализации) существенно отстают от регионов 1-й группы по обоим компонентам, характеризующим НИОКР, но очень близки к ним по характеристикам третьего и четвертого компонентов, отражающих масштабы производственного ядра реиндустриализации и его результативность.

Регионы 3-й группы (полупериферия-I) также близки к регионам 2-й группы по производственным компонентам индекса, но существенно отстают по компонентам НИОКР – как по ресурсам, так и по результатам.

Для регионов 4-й группы (полупериферия-II) характерно значительное отставание от регионов 3-й группы по всем компонентам индекса, кроме первого, характеризующего ресурсы в области НИОКР.

Регионы 3-й и 4-й групп существенно отстают по характеристикам НИОКР от регионов двух других групп, что в значительной степени обуславливает их классификацию в качестве полупериферии.

Таким образом, анализ результатов группировки подтверждает обоснованность показателей, включенных в состав разработанного нами индекса готовности регионов к реиндустриализации, поскольку выбранные показатели позволяют выделить группы регионов, существенно отличающиеся друг от друга по характеристикам, значимым для оценки степени готовности к реиндустриализации. Следующий этап анализа предполагает более подробную характеристику регионов, вошедших в каждую группу, и выработку рекомендаций для экономической политики реиндустриализации.

Список литературы

1. Балацкий, Е. В. Инновационно-технологическая матрица российских регионов / Е. В. Балацкий, А. В. Раптовский // Общество и экономика. – 2007. – № 1. – С. 138–159.
2. Барашкова, О. В. Реиндустриализация: сравнительный анализ потенциала регионов / О. В. Барашкова // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 3. – С. 100–105.
3. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация: социально-экономические параметры реинтеграции производства, науки и образования / С. Д. Бодрунов // Социологические исследования. – 2016. – № 2. – С. 20–28.
4. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 2. – С. 5–14.
5. Бодрунов, С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016.
6. Бузгалин, А. В. Материальное производство и креатосфера: пространство для дискуссий / А. В. Бузгалин // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 4. – С. 40–42.
7. Валлерстайн, И. Исторический капитализм / И. Валлерстайн. – М.: КМК, 2008.
8. Глазьев, С. Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития / С. Ю. Глазьев // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2015. – Т. 196. – С. 86–186.
9. Гринберг, Р. С. Экономика современной России: итоги рыночных реформ и проблемы реиндустриализации / Р. С. Гринберг // Проблемы теории и практики управления. – 2017. – № 7. – С. 8–24.
10. Губанов, С. С. Основной вызов России: переход от экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной / С. С. Губанов // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 11. – С. 38–45.
11. Гэлбрейт: возвращение / под ред. С. Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2017.
12. Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию / Всемирный банк. – М., 2009.
13. Земцов, С. П. Формирование экономики знаний в регионах России в 1998–2012 гг. / С. П. Земцов, В. М. Комаров // Инновации. – 2015. – № 10. – С. 29–38.
14. Колганов, А. И. Реиндустриализация как ностальгия? Полемиические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // Социологические исследования. – 2014. – № 3. – С. 120–130.
15. Кузнецова, О. В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности / О. В. Кузнецова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
16. Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения) / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2017.
17. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. – М., 2016.
18. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации / под ред. Л. М. Гохберга. – Вып. 5. – М.: НИУ ВШЭ, 2017.
19. Суворова, А. В. Старопромышленные регионы Урала в контексте креативности / А. В. Суворова // Старопромышленные территории России и Германии: возрождение или стагнация: междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург: УИ РАНХиГС, 2012. – С. 211–215.

*М. К. Ганиева*¹

АНАЛИЗ ОТДАЧИ ИНВЕСТИЦИЙ И ОСОБЕННОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Начиная с 2014 г. происходят кардинальные изменения в мировой экономике, в конъюнктуре мировых энергетических рынков, геополитике, в приоритетах государственной энергополитики и в энергетических технологиях. На топливно-энергетическом рынке наблюдаются признаки разбалансировки фундаментальных показателей функционирования экономики из-за ставки на краткосрочные финансовые инструменты, манипулирования рыночными институтами, а также высокой волатильности цен на нефтяном рынке и высокой добычи сланцевой нефти. Bloomberg Commodities Index, в который входят фьючерсы на 22 сырьевых товара (от нефти и золота до сахара и пшеницы), за последние 5 лет снизился на 40,2 %, причем самым заметным стало снижение нефти марки Brent. В нефтяной отрасли ценовая волатильность проецируется на длительный инвестиционный цикл капитальных вложений и на способность нефтяных компаний удовлетворять потребности мировой экономики.

Цель данного исследования – проведение эконометрического анализа современной ситуации на мировом и отечественном нефтяных рынках, а также построение прогноза добычи сырой нефти в РФ. Основные материалы для исследования взяты из аналитических обзоров зарубежных и отечественных институтов, открытых материалов министерств и ведомств РФ.

На сегодняшний день «энергетические рынки миновали стадию первичной адаптации» к шоку, связанному с обвалом мировых цен на нефть [1, с. 2].

До 2008 г. ОПЕК устанавливала квоты на снижение добычи. Сегодня на рынке преобладает конкуренция. Договориться странам не экспортерам и экспортерам было сложно, так как все больше стран (включая развивающиеся) в качестве приоритетов своей энергополитики называют экологию и энергобезопасность, четко задавая вектор на снижение зависимости от углеводородов. Так, Германия к 2050 г. планирует довести уровень возобновляемых источников энергии до 80 %, Китай к 2030 г. – до 20 %.

В нефтяной отрасли ценовая волатильность оказывает влияние как на объемы инвестиций в данную отрасль, так и на объемы добычи сырой нефти (рис. 1). После исторического рекорда в 2011 г. (115,22 долл./барр.) стоимость барреля последовательно снижалась под влиянием ряда политических и экономических факторов и к марту 2017 г. достигла отметки в 51,41 долл./барр.

Мировые объемы добычи сырой нефти неуклонно растут: в 1970 г. – 235,52 млн т; в 2016 г. – 438,99 млн т (рост – в 1,86 раза).

¹ *Мария Кудратуловна Ганиева*, аспирант кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

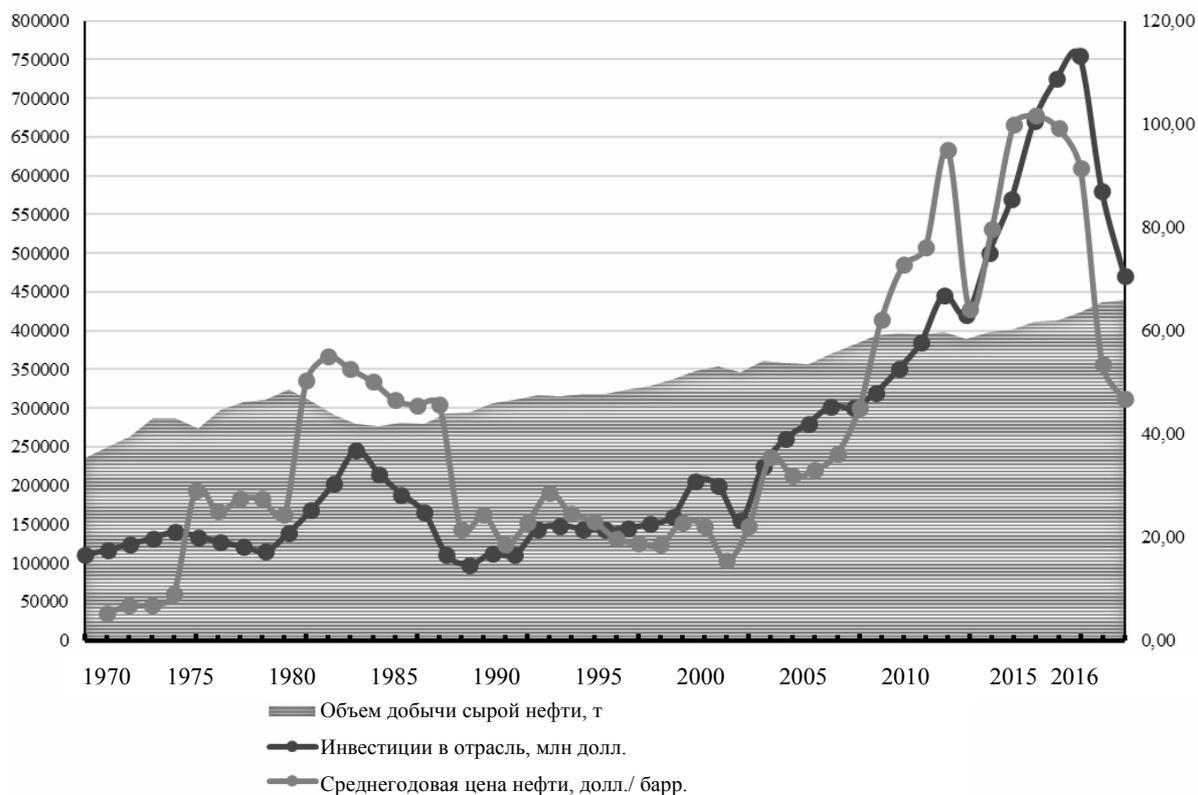

Рис. 1. Динамика объемов добычи сырой нефти, инвестиций в отрасль, изменение среднегодовой цены на нефть в реальных ценах 2010 г. [4–7]

Объемы инвестиций в нефтяную отрасль имеют нелинейную тенденцию с подъемом в 1982, 2008, 2014 гг. и снижением в 1987, 1999, 2016 гг. До 2014 г. высокие цены на нефть обеспечивали приток значительных инвестиций не только в традиционную добычу нефти, но также в сланцевую и шельфовую глубоководную добычу.

Нами установлена тесная корреляция таких важных индикаторов развития данной отрасли, как цены на нефть, объемы инвестиций и добычи нефти (табл. 1). Все коэффициенты корреляции находятся в диапазоне тесной связи (0,7...0,9), что свидетельствует о высокой зависимости между выбранными показателями. При этом тренд объемов добычи с объемами инвестиций имеет максимальный лаг запаздывания в один год (табл. 2, рис. 1).

Проверка показателей на автокорреляцию показала, что все включенные в анализ переменные имеют высокие коэффициенты автокорреляции и статистически значимы, но наибольшее значение принимает коэффициент первого порядка. Таким образом, в нефтяной отрасли в мировом масштабе рост инвестиций в предыдущем году обеспечивает рост добычи нефти.

Нами на основе данных, представленных на рис. 1, построена модель парной линейной регрессии, с помощью которой можно исследовать влияние инвестиций на объемы добычи нефти:

$$\text{Production}_t = \alpha + \beta \cdot \text{Capex}_{t-1}. \quad (1)$$

Таблица 1

Коэффициенты парной корреляции основных индикаторов развития мировой нефтяной отрасли

Показатели	Объем добычи сырой нефти, т	Инвестиции в нефтяную отрасль, млн долл.	Среднегодовая цена нефти в реальных ценах (2010 г.), долл./барр.
Объем добычи сырой нефти, т	1		
Инвестиции в нефтяную отрасль, млн долл.	0,83	1	
Среднегодовая цена нефти в реальных ценах (2010 г.), долл./барр.	0,70	0,86	1

Таблица 2

Коэффициенты автокорреляции объемов инвестиций и объемов добычи нефти в мире и России

Страна	Через год	Два года	Три года	Четыре года	Пять лет	Шесть лет	Семь лет	Восемь лет
Весь мир	0,8343	0,8274	0,8220	0,8168	0,8122	0,8007	0,7825	0,7512
Россия	0,7571	0,7804	0,8591	0,9350	0,9432	0,9430	0,9035	0,8597

Соответствующее рассчитанной средствами Пакета анализа ППП Excel 2016 уравнение парной линейной регрессии имеет вид

$$\text{Production}_t = 272624,56 + 0,34 \cdot \text{Capex}_{t-1}. \quad (2)$$

Это можно интерпретировать следующим образом: с увеличением объема инвестиций на 1 млн долларов мировая добыча нефти в среднем увеличится на 0,34 млн т в год. Результаты корреляционно-регрессионного анализа представлены на рис. 2, из которого видно, что коэффициент корреляции модели (2) $R=0,81$, это говорит о тесной взаимосвязи между признаками. Средняя ошибка аппроксимации, оценивающая качество уравнения регрессии на возможность использования в качестве прогнозной модели, равна 7,86 %, что говорит о хорошем качестве модели.

Развитие российской нефтяной отрасли сильно зависит от мировых тенденций в этой сфере (рис. 3, табл. 3). Все коэффициенты корреляции находятся в диапазоне тесной связи (0,7...0,9), что подтверждает наличие зависимости между исследуемыми показателями.

В отличие от мирового тренда зависимости объемов добычи от объемов инвестиций в России обнаружен максимальный лаг запаздывания инвестиций в пять лет (см. табл. 2), на основе которого построена модель.

Регрессионная статистика								
Множественный R	0,8122364							
R-квадрат	0,6597279							
Нормированный R-кв.	0,6512211							
Стандартная ошибка	28725,481							
Наблюдения	42							
Дисперсионный анализ								
	df	SS	MS	F	Значимость F			
Регрессия	1	6,399E+10	63993092785	77,552979	6,60472E-11			
Остаток	40	3,301E+10	825153255,9					
Итого	41	9,7E+10	F _{табл} =	4,0912786	=FРАСПОБР(0,05;1;41-1-1)			
	Коэффициенты регрессии	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95 %	Верхние 95 %	Нижние 95,0 %	Верхние 95,0 %
Объем добычи сырой нефти, т	272624,56	9265,5541	29,42344879	1,02E-28	253898,1744	291350,9	253898,2	291350,9
Инвестиции в отрасль, млн долл. (t – 1)	0,3411607	0,03874	8,806416898	6,605E-11	0,262864231	0,419457	0,262864	0,419457
		t _{табл} =	2,02269092	=СТЮДРАСПОБР(0,05;41-1-1)				

Рис. 2. Итоги моделирования объемов добычи сырой нефти и инвестиций в нефтяную отрасль средствами Пакета анализа ППП Excel 2016 (проверка модели на значимость)

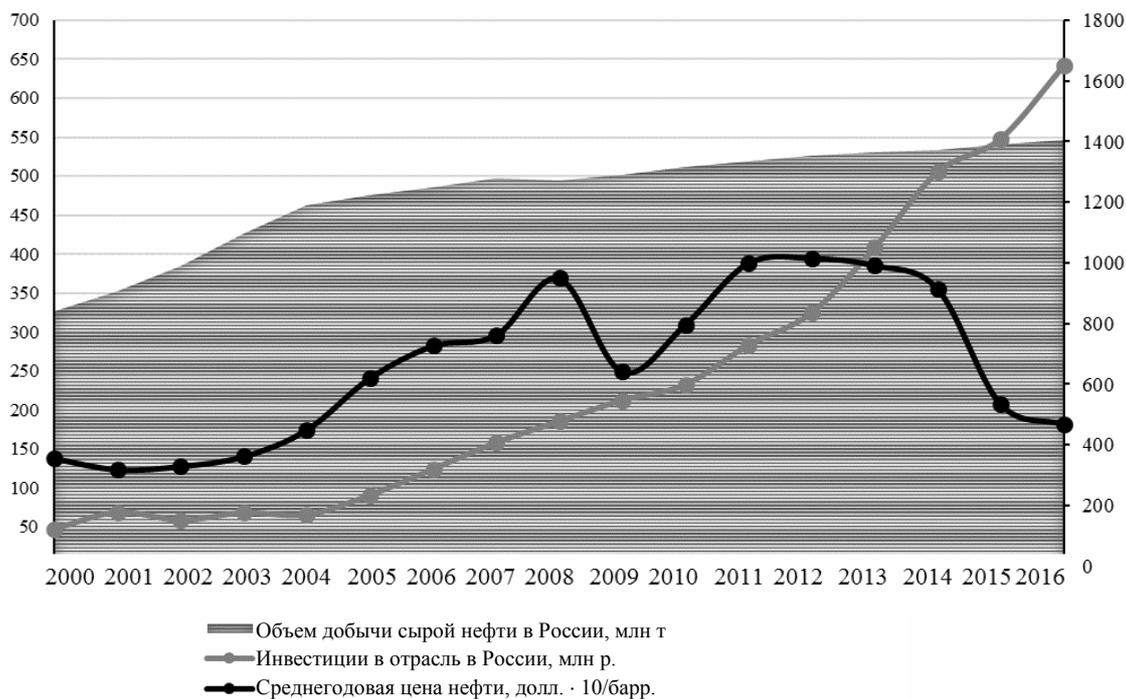

Рис. 3. Динамика объемов добычи сырой нефти, инвестиций в отрасль, изменение среднегодовой цены нефти в реальных ценах 2010 г. [7–9]

Коэффициенты парной корреляции основных индикаторов развития нефтяной отрасли в мире и в России

Показатели парной корреляции	Объем добычи сырой нефти в России, т	Инвестиции в нефтяную отрасль в России, млн р.	Объем добычи сырой нефти в мире, т	Инвестиции в нефтяную отрасль в мире, млн долл.
Объем добычи сырой нефти в России, т	1			
Инвестиции в нефтяную отрасль в России, млн р.	0,754349	1		
Объем добычи сырой нефти в мире, т	0,907149	0,917117	1	
Инвестиции в нефтяную отрасль в мире, млн долл.	0,785672	0,7849	0,775421	1

По аналогии с (1) на основе данных рис. 3 нами построена модель парной линейной регрессии, с помощью которой можно исследовать влияние инвестиций на объемы добычи нефти в России. Соответствующее рассчитанной средствами Пакета анализа ППП Excel 2016 уравнение парной линейной регрессии имеет вид

$$\text{Production}_t = 477,18 + 0,106 \cdot \text{Capex}_{t-5} \quad (3)$$

Это можно интерпретировать следующим образом: с увеличением объема инвестиций в нефтяную отрасль России на 1 млн р. добыча нефти увеличится в среднем на 0,106 млн т/год. Результаты проведенного корреляционно-регрессионного анализа представлены на рис. 4, из которого видно, что коэффициент корреляции модели (3) равен $R = 0,94$, что говорит о тесной взаимосвязи между выбранными признаками.

Рассчитанная средняя ошибка аппроксимации, оценивающая возможность использования уравнения регрессии в качестве прогнозной модели, равна 15,37 %, что говорит о допустимом качестве модели.

На основании предлагаемых моделей можно построить прогнозы объемов добычи сырой нефти (рис. 5).

Нефтепромышленный комплекс является основой внешнеторговых отношений России, так как доля сырьевого экспорта составляет более 40 % в общем обороте, кроме того, нефтепромышленный комплекс составляет значительную долю в энергетическом комплексе России. Существующие тенденции обуславливают необходимость дополнительных инвестиций, в первую очередь в различные варианты добычи нефти с целью повышения эффективности использования месторождений, увеличения объемов разведочных мероприятий и роста доказанных запасов.

Динамика формирования и развития мировой хозяйственной системы показывает, что все экономические процессы и явления в общественной жизни подвержены периодическим колебаниям и волнообразным изменениям. При этом именно благодаря

Дисперсионный анализ						
	df	SS	MS	F	Значимость F	
Регрессия	1	5196,264829	5196,264829	80,6057553	4,2298E-06	
Остаток	10	644,6518378	64,46518378			
Итого	11	5840,916667	$F_{табл} =$	4,96460274	=ФРАСПОБР(0,05;1;12-1-1)	

Показатель	Коэффициенты регрессии	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95 %	Верхние 95 %	Нижние 95,0 %	Верхние 95,0 %
Объем добычи сырой нефти РФ, млн т	477,1797237	4,670427691	102,1704553	1,9767E-16	466,7733623	487,586085	466,773362	487,586085
Инвестиции в отрасль РФ, млн р.	0,106194894	0,011828253	8,978070801	4,2298E-06	0,079839904	0,13254988	0,0798399	0,13254988
		$t_{табл} =$	2,228138852	=СТЫЮДРАСПОБР(0,05;12-1-1)				

Рис. 4. Итоги моделирования объемов добычи сырой нефти и инвестиций в нефтяную отрасль России средствами Пакета анализа ППП Excel 2016 (проверка модели на значимость)

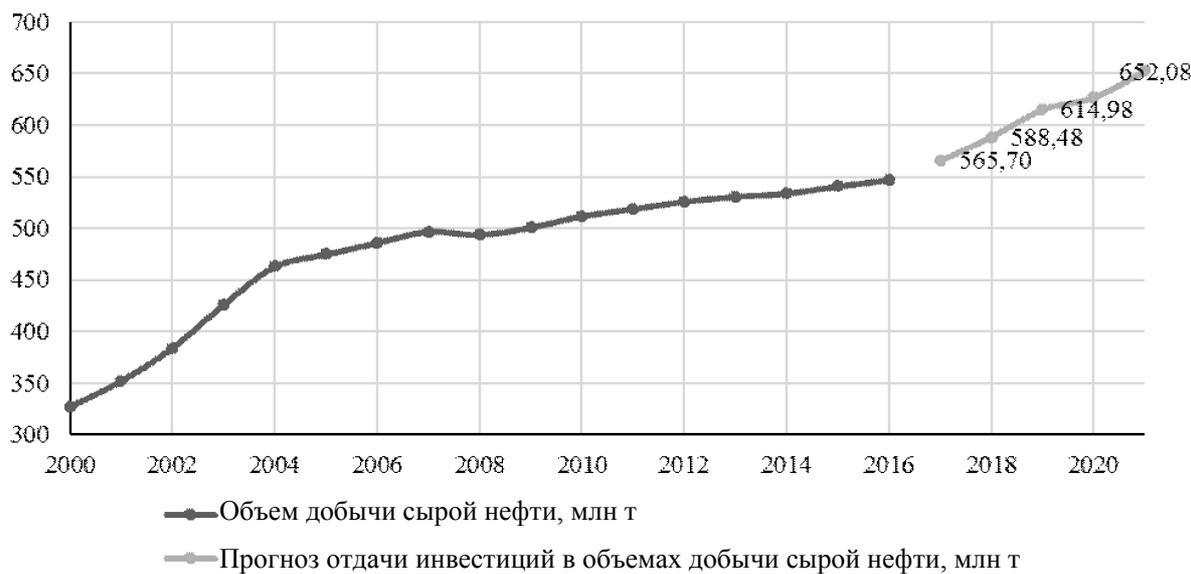

Рис. 5. Прогноз объемов добычи сырой нефти по предлагаемой модели осуществленных инвестиций в 2012–2016 гг. в нефтяную отрасль РФ

цикличности происходит развитие и усиление экономической динамики во времени и пространстве, осуществляется естественный ход исторического развития событий и явлений. Мы предполагаем, что развитие нефтяного рынка также носит циклический

характер и следует проверить гипотезу о том, что, согласно волновой теории, его развитие можно разбить на циклы [3, с. 58–59].

Выявлена положительная зависимость объемов добычи нефти от инвестиций предыдущего года (модель (1)) на мировом уровне и модель отдачи российских инвестиций через 5 лет (модель (2)). Это можно объяснить уровнем технологий и разработанности месторождений.

По документам стратегического планирования, до 2030 г. экспорт энергоносителей останется важнейшим фактором развития российской экономики.

Построенный прогноз отражает сложившуюся ситуацию с проводимыми структурными изменениями в экономике и продолжающимися кризисными явлениями, а также состояние нефтепромышленного комплекса в связи с мировыми санкциями.

Список литературы

1. Долгосрочные прогнозы в условиях неустойчивости // Энергетический бюллетень Аналитического центра при Правительстве РФ №42. – 2016. – № 42.
2. *Базилевский, М. П.* Статистическое моделирование зависимости курса доллара к рублю от цены на нефть / М. П. Базилевский, Г. Д. Гефан // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2015. – №9. – С. 14–19.
3. *Коротаев, А. В.* Кондратьевские волны в мир-системной перспективе / А. В. Коротаев // Кондратьевские волны. Аспекты и перспективы / под ред. А. А. Акаева. – Волгоград: Учитель, 2012.
4. http://woo.opec.org/images/woo/WOO_2016.pdf (дата обращения 20.02.2016).
5. <https://www.statista.com/statistics/654847/global-upstream-oil-industry-capex/> (дата обращения 20.02.2016).
6. https://www.eia.gov/dnav/pet/pet_crd_crpdn_adc_mbb1_a.htm (дата обращения 21.02.2016).
7. <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=global-economic-monitor-commodities> (дата обращения 21.02.2016).
8. <https://blogivg.wordpress.com/tag/нефть-добыча-прогноз/page/3/> (дата обращения 14.03.2016).
9. <https://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf> (дата обращения 14.03.2016).

С. В. Шачин¹, А. Ю. Шачина², Л. А. Комлева³

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Введение

Авторы исходят из исследований нейробиолога Геральда Хюттера, опираясь на его интервью для менеджеров «Поощрение так же плохо, как и наказание», где речь идет об объективации, дрессуре вместо творческого созидательного процесса на производстве, а также на другие беседы с этим ученым. Г. Хюттер делает акцент на способности и потребности человека удивляться, творчески осваивать и преобразовывать действительность, если только неправильная промышленная политика не приведет к неправильной работе мозга и потере желания обучаться, развиваться, быть творческим.

Подчеркнем, что без умения удивляться (нормального функционирования мозга) человек не может прийти к нравственности (к категорическому императиву, который возможен для людей как раз потому, что они – существа природные, со склонностями), т. е. осознать себя как члена интеллигибельного мира – в кантовском смысле. Объективируя человека на производстве, незадачливый руководитель не только действует против человеческого организма – в данном случае мозга, но и проявляет полное недоверие к людям как членам интеллигибельного мира в их метафизическом назначении, т. е. к возможности свободы как таковой. А всякое искусство, как мы знаем со времен Шиллера, свободно и не подлежит заказу, то же самое в некоторой степени относится к любой творческой деятельности.

Люди в большинстве своем не знают, что такое быть свободными, нравственными в подлинном смысле слова, что такое – автономия. Они к «этому не воспитаны». А воспитанным к этому можно стать только благодаря развитию критического мышления.

Неосознание хоннетовского треугольника свободы (негативная – рефлексивная – социальная) также снимает ответственность, когда от участников рынка труда требуют сколько угодно творчества, прилежания, рефлексивной свободы без гарантии социальных свобод.

Конечно, в понятии нравственного общежития есть некоторая диалектика. Так, к сожалению, люди не могут полностью доверять достигнутому в результате диалога отношениям, и тогда в игру вступает право, перед которым все равны и от которого все

¹ *Святослав Вячеславович Шачин*, доцент Мурманского государственного гуманитарного университета, канд. филос. наук.

² *Анна Юрьевна Шачина*, дважды стипендиат исследовательских стипендий немецкого Фонда академических обменов (DAAD, Германия, 2002–2003 гг. и 2007 г.), стипендиат Фонда Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt-Stiftung, Германия, 2010–2012 гг.), канд. пед. наук.

³ *Людмила Александровна Комлева*, заведующая кафедрой иностранных языков Волгоградской государственной академии физической культуры, канд. филол. наук, доцент.

одинаково зависимы. Хотя и право, в свою очередь, должно носить трансцендентальный характер, по крайней мере, проверяться на непротиворечие нравственным критериям, поскольку могут быть законы, не повиноваться которым есть долг.

Все это немаловажно для промышленной политики, поскольку данная концепция сформирована под влиянием выдающихся психологов, нейробиологов, философов и педагогов.

1. Подходы к проблеме в современной науке

Развиваемый в данной статье методологический подход имеет много общего с тем, который был изложен С. Д. Бодруновым [1]. Речь идет о том, что формирующаяся современная индустриальная экономика является диалектическим отрицанием отрицания как классической индустриальной экономики, находящей свое совершенное выражение в фордизме, так и той постиндустриальной экономики, которая, как предполагалось во второй половине XX в., призвана сменить первую, однако завела человечество в тупики финансиализации (слабо связанной с производством реальных ценностей), производства всевозможных симулякров и т. д. С. Д. Бодрунов называет новое материальное производство знаниеинтенсивным, что предполагает интересную закономерность: все большее возрастание удельного веса знания и информации в конечном продукте и прогрессирующее уменьшение материальной составляющей (количества расходуемого сырья и энергии при производстве данного продукта, а также тяжелого и репродуктивного труда). В результате радикально меняется все общество: «Основой экономики XXI в. должен стать единый комплекс, объединяющий на микро- и макроуровнях высокотехнологичное материальное производство, создающее знаниеинтенсивный продукт; науку, создающую ноу-хау; образование и культуру, формирующие человека, обладающего знаниями и способного их применить в производстве» [1, с. 19].

Еще дальше идут А. В. Бузгалин и А. И. Колганов, претендуя на описание совершенно нового общественного уклада, постепенно вытесняющего капиталистические общественные отношения, который они называют креатосферой. Это – сфера деятельности творческих личностей с неотчужденными мотивами деятельности, а также совокупность результатов такой деятельности. В креатосфере господствуют отношения равноправного диалога и сотворчества, а не купли-продажи. Творческие личности как представители наиболее прогрессивного класса постепенно придут на смену капиталистам в роли организаторов общественного производства и распорядителей прибавочного продукта, который они смогут распределять не ради увеличения прибыли, а в интересах гуманистического общественного развития, увеличивающего совокупный индекс реализации человеческого потенциала. Однако капиталистический мир отчуждения находится в противоречии с креатосферой и пытается подчинить ее своим нормам, отчего возникает ключевое противоречие между уходящим общественным строем и формирующимися посткапиталистическими общественными порядками [2, 3, 7, 12].

Тем не менее С. Д. Бодрунов подчеркивает, что формирование креатосферы возможно только на базе высокоразвитого материального производства, и нельзя отрывать друг от друга творческую деятельность и ее воплощение в конечном продукте. С. Д. Бодрунов предлагает «комплекс, интегрирующий производство, науку и образование в едином воспроизводственном процессе на микроуровне» в качестве основного производственного звена [1, с. 20].

Поэтому дискуссия между А. В. Бузгалиным и А. И. Колгановым, с одной стороны, и С. Д. Бодруновым – с другой сводится к вопросу о том, возможно ли полное переплетение креатосферы с материальным производством или в первой могут быть отдельные отрасли деятельности и соответственно творческие сообщества, занятые творчеством ради самого творчества, т. е. воспроизводством креатосферы как таковой, и без этой деятельности невозможно ее нормальное существование. При такой постановке вопроса можно показать, что подход А. Бузгалина и А. Колганова выступает в качестве продолжения подхода С. Бодрунова в сферах деятельности за пределами материального производства как такового, в то время как подход С. Бодрунова конкретизирует подходы А. Бузгалина и А. Колганова в сферах, связанных именно с материальным производством. Чтобы понять это, проведем аналогию между позициями Бузгалина и Бодрунова как между значимостью для общества в целом фундаментальной науки и творчества, с одной стороны, и прикладной науки, технологии и производства, внедряющего разработки ученых – с другой. Очевидно, что фундаментальная наука и творчество в целом не могут превратиться во что-то, напоминающее интеллектуальную республику Касталию «игроков в бисер»: обществу всегда нужна не только прикладная наука, но и промышленность, производящая конкретный наукоемкий продукт, удовлетворяющий человеческие потребности и тем самым повышающий качество человеческой жизни (так что, на наш взгляд, прав С. Бодрунов). С другой стороны, в данный конкретный момент далеко не все фундаментальные открытия могут найти свое воплощение в производстве, поэтому ученые, работающие ради истины как таковой, всегда должны восприниматься как чудачки, обогнавшие свое время (следовательно, прав и А. Бузгалин). Итак, рассматриваемые подходы органично дополняют друг друга, именно из этого синтетического методологического подхода и исходят авторы данной статьи.

2. Методология

Возьмем за основу ключевую мысль Иммануила Канта: прежде чем браться за изучение мира, мы должны понять, каковы наши реальные возможности в познании этого мира, т. е. понять границы нашего познания и нашей деятельности [13]. Это означает: чтобы определить контуры промышленной политики России, мы должны понять возможные *границы ее промышленной политики в современных условиях*, иначе все наши рассуждения останутся очередными благими пожеланиями.

Возможны три варианта. *Первая версия*: промышленная политика заключается в продолжении и углублении существующих тенденций в экономике: сырьевая ориентация, развитие отраслей индустрии, обслуживающих интересы «нефтяников» и «газовиков»; закупка предметов ширпотреба и продовольствия, а также промышленного оборудования на Западе. Что касается машиностроения, тут возможна только «отверточная индустриализация». Если принять данную версию, то ничего принципиально менять не надо, следует просто «снизить градус» внешнеполитического противостояния с Западом, добиться ослабления и отмены санкций и начать «взаимовыгодное сотрудничество»: мы им – сырье, они нам – изделия с высокой добавленной стоимостью, в которых материализовался человеческий интеллект. Однако такая «промышленная политика», которая уже довела Россию до предела, устраивает только узкий слой сырьевых олигархов, Россия же все больше отстает от передовых стран и медленно превращается в евразийский аналог Африки (причем русских в ней становится, к сожалению, все меньше, в то время как число гастарбайтеров увеличивается).

Вторая версия: мы полностью меняем модель экономического развития через последовательную реализацию импортозамещения. То есть, мы начнем выпускать прекрасные машины (или «товары группы А», как говорили в СССР), которые будут совершать прорывы во всех отраслях человеческой деятельности: по полям поедут отечественные трактора, собранные из наших деталей; в небе полетят полностью отечественные самолеты; на стройках будут работать наши краны; семена для сельского хозяйства станут полностью отечественными, а сахар наши заводы начнут закупать в России, а не на нью-йоркской бирже и т. п. Однако, очевидно, что реализация такой модели означает переведение всей хозяйственной жизни на мобилизационный сценарий, ликвидацию (или сильное уменьшение влияния) сырьевой буржуазии и резкий рост влияния буржуазии промышленной, превращение офисного работника (специалиста по импортным закупкам) в высококвалифицированного рабочего у станка и т. п. Тут уже пахнет политической революцией и возвращением к социализму (не брежневского, а сталинского варианта). Но множество факторов, необходимых для мобилизации экономики, отсутствует: рабочая сила девалифицирована, образование почти развалено, в головах «идеологическая помойка» (А. Зиновьев), народ отчужден от управления государством и, по сути, сконцентрирован на задачах текущего выживания и т. п. Таковы объективные границы второй версии промышленной политики (назовем эту версию утопической).

Третья версия: предлагается своего рода комбинация двух рассмотренных версий, цель которой – **усиление их позитивных сторон и ослабление негативных**. То есть Россия в обозримой перспективе не может полагаться только на собственные силы. Она должна оставаться в основном сырьевой державой, обеспечивающей Европу и Китай энергоносителями. Однако суть состоит в построении такой рамочной системы производственных отношений, чтобы, по словам Маркса, *стимулировать инвестицию средств, полученных от продажи сырья, в российскую промышленность*, ориентированную не на «отверточную индустриализацию», а на полноценное импортозамещение! Сделать регрессивную сырьевую буржуазию как правящий класс современной России прогрессивно ориентированной, а космополитически ориентированное чиновничество, вывозящее капиталы из «этой страны», превратить в патриотически ориентированных «государевых слуг» и «слуг народа». Причем постараться сделать это не через великие потрясения, а через *постепенные, но неуклонные реформы*. (Надо перестать употреблять слово «реформа» в ругательном смысле – как синоним развала, а начать произносить его с уважением, т. е. *перестать говорить о реформах, а реально начать их делать*). Как же это возможно?

Только при условии тончайшей и сбалансированной государственной политики (как внутренней, так и внешней) в сочетании с целенаправленной деятельностью возрожденного (после распада 1990-х гг. и «зачистки» последних лет) гражданского общества, деятельностью, которая будет вести не к расколу и работе против государства, а к объединению и сотрудничеству с государством. Для этого необходимо посмотреть на проблему промышленной политики *с позиции системного и диалектического подхода*. Обозначим три авторских тезиса в русле этих подходов.

Во-первых, *у общества как целого, по сути, нет внятной и долгосрочной стратегии развития, все живут днем сегодняшним*. Необходима широкая дискуссия о стратегических ориентирах России в XXI в., а экономические форумы надо проводить систематически (чаще, чем один раз в год) и не только в Петербурге и Москве, а, как минимум, во всех городах-миллионниках России (причем бизнес должен давать деньги для их организации). *Надо использовать эти форумы для выявления наиболее образованных*

и мыслящих людей – мозга нации, которые есть во всех сферах деятельности, во всех общественных группах и классах, а затем привлекать этих людей к выработке стратегий реальных реформ в экономике (и не только). Это будет выгодно и бизнесу: на форумах он найдет людей новой формации, с новым мышлением, которые сегодня не имеют возможности высказать свое мнение и пробиться во властные структуры, чтобы повлиять на управленческие решения.

Во-вторых, надо поставить вопрос о *новых ориентирах* промышленной политики и решить его *нестандартно*. Промышленная буржуазия должна вкладывать капиталы не только в решение сегодняшних проблем, они очевидны: основные фонды в промышленности изношены более чем на две трети, ЖКХ – более чем на 50 %, сельское хозяйство работает на треть своей мощности (по сравнению с советскими временами) и др. У «капитанов» российской промышленности должно хватить *чутья*, чтобы предвосхитить инновации, *соответствующие новой волне кондратьевского цикла*, который, по мнению ряда ведущих экономистов и социологов, начнется в 20-е годы XXI в. Это – *NBICS-технологии* (нано-, био-, информационные, когнитивные и социальные). Те, кто сейчас сделают (или уже сделали!) открытие в этой области и смогут получить хотя бы спонсорскую помощь от промышленной буржуазии, чтобы сосредоточиться на «деле всей своей жизни», лет через 20...30 встанут во главе общественной пирамиды! Значит, необходимо выявлять и поддерживать *таланты* во всех сферах жизни и во всех слоях общества. Особенно много таких талантов всегда *в народе*, ибо у детей бизнес-элиты и бюрократии, растущих в тепличных условиях, отсутствуют сильные стимулы к творческому и духовному самосовершенствованию. В России необходимо создание новой институциональной формы – *«инкубаторов талантов»!* Только так мы сможем *«переумнить Запад»*, как завещал Александр Зиновьев, и начать теснить его в конкуренции в сфере высокоинтеллектуальной продукции и услуг, прежде всего – связанных с культурой, образованием и наукой! А для этого нам надо: 1) *организовать широкую деятельность по выявлению талантов* и привлечь к ней лучшие интеллектуальные силы современной России (средства на нее должен дать бизнес, понимая, что это открывает перспективу стать «русскими Нобелями»); 2) *институционализировать формирование таких талантов*. Для этого необходима сеть *«царскосельских лицеев»* по всей России, доступ в которые будет определяться не размером кошелька родителей, а *талантом детей*, которые будут выявлены через разного рода творческие конкурсы. И еще один важный момент: необходимо с ранних лет выявлять людей с талантом не чиновника-исполнителя по типу Грибоедовского Молчалина, а управленца и патриота-государственника типа Чацкого (который говорил: «Служить бы рад, прислуживаться тошно»). Самый приемлемый путь к этому – развитие *системы детского самоуправления* (например, как в школе А. С. Макаренки)...

Не перечисляя все составляющие такой новой промышленной политики, подытожим: чтобы началась модернизация общества, требуется модернизация сознания, которая предполагает *осознание людьми свободы*. Свобода, как доказал Кант, – это соответствие человека требованиям практического разума, в центре которых лежит выполнение своего *долга*: перед ближними, своей организацией, перед Отечеством и, наконец, перед всем человечеством. А это невозможно без становления *системы нравственного воспитания в государственном масштабе*. Решение данной задачи требует солидарной работы лучших представителей светской гуманитарной интеллигенции и деятелей православной церкви, мусульманской уммы и буддийской сангхи. Образование без нравственного воспитания не сделает человека свободным, а закре-

постит его в служении идолам «общества массового потребления». И именно тут-то и лежит одно из главных условий возможности промышленной политики – *повышение нравственного уровня российского общества*.

3. Обсуждения и результаты: от нравственности к индустриализации

Обратимся к последним исследованиям нейробиологов. Доказано, что человек рождается на свет с двумя видами опыта: это опыт роста и сопричастности. Опыт роста преобразуется в опыт разного вида деятельности (которые и составляют содержание образования): человек хочет непрерывно открывать в этом мире что-то для себя новое и творчески преобразовывать действительность по своему усмотрению. Условием нормального развития является вовлеченность в социальные институты признания, сначала – это семья; для взрослого человека – семья, рынок труда и общественная жизнь гражданина. Процесс узнавания чего-то нового и потребность в творческом преобразовании действительности происходит в результате удивления. Это не обязательно сильное изумление, это может быть и тихое заинтересованное наблюдение, тихая радость открытия или вопрос, или гипотеза. Дети учатся с удовольствием. Неправильно организованный безрадостный образовательный процесс, вызывающий массу отрицательных эмоций (страх, подавленность), парализует участки мозга, отвечающие за нормальное развитие рационального и эмоционального интеллекта. В результате многие взрослые больше не хотят учиться и перестают чувствовать себя (свои эмоции – обиду, любовь и др.). Это может привести к тому, что они не захотят принадлежать институтам признания, где могли бы творчески самореализоваться и служить на благо общества.

Что же происходит сегодня на предприятиях? Немецкий исследователь мозга Геральд Хютер критикует стратегии эксплуатации рабочей силы: ранее это было наказание, теперь – поощрение. Те, кто использует такие механизмы оптимизации производства, объективируют личности своих сотрудников, забывая, что личность сама должна все объективировать (это известно со времен «коперниканской» революции Канта). Только думающие, по-настоящему образованные руководители хорошо понимают, что от такого обращения с сотрудниками проигрывает производство. Что же должен делать педагог и руководитель? Г. Хютер уверен, что весь процесс руководства можно описать тремя словами: приглашать, ободрять и вдохновлять на творческое самосовершенствование и самореализацию в процессе ответственного преобразования действительности.

А как же отчетность, контроль за исполнением должностных обязанностей? Это необходимо при использовании стратегии стимулирования производительности труда с помощью кнута и пряника. На предприятии, где человек активен, удовлетворяет естественную потребность в свободном, творческом и целесообразном труде, необходимость таких бюрократических процедур отпадает, и сотрудники имеют возможность для реализации своей негативной свободы (для самореализации в сферах деятельности, которые должны оставаться неподконтрольными и называются личной жизнью), показатели производительности труда с необходимостью увеличатся [18].

Очевидно, что и руководители, и рабочий персонал должны осознавать элементарные понятия, необходимые для опознавания самих себя в качестве личности, осознания своего личностного достоинства, личностной свободы, для возможности дальнейшего правильного смыслов творчества (по замечанию Санкт-Петербургского философа Александра Чернова, материально ориентированного человека дрессировать лег-

че, чем известную своей независимостью кошку, но является ли жизнь такого человека жизнью в подлинном смысле слова?). И это не только область исследования нейробиологии и психологии – знания этих наук здесь явно недостаточно. Безусловно, они открывают законы природы, причинно-следственные взаимосвязи, например процессы функционирования мозга, знание которых необходимо для правильной организации образования и труда, для культурного и технического прогресса человечества... Но со времен Жан-Жака Руссо мы верим, что назначение человечества – прежде всего эτικο-теологическое. И здесь мы обращаемся к науке, изучающей законы свободы, – к философии. Заметим, что и философия не может предоставить теоретическое доказательство свободы, так как свобода – это один из постулатов человеческого разума. Однако, философия доказывает свободу практически исходя из возможности категорического императива. Говоря об этом, мы подразумеваем свободу личного нравственного выбора и свободу ответственности – рефлексивную свободу, о которой писал Иммануил Кант. Нравственное воспитание и есть воспитание свободы, а условие возможности такой свободы или нравственности (здесь мы присоединяемся к точке зрения великого кенигсбергского мыслителя) есть мужество к самостоятельному критическому мышлению.

Теория Канта перевернула картину научного мира – это была революция в сфере теоретического познания, в сфере нравственности, в эстетике и как следствие – в педагогике. Критика чистого разума по-новому определила условия познания. Кант предложил исходить не из положения (как это было ранее), что познание следует за *предметами*, а предположил, что предметы следуют за *познанием*. Это была настоящая революция, поворот центрального пункта: познающий субъект, мыслящее Я возвышается до того, что производит объективность, предметность. Таким образом, Кант показал *продуктивную* деятельность мыслящего субъекта: *рассудок – не только способность субъекта составлять себе правила путем сравнения явлений внешнего мира, но он сам есть законодательство для природы*. Чистый рассудок приписывает природе всеобщие законы, без которых она не могла бы существовать, а было бы только хаотичное, не ограниченное никакими правилами нагромождение явлений [13].

Но еще большее влияние на развитие педагогической мысли оказала практическая философия Канта. Он доказал, что происхождение морали надо искать в самозаконотворительствующем разуме, а если это так, то каждое педагогическое действие должно учитывать автономность воспитанника, т. е. «кланяться» человеческому достоинству.

Принуждение в педагогической теории Канта означает только принуждение против природного произвола. А тот, кто хочет и должен работать с личностью (а личностью Кант называет интеллигентную составляющую человеческого существа), должен знать, что такое свобода, и очень бережно к ней относиться.

Смысл автономии воли заключается в том, что моральный субъект, личность подчиняется не заданному извне закону, но тому, который он(а) дает себе сам(а), проверяя его на соответствие критериям всеобщности и необходимости, т. е. действует согласно нравственному закону разума, носящего характер категорического императива. Кантовская революция морали возвеличивает автономию практического разума, которая и по сей день – как бельмо на глазу для тех, кто обнаруживает потребность склониться перед высшей властью вместо того, чтобы реализовать вытекающий из автономии нравственной воли характер человека как существа, способного к самоопределению [14].

Однако, согласно Канту (в отличие от убеждения Руссо), человек от природы является не нравственным существом (для него характерна тяга к злу), а всякий раз

должен таковым стать, возвышаясь до понятий долга и нравственного закона. В связи с этим на ум приходит интервью с нейробиологом Г. Хютером и его теория, согласно которой человек должен как можно чаще удивляться, в сочетании с известными словами из заключения «Критики практического разума» Канта: «Две вещи наполняют душу всегда новым и тем более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» [4, с. 729]. То есть, неспособность удивляться вообще подразумевает неспособность удивляться моральному закону в нас, что снижает шанс его познания – как он вообще возможен, и что он от нас требует.

Важно понять, что нравственное чувство, определение которого дает нам Кант (в отличие от нравственного чувства Руссо), это – чувство уважения к нравственному закону. Оно имеет чисто интеллектуальную природу, но также мотивирует нас, влияя на «сердце», и тем самым культивирует нашу чувственность (чувственность сама по себе не может лежать в основе принципа морали).

Заслуга Канта в том, что он показал нам не только, как возможна негативная свобода (когда человек может с нуля начинать новые цепочки причинно-следственных взаимосвязей), но и как возможна рефлексивная свобода – автономия личности [9].

Кант важную роль отводил правовому воспитанию. В праве он видел совпадение между человеком и политико-социальным миром. Он хотел ввести для детей правовой катехизис вместо догматического, считая, что дети должны учиться мыслить правовым образом. Человечность и правовая законность стали для него почти синонимами.

Трансцендентальная философия Канта призвана изменить мир в направлении вечного мира. Только мышление изменяет мир без зависти, скрытой злобы и свирепой жестокости. Кант требует, чтобы человечество научилось думать ради своей собственной истории. Нет ничего более мирного и надежного, чем объединяющий всех людей разум [17].

Георг Вильгельм Фридрих Гегель [15] показал, как возможна социальная свобода. Разъясним эту мысль с помощью цитаты из А. Хоннета: «В конечном счете субъект «свободен» только тогда, когда он в рамках институциональных практик встречается с визави, с которым его связывает отношение взаимного признания, потому что он может усмотреть в его [визави – пер.] целях условие осуществления своих собственных целей, ... [что – пер.] дает отдельному лицу возможность вообще ставить и реализовывать свои полученные в результате рефлексии цели» [16, S. 86 – 87]. В этой связи важно, чтобы оба субъекта умели «с одной стороны, понятно артикулировать свои собственные цели для своего визави, с другой, подобающим образом понимать его высказывания, прежде чем они смогут взаимно признать друг друга в своей зависимости друг от друга» [16, с. 86]. То, что индивид может быть в обществе «как у себя дома», нельзя мыслить примирительным образом, как если бы это достигалось автоматически: индивид должен учиться тому, чтобы «помещать себя в перспективу, из которой он может быть как критическим оппонентом существующих норм, так и конструктивным защитником новой нормативной системы» [16, с. 190].

Согласно А. Хоннету, *если остается нереализованным хотя бы один из аспектов свободы (негативная свобода – рефлексивная свобода – социальная свобода), неизбежны патологии – и личности, и общества* [8].

О негативной свободе мы знаем благодаря Т. Гоббсу: у человека должны быть неподконтрольные сферы деятельности, сферы личной жизни, одним словом – свобода

деятельности. Кант расширил понятие негативной свободы до свободы воли – возможности согласно своему произволу начинать с нуля новые причинно-следственные связи, но также до способности нашей воли (*Willkur* – это немецкое слово берется тут уже не в смысле произвола, а в смысле спонтанного действия) не детерминироваться непосредственными материальными (чувственными) основаниями действия. Что же тогда должно мотивировать нас к действию, чтобы наша воля оставалась негативно свободной, но при этом не деградировала до произвола (в худшем смысле), т. е. сохраняла и доказывала себя в качестве доброй воли?

Заслуга кенигсбергского философа состоит в том, что он открыл и доказал рефлексивную свободу, которая заключается в подчинении требованию открытого субъектом в самом себе нравственного закона, повелевающего всеобще и необходимо. В этом, по Канту, и заключается смысл автономии.

Другими словами, свобода – это интеллигибельная «причинность по неизменным законам» [6, с. 221] (тут имеется в виду, что есть другая причинность, которая дополняет причинно-следственные связи в природном мире – она имеет умопостигаемую природу, мы осознаем ее, когда понимаем и удивляемся живущему в человеке моральному закону). И далее: «Свобода, причинность которой определяется только законом, состоит именно в том, что все склонности, стало быть, и оценку самой личности, она ограничивает условием соблюдения ее чистого закона» [5, с. 485].

Третий элемент свободы – социальный – можно обосновать исходя из анализа институциональных предпосылок, ведь мы действительно свободны, только если мы активны в медиуме институтов: когда общаемся с друзьями, создаем семью, в качестве граждан участвуем в общественной жизни, задействованы на рынке труда.

Современный немецкий философ и социолог Юрген Хабермас показал, что социальные взаимосвязи – это коммуникативные взаимосвязи. Именно понятие «коммуникации», а не целенаправленного действия, сознания или интеракции, несет в себе решающее содержание, которое отличает общество от других идентичностей. Общество имеет коммуникативную структуру. Репродукция общества зависит от успешности коммуникации. Хабермас доказывает, что *философское понятие разума не может быть лучше, чем та теория общества, которая делает его возможным*. Хабермас вводит понятие коммуникативного разума, который существует в обществе и через общество. Хабермас исходит из того, что правильность, а не авторитет должны задавать законность (в смысле значимости); таким образом, он требует рациональной обоснованности решений, которые подкрепляются аргументами. Категорический императив Канта он заменяет принципом дискурсивной этики. Согласно ее основному принципу, только те нормы могут быть обоснованными, которые разделяются (в форме выражения одобрения) всеми полноправными участниками практического дискурса. В соответствии с этим Хабермас определяет свободу как ненасильственное принуждение лучшего аргумента. Признавая важность открытия коммуникативного разума в функционировании общественных взаимосвязей, Хабермас недооценивает возможности критической философии Канта, делая акцент на всеобщей значимости требований категорического императива и при этом игнорируя аспект необходимости категорического императива, т. е. то, что императив выдвигает требование, которое повелевает с необходимостью (подобно законам природы) [10].

Назовем еще одно имя – Фридрих Шиллер – философ и писатель, провозгласивший своим идеалом свободу. Его основная идея заключается в том, что центральное место в воспитании и образовании человека должно занимать эстетическое воспита-

ние. Согласно Шиллеру, не стоит недооценивать роль эстетического образования при формировании политической компетентности, так как именно красота открывает путь к свободе.

Эстетическая свобода обозначается Шиллером как третий характер человека, благодаря становлению которого становится возможным переход от физического к нравственному характеру.

Важно, что Шиллер рассматривает современную ему жизнь общества (а с тех пор мало что изменилось) как существенное препятствие на пути к цели эстетического образования человечества, так как в обществах во все времена властвует потребность и вместе с ней – польза как «великий идол времени». Только эстетическое образование, благодаря прекрасному, обладает синтетической силой, чтобы преодолеть современный конфликт человека-дикого (одностороннего в сфере чувств) и человека-варвара (одностороннего в сфере разума). От прекрасного самого по себе нельзя ждать какого-нибудь конкретного результата: оно не может просвещать, не способствует формированию характера, не занимается поисками правды и не требует исполнения долга. И все же только благодаря общению с прекрасным человек может сделать себя таким, каким он хочет себя видеть, так как прекрасное вводит его в состояние свободы, лежащее как между чувственностью и разумом, так и над ними [11].

Сегодня много говорится о кризисе существующей модели глобализации и необходимости перехода к более справедливой и нравственной модели, где личности и народы в своей уникальности будут обогащать человечество. Но возможно это только при условии, что люди будут интересоваться своим предназначением и поймут, что без ограничения нет ничего доброго, кроме одной только доброй воли; поймут, что личность имеет метафизическое назначение, а значит, связана не только законами природной необходимости, но и законами свободы. Подлинное же искусство, формируя эстетический вкус, снимает напряжение между двумя составляющими человеческой сущности (разумом и чувственностью) и приводит их в гармонию. При этом познать себя, свои истинные интересы мы можем только в институтах признания и путем коммуникации.

Заключение

Таким образом, подлинная промышленная политика предполагает полноценную модернизацию общества: изменение модели управления – стимулирование человеческой креативности, что означает отказ от методов, основанных на объективации личности (поощрениях и наказаниях), в пользу развития ответственности за свое дело и формирования у работников понимания себя как хозяина (личность должна сама все объективировать). Это предполагает появление развитой институциональной среды в обществе в целом, в которой личность сможет осознать свою и окружающих интеллигибельную сущность и развить отношения солидарности в институтах признания. Существующая система управления основана на недоверии к человеку, к интеллигибельности его личности и соответственно – на неразвитости свободы в социальной реальности. Человеческий потенциал в этой системе остается нераскрытым. Переход к системе управления, основанной на современных концепциях выдающихся психологов, нейробиологов, философов и педагогов, предполагает изменение самой методологии мышления. Поэтому концептуальные основания промышленной политики должны базироваться на этой методологии.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 4 (46). – С. 9–23.
2. Бузгалин, А. В. Диалектика в мире креатосферы и сетевых структур: к критике постмодернизма (Ре-актуализация диалектического метода) / А. В. Бузгалин // Философия хозяйства. – М., 2009. – № 2. – С. 111–140.
3. Бузгалин, А. В. Материальное производство и креатосфера: пространство для дискуссии / А. В. Бузгалин // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 4 (46). – С. 40–43.
4. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант // Сочинения: в 4 т. (на нем. и рус. яз.). – Т. 3. – М.: Московский философский фонд, 1997. – С. 277–733.
5. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Сочинения: в 4 т. (на нем. и рус. яз.). – Т. 2. – Ч. 2. – М.: Наука, 2006. – С. 8–505.
6. Кант, И. Основоположения к метафизике нравов / И. Кант // Сочинения: в 4 т. (на нем. и рус. яз.). – Т. 3. – М.: Московский философский фонд, 1997.
7. Колганов, А. И. Реиндустриализация как ностальгия? Полемиические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // Социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 80–94; № 3. – С. 120–130.
8. Шачина, А. Ю. Право свободы: Очерк демократической нравственности / А. Ю. Шачина, С. В. Шачин, А. Хоннет // Кантовский сборник: науч. журнал. – 2012. – № 1 (39). – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2012. – С. 91–100.
9. Шачина, А. Ю. Цель и задачи педагогической науки в философско-педагогическом творчестве И. Канта / А. Ю. Шачина // Педагогика: науч.-теор. журнал. – 2013. – № 6. – С. 119–126.
10. Шачин, С. В. Коммуникативная теория разума Юргена Хабермаса и ее российская контекстуализация / С. В. Шачин. – Мурманск: Изд-во Мурманского государственного гуманитарного ун-та, 2013.
11. Шиллер, И. Х. Ф. Письма об эстетическом воспитании человечества / И. Х. Ф. Шиллер // Сочинения: в 8 т. – Т. 6. – М.; Л.: Гослитиздат, 1956.
12. Buzgalin, A. V. The Anatomy of twenty-First century exploitation: From traditional extraction of surplus Value to exploitation of creative Activity / A. V. Buzgalin, A. I. Kolganov // Science & Society. – Vol. 77, №. 4. – October 2013. – P. 486–511.
13. Cassirer, E. Rousseau, Kant, Goethe / E. Cassirer. – Hamburg: Meiner, 1991.
14. Hauptwerke der Padagogik / Hrsg. von W. Bohm, B. Fuchs, S. Seichter. – Paderborn: Ferdinand Schoningh Verlag, 2011.
15. Hegel, G. W. F. Grundlinien der Philosophie des Rechts // G. W. F. Hegel Werke: In 20. Banden (Theorie-Werkausgabe). – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1970. – Bd. 7.
16. Honneth, A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit / A. Honneth. – Berlin: Suhrkamp, 2011.
17. Hufnagel, E. Globalisierung / E. Hufnagel // Globalisierung. Probleme der Postmoderne / Hrsg. Von E. Hufnagel, J. Zowko. – Berlin: Parerga Verlag, 2006. – S. 17–68.
18. Huter, H. Belohnung ist genauso falsch wie Bestrafung / H. Huter. <https://www.youtube.com/watch?v=shh31MTUL3M>

*А. Х. Ульбашев*¹

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОЦЕНКИ
ПРОМЕЖУТОЧНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В МЕЖОТРАСЛЕВОМ
ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ИННОВАЦИОННЫХ
ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ**

Экономическая система страны состоит из отраслей хозяйствования, производящих определенный продукт, часть которого потребляется другими объектами системы, а остальная выводится за пределы системы в виде конечного продукта. Выпуск продукции определенной отрасли направлен на удовлетворение промежуточного потребления другими отраслями хозяйствования и конечного спроса в отдельных отраслях экономики. Результаты деятельности каждой отрасли состоят из промежуточных затрат и добавленной стоимости. Для математического моделирования функционирования экономической системы применяется межотраслевой баланс (МОБ), который отражает множественные связи между отраслями, позволяя исследовать процессы ценообразования, перераспределения валового продукта между структурными элементами экономической системы, делать прогнозы многоотраслевого развития экономики. Балансовая модель основывается на таблице «затраты – выпуск» [1–3].

МОБ дает развернутую характеристику процессов воспроизводства и отношений между отраслями экономики. Он является важной частью системы национальных счетов (СНС), что связано с возможностями его применения для характеристики потоков товаров и услуг, в том числе с инновационным компонентом и сложными для калькуляции продуктами такого типа. Однако в России МОБ в таком качестве не используется из-за отсутствия ценовой модели, нейтрализующей характеристические расхождения между ценами потребителей и производства.

Сбалансированность развития экономической системы находит отражение в структуре ее межотраслевого баланса, поскольку последний позволяет учесть влияние структуры связей между видами экономической деятельности (ВЭД) на показатели эффективности и производительности, а также на определение возможных направлений совершенствования управления этими процессами. Таким образом, оценить уровень развития можно через оценку производительности. На основе моделей типа «затраты – выпуск» возможна разработка комплекса моделей функционирования экономики для определения рациональных стратегий управления социально-экономическим развитием высокотехнологичных отраслей и государства в целом.

Теоретико-методологическим и практическим аспектам построения моделей МОБ, а также процессам оценки и исследования производительности экономических систем посвящены работы ряда отечественных и зарубежных ученых: И. Бондаря,

¹ *Азамат Хусейнович Ульбашев*, аспирант кафедры статистики экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

А. Гранберга, П. Ещенко, В. Леонтьева, А. Ляшенко, В. Мереса, И. Николаевой, И. Прокopenko, А. Саяповой, Д. Синка, Л. Соколовой, А. Сологуба, Т. Твердохлебова и др. Особое значение уделено разработкам В. Леонтьева. Однако в научных трудах не нашли должного отражения вопросы оценки производительности современных экономических систем с использованием моделей МОБ в концепции системы национальных счетов и построения таких моделей с учетом современных экономических реалий в постоянных ценах.

Из-за отсутствия соответствующих статистических данных для анализа связей между инновационно ориентированными отраслями класса С «Обрабатывающие производства»² требуется разработка математических моделей для вычисления значений таких показателей с использованием имеющейся статистики.

По предлагаемой методике межотраслевые балансы, представленные на основе таблицы «затраты – выпуск» (ТЗВ), могут быть составлены на базе данных статистической отчетности с использованием процедуры изменения модели цен (в постоянных ценах) тех показателей баланса, которые не могут быть получены из статистических данных отрасли. В связи с этим предлагается формирование комплекса таких таблиц по данным первичной статистической отчетности исследуемой группы предприятий, которая содержится в форме №1-потребление (годовая) «Обследование потребления продуктов и услуг в производстве продукции (работ, услуг)». По данным формы №1 осуществляется распределение промежуточного потребления по видам товаров и услуг. Для сектора общего государственного управления используются данные отчетов о выполнении государственного и местного бюджетов по расходам в разрезе кодов экономической классификации.

Для трансформации показателей затрат – выпуска в постоянные цены можно использовать адаптацию первых на основе коэффициента инсталляции секторов потребления наиболее значимых ВЭД с инновационным компонентом. При этом используют простой коэффициент инсталляции (ПКИ) [1].

Данный базисный индекс для пересчета в постоянные цены определяется как отношение значения показателя в определенный год к его значению в базовом году. Ценовые индексы характеризуют обычно соответствующее соотношение значений показателей за два смежных года.

Для работы с МОБ по I квадранту коэффициент инсталляции прямых затрат определяется как объем ресурса отрасли i , необходимый для изготовления единицы продукта отрасли j [2]:

² Коды: С-16. Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели; производство изделий из соломки и материалов для плетения; С-18. Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации; С-19. Производство кокса и нефтепродуктов; С-20. Производство химических веществ и химических продуктов; С-21. Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях; С-22. Производство резиновых и пластмассовых изделий; С-23. Производство прочей неметаллической минеральной продукции; С-24. Производство металлургическое; С-25. Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования; С-27. Производство электрического оборудования; С-28. Производство машин и оборудования; С-29. Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов; С-30. Производство прочих транспортных средств и оборудования; С-32. Производство прочих готовых изделий.

$$a_{ij} = X_{ij} / X_j, \quad (1)$$

где a_{ij} – коэффициент прямых затрат продукта отрасли i , который используется как промежуточный продукт отрасли j ; X_{ij} – объем продукта отрасли i , используемого в качестве промежуточного продукта отрасли j ; X_j – объем выпуска продукта отрасли j .

Используя базовую методику Росстата [4], можно рассчитать оценочное значение суммарного выпуска продукта j -й отрасли X_{sj} для определенного периода времени в постоянных ценах с отсутствующими статистическими данными:

$$X_{sj} = X_s \frac{I_{pj}}{100\%} \cdot \frac{I_{qi}}{100\%}, \quad (2)$$

где X_{sj} – статистические данные о суммарном выпуске продукции j -й отрасли; I_{pj} – базисный индекс изменения цен на продукцию j -й отрасли, где базовым является год, для которого известны статистические данные о суммарном выпуске j -й отрасли, а расчетным – год, для которого исчисляются рассчитанные данные; I_{qi} – базисный индекс изменения объемов производства j -й отрасли, где базовым является год, для которого известны статистические данные о суммарном выпуске j -й отрасли, а расчетным – год, для которого исчисляются рассчитанные данные.

Соответственно, коэффициент прямых затрат для определенного периода времени можно рассчитать по формуле

$$a_{tij} = \frac{X_{ij} \cdot I_{pi}}{X_j \cdot I_{pj}}, \quad (3)$$

где a_{tij} – коэффициент прямых затрат продукта отрасли i , который используется как промежуточный продукт отрасли j ; X_{ij} – объем продукта отрасли i , используемого в качестве промежуточного продукта отрасли j в базовом году; X_j – объем выпуска продукта отрасли j в базовом году; I_{pi} и I_{pj} – соответственно базисные индексы изменения цен на продукцию i -й и j -й отраслей, где базовым является год, для которого известны статистические данные, а расчетным – год, для которого исчисляется коэффициент прямых затрат.

Для трансформации показателей затрат – выпуска в постоянные цены можно использовать техническую адаптацию первых на основе коэффициента инсталляции секторов потребления наиболее значимых ВЭД с инновационным компонентом. При этом различают простой коэффициент инсталляции (ПКИ) сектора и межотраслевой коэффициент инсталляции (МКИ) сектора.

ПКИ сектора i в отрасли R находят следующим образом:

$$\text{ПКИ}_i^R = (X_i^R / X^R) / (X_i^N / X^N), \quad i = 1, 2, \dots, n, \quad (4)$$

где X_i^R – валовой продукт сектора i в отрасли R ; X^R – валовой продукт всех секторов отрасли R ; X_i^N – валовой продукт сектора i в стране; X^N – валовой продукт всех секторов в стране.

Для определения итогового показателя I квадранта ТЗВ исходной статистической базой является первый квадрант ТЗВ Росстат за 2014 г., в котором содержится информация о промежуточном потреблении в разрезе ВЭД по соответствующей экономической системе.

Промежуточное потребление для ТЗВ, как отмечено в методике [5], рассчитывается аналогично его определению при построении счета производства в СНС, однако в него дополнительно включается торгово-транспортная наценка [6, 7].

Итоговый показатель результативности отраслей экономики по I квадранту МОБ основывается на модели В. Леонтьева [8]: для любого вектора промежуточного потребления $Y \geq 0$ система уравнений $X = AX + Y$ имеет решения, т. е. существует единый вектор $Y \geq 0$.

Доказано, что каждому собственному числу λ соответствует единственный (с точностью до скалярного множителя) собственный вектор $X > 0$, такой, что $AX = \lambda X$. Итак, умножение матрицы A на собственный вектор равносильно умножению собственного числа λ на этот вектор.

Систему уравнений $AX = \lambda X$ можно записать в виде

$$AX = \lambda EX, (\lambda E - A) X = 0. \quad (5)$$

Система (5) определяет собственный вектор с точностью до произвольного ненулевого множителя в постоянных ценах.

Собственный вектор X является ненулевым решением системы линейных алгебраических уравнений $(\lambda E - A) X = 0$ с определителем

$$\det(\lambda E - A) \equiv f(\lambda) = \lambda^n + b_1 \lambda^{n-1} + \dots + b_n. \quad (6)$$

Чтобы однородная система $(\lambda E - A) X = 0$ имела ненулевое решение, необходимо и достаточно, чтобы ее определитель был равен нулю. То есть, имеем характеристическое уравнение матрицы A в постоянных ценах, корнями которого являются собственные числа матрицы A . Если известно собственное число λ , то из системы можно найти соответствующий собственный вектор X .

В общем виде характеристическое уравнение матрицы можно представить так:

$$f(\lambda) = \lambda^n + b_1 \lambda^{n-1} + \dots + b_n = 0. \quad (7)$$

Корни этого уравнения называют собственными числами матрицы. Собственное число λ^* , которое является максимальным по модулю корнем уравнения, в экономической литературе называют числом Фробениуса – Перрона. Данный коэффициент может служить оценкой общего уровня коэффициентов прямых материальных затрат, следовательно, величина $1 - \lambda^*$ характеризует остаток после расходов, т. е. производительность. Чем больше $1 - \lambda^*$, тем больше возможностей достижения других целей (кроме текущего производственного потребления). Другими словами, чем выше общий уровень коэффициентов матрицы A , тем больше по модулю собственное значение λ^* и ниже уровень производительности и, наоборот, чем ниже общий уровень коэффициентов матрицы A , тем меньше по модулю ее собственное значение и рост производительности. С помощью λ^* можно оценить долю промежуточных и косвенных затрат в процессе производства как по всей системе в целом, так и по отдельным отраслям. Таких же взглядов придерживается ряд ученых, в частности А. Банин [9].

Значение λ^* является оценкой общего уровня коэффициентов прямых материальных затрат, который зависит одновременно от уровней всех коэффициентов матрицы A , однако не совпадает со средним арифметическим этих коэффициентов. Среднее

арифметическое в постоянных ценах также показывает уровень коэффициентов матрицы A , но при этом не учитывается взаимосвязь элементов и уровень их сбалансированности, поэтому оно не может служить базой для определения показателя производительности. Не может быть принят для расчета обобщающей оценки производительности и определитель матрицы A , несмотря на то, что он, как и λ^* , находится в пределах от 0 до 1. Это связано с тем, что при увеличении отдельных коэффициентов матрицы A абсолютное значение ее определителя не имеет четко определенной направленности, т. е. может как увеличиваться, так и уменьшаться.

Спектральные свойства матрицы A определяют спектральные свойства матрицы B : число Фробениуса матрицы $B\lambda_B = 1/(1 - \lambda_A)$ и соответствующий нормированный вектор θ_B , который совпадает с вектором θ_A . Доказательство теоремы основано на исследовании спектральных характеристик, в частности, поведения собственных чисел матрицы A , наиболее важным из которых является максимальное по модулю $-\lambda(A)$ или λ^* [10].

Для расчета коэффициентов с наибольшей точностью автор предлагает использовать численные методы, которые относятся к группе точных и дают полное решение проблемы собственных чисел, в частности, метод Лаверье. Этот подход был апробирован для получения оценок производительности экономических систем на примере инновационно ориентированных отраслей раздела С ОКВЭД-2.

Для исследования эффективности функционирования экономической системы целесообразно определить особенности потребления продукции с инновационным компонентом путем анализа промежуточного потребления продукции по ВЭД. Для этого можно использовать технологические коэффициенты прямых затрат. Устойчивая положительная тенденция к уменьшению промежуточного потребления прослеживается только в отрасли С-22. «Производство резиновых и пластмассовых изделий»; по другим ВЭД производства товаров с инновационным компонентом в 2011 и 2014 гг. стабильной тенденции к изменению доли промежуточного потребления не наблюдалось. Напомним, что только по 2011 и 2014 гг. доступны данные по МОБ Росстата.

Анализ коэффициентов фактических промежуточных затрат показал (рис. 1), что наибольшим спросом в структуре производства товаров с инновационным компонентом пользуется продукция отрасли обрабатывающей промышленности (сектор С-19), несколько меньшим – сельского хозяйства (С-1), производства химических веществ и химических продуктов (С-20) и металлургического производства (С-24).

Основными потребителями продукции обрабатывающей промышленности (кроме этого же вида) являются отрасли производства химических веществ и химических продуктов (С-20), металлургического производства (С-24), производства прочей неметаллической минеральной продукции (С-23) и деревообработки (С-16). Основным потребителем продукции деревообработки (кроме него самого) является обрабатывающая промышленность (С-19). Такая структура промежуточного потребления характерна для экономических систем аграрно-индустриального направления.

Для более детальной оценки структуры промежуточного потребления можно построить полную модель ТЗВ в разрезе детализированных ВЭД в постоянных ценах.

Процедуру получения обобщающего показателя промежуточного потребления экономических систем на основе статических моделей МОБ в постоянных ценах можно представить в виде алгоритма, состоящего из пяти этапов (рис. 2).

Теорема Фробениуса – Перрона является исключительно важной для построения практических экономико-математических моделей. Она позволяет судить о рацио-

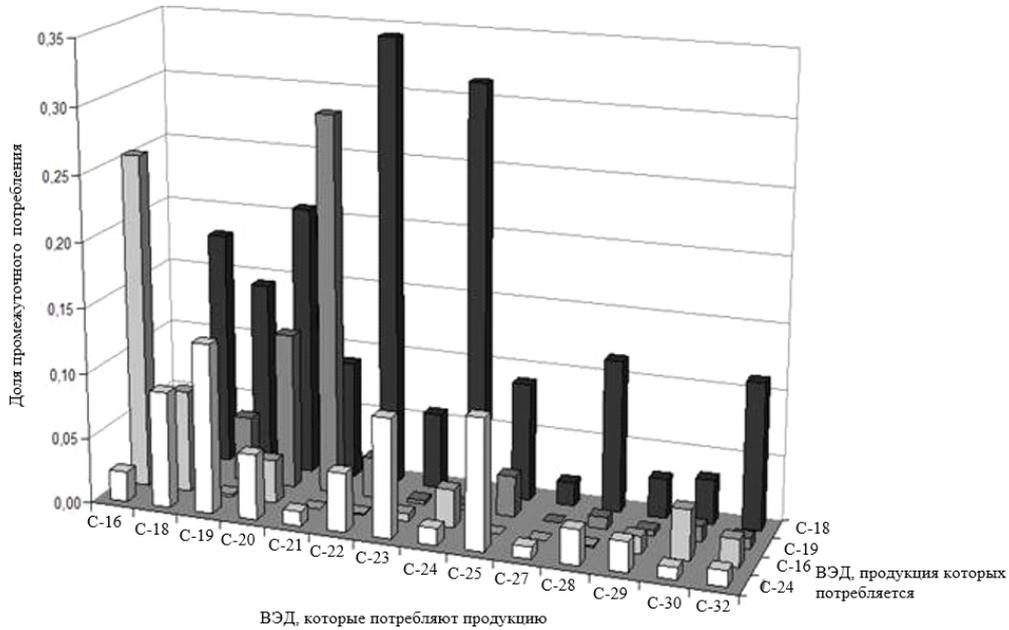

Рис. 1. Структура промежуточного потребления наиболее значимых ВЭД с инновационным компонентом в постоянных ценах (построено автором на основе данных Росстата)

Рис. 2. Принципиальная схема моделирования промежуточного потребления экономических систем на основе МОБ в постоянных ценах (построено автором)

нальности структуры экономической системы на основе свойств соответствующей матрицы Леонтьева. Исследование спектральных характеристик матриц прямых расходов, в частности определение собственных чисел, позволяет дать общую технологическую оценку функционирования соответствующей экономической системы, определить долю промежуточных и косвенных затрат в процессе производства как по всей системе в целом, так и в ее отдельных отраслях.

Список литературы

1. Панаго, В. Оценка таблицы затраты-выпуск для Пелопоннесского региона / В. Панаго, Т. Папэлис. – Режим доступа: http://dspace.tneu.edu.ua/bitstream/316497/320/2/t6_4_2007_ru.pdf
2. Коноплева, Н. В. Анализ межотраслевых связей: учеб. пособие / Н. В. Коноплева, С. Е. Макаров. – Омск: ОмГУ, 2000. – Режим доступа: <http://www.math.omsu.ru/info/learn/prprimer/>
3. Анфиногентова, А. А. Теория системного управления межотраслевыми взаимодействиями в многоуровневых социально-экономических структурах / А. А. Анфиногентова // Экономика и управление. – 2016. – № 5 (127). – С. 4–13.
4. Приказ Росстата от 28 апреля 2016 года №218 «Об утверждении номенклатур отраслей и продуктов для разработки базовых таблиц ресурсов и использования товаров и услуг за 2016 год».
5. Методика составления счета производства по институциональным секторам экономики / Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/met-tri-2014.htm
6. Макаркина, А. В. Комплексная оценка отраслевой эффективности экономики региона в нечеткой модели межотраслевого баланса / А. В. Макаркина // Вестник Восточно-украинского национального университета им. В. Даля. – № 2. – Луганск, 2002.
7. Мелентьев, Б. В. Оценка развития прикладных межрегиональных межотраслевых разработок / Б. В. Мелентьев, В. С. Костин // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2016. – Т. 3. – № 1.
8. Леонтьев, В. В. Межотраслевая экономика / В. В. Леонтьев; предисл. и науч. ред. А. Г. Гранберга. – М.: Экономика, 1997. – 479 с.
9. Банин, А. А. Методы последовательных оценок в задаче управления динамическими балансовыми моделями: дис. ... канд. физ.-мат. наук / А. А. Банин. – СПб., 2000. – 178 с.
10. Тавакальян, К. С. Математическое и инструментальное обеспечение задач устойчивости экономических систем на основе межотраслевых моделей / К. С. Тавакальян, А. Е. Доценко // Материалы II Всероссийской науч.-практ. конф. «Современные тенденции развития теории и практики управления отечественными предприятиями». – Режим доступа <http://abiturient.ncstu.ru/Science/conf/past/2008/kman2/03/28.pdf>. Дата доступа: 19.06.2017.

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИННОВАЦИИ

*В. Б. Сироткин*¹

ПРИНУЖДЕНИЕ К РАЦИОНАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ: ЛОВУШКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОГЛАСНО АЛГОРИТМАМ

Люди организуются в группы, коллективы и общества на основе общих целей и ценностей. Кооперативные организации существуют за счет обмена результатов своей деятельности на стимулы, мотивирующие требуемое поведение их членов. Если эффективность/результативность совместной деятельности не обеспечивает стимулирование участников, то кооперативная система распадается. В западной экономической науке теория общественного выбора исследует принимаемые решения, максимизирующие значения функции индивидуальной полезности. Такое поведение называется рациональным, считается, что в основе экономической и политической системы лежат договорные отношения между людьми. В незападных культурах доминирует идея, что препятствовать распаду кооперативных систем следует путем принуждения к единым действиям и общим ценностям.

Нами предпринята попытка показать, что внешнее принуждение индивида к рациональным алгоритмам поведения (рутинизация поведения), направленное на максимизацию пользы, содержит ловушку: насилие, используемое для получения пользы, подавляет удовлетворенность, свободу творчества и инновационность, выступающие источниками получения пользы.

Актуальность предложенной темы определяется: а) потребностью в формировании ценностей и поведения, способных укрепить согласие/доверие в обществе; б) необоснованным оптимизмом относительно возможности повысить результативность коллективного поведения, используя принуждение; в) широким распространением в отечественной экономической литературе механических подходов к поведению людей (стандартизация, алгоритмизация, нормирование и др.), игнорирующих индивиду-

¹ *Владислав Борисович Сироткин*, заведующий кафедрой менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, д-р экон. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

альные права человека; г) усилением принуждения граждан и коллективов, о чем свидетельствует статистика судебных решений: суды поддерживают обвинение, а число оправдательных приговоров составляет 0,35 % (в развитых странах – около 30 %).

Предварительные замечания

1. Интерпретация экономической истории со времен древнейшего эпоса позволяет предположить следующее [3]. Город выступал символом цивилизации и концентрации богатства. Стабильность существования обеспечивала городская стена, гарантирующая безопасность жителей на продолжительное время. Устойчивая/продолжительная безопасность проживания в городе создавала возможности: а) для увеличения численности жителей за счет безземельных младших сыновей владельцев земель, отделившихся от рода, проживавшего в деревнях, иноземцев и прочих; б) инвестирования сбережений за пределы собственной жизни. Расширением спроса на товары и услуги можно объяснить развитие ремесел и торговли – источников богатства города. Увеличение спроса делало выгодным специализацию на каком-то одном виде деятельности. Специализация давала возможность удовлетворять собственные потребности индивидуума в продуктах и могла приносить пользу другим людям. Обмен по принципу «что-то на что-то» постепенно был вытеснен товарным обменом – обменом товаров на деньги². Платой за безопасность выступало подчинение человека правилам (институтам) общества. Чем выше специализация общества, тем больше тех, от кого мы зависим. Существование в социуме определяется подчиненностью поведения его членов правилам общежития.

2. Содержание мифов (а позднее – религий и философий) сосредоточилось на формировании этических правил поведения исходя из принципов добра и зла. Нравственность личности оценивали по соблюдению правил вне зависимости от последствий поступков. Экономическое мышление и поведение – это война мифов/больших рассказов прошлого и настоящего. Новое мировоззрение вытесняет существующие концепции. Современная научная вера западных экономистов-маржиналистов: а) исключает анализ принятия решений с позиции этики (добра и зла); б) подменяет понятие благо понятием выгода, а концепцию поведения, направленного на максимизацию блага, заменяет концепцией поведения ради максимизации выгоды; в) подменяет термин «удовлетворение потребности» (отталкивается от предложения товаров) термином «удовлетворение желаний» (отталкивается от спроса на товары). В результате такой подмены понятий возникает разрыв между спросом и предложением. Желания воспроизводят сами себя, их невозможно удовлетворить, и мы требуем вещей, на которые не имеем права – призываем увеличить спрос и залезаем в долги³. В погоне за экономическим ростом человек утрачивает благоразумие и чутье, поскольку скорости его обогащения ничто не препятствует. В центре современной западной цивилизации лежит неудов-

² Взаимоотношения между людьми (транзакции) могут осуществляться не только путем обмена, но и в форме даров, грабежей, боев, обманов и др. Товарный обмен позволяет на взаимовыгодных условиях снизить транзакционные издержки для его участников при получении ими пользы.

³ В христианстве идея спасения основана на прощении «наших грехов». Под грехами ранние христиане понимали долги, под тяжестью которых люди превращались в рабов. Взять грехи людей на себя означало выкупить их из кабалы и спасти от банкротства. Иисус ценой своей жизни искупил грехи (долги) иудеев [3].

летворенность отсутствием чего-либо. Западный индивидуум неудовлетворен тем больше, чем ему лучше. Новый интерес к приобретению гонит человека вперед.

Христианский теолог Блаженный Августин (354–430) выделял три главных порока человека: страсть к господству, похоть и страсть к собственности и деньгам. Позднее выдающиеся интеллектуалы полагали эти страсти (вместе и порознь) движущей силой общества: Ницше – волю к власти; Фрейд – либидо; Маркс – стремление к наращиванию капитала.

Экономика выступает важнейшим источником добра и зла. Изначальная суть экономики – способность создавать товары/блага, имеющие ценность. На протяжении веков в мышлении людей сохранилась идея о прочной связи и взаимном влиянии этики и экономики.

3. Общественные науки пытаются ответить на вопрос: как из эгоистического поведения отдельных индивидуумов в процессе общественных взаимодействий возникает общее/холистическое благо? В ответах на этот вопрос центральное место занимает идея непредумышленности поступка, результатом которого может выступать как добро, так и зло⁴.

Интерпретация рыночной координации поведения субъектов предполагает существование «невидимой руки рынка», непреднамеренно и самопроизвольно преобразующей эгоизм субъектов рынка в общее благо. Согласно идее непредумышленности, негативные последствия рыночного поведения субъектов (безработица, переутомление, неравенство, отчужденность, загрязнение среды и др.) не являются результатом чьего-то злого умысла.

Христианские интеллектуалы для толкования непреднамеренного общественного зла использовали термин «греховная структура» – система, в которой никто не хочет творить зло, но зло все-таки совершается [3]. При таком истолковании непредумышленности поступков разделение ответственности и вины участников становится сложной проблемой. Во-первых, греховность в таких структурах может быть выявлена только *ex post* (после поступка). На начальной стадии процесса зло не поддается идентификации, оно выявляется только в результатах поступка. Во-вторых, в общественных системах, действующих согласно принципам разделения труда, сложно точно установить ответственность отдельного участника коллективных действий за совершенный поступок и выявить конкретного виновника. В общественных институтах и структурах на границах трансакций может зарождаться и существовать зло, которое нельзя приписать отдельному человеку. Такое зло истолковывалось древними иудеями как порожденное в серых зонах общественных взаимодействий и искупалось принесением ежегодных символических жертв. Для христиан, которые «не ведают, что творят», жертвой, искупившей грехи, стал распятый Христос [3]. Большинство монотеистических религий утверждают веру в то, что: а) зло всегда должно быть в подчиненном состоянии у добра⁵; б) принцип трансформации зла во благо оправдан; в) этическое поведение лежит в основе здоровой экономики.

⁴ Интерпретация идеи непреднамеренности поступков (неопределенности результатов поведения) предполагает наличие общественного «черного ящика» между поступком и его результатом: добрый поступок может обернуться злом, а злой (эгоистический) – добром, и наоборот.

⁵ В манихействе (дуалистическом учении о равной силе добра и зла) Бог и Сатана – это соперники/ противоположности, стоящие на одном онтологическом уровне. Блаженный Августин склонялся к мнению, что добро и зло не могут находиться на одном уровне.

Современный экономический мейнстрим отрицает идею о том, что улучшение морального климата выступает необходимым условием экономического роста. Западные экономисты переопределили свои интересы с вопросов нравственности как движущей силы человеческого поведения и логико-методологически свели/редуцировали человека во всей его сложности до уровня рационально действующего субъекта, оптимизирующего свою индивидуальную выгоду в пределах бюджетных ограничений.

4. В общественных науках существует пара конфликтующих ментальных моделей поведения индивидуума: «методологический индивидуализм» – «методологический холизм»⁶. Конфликт между личностью и обществом существует всегда: на Западе он решен в пользу личности; у нас – в пользу государства.

Главное положение *методологического индивидуализма* заключается в том, что единственным субъектом, осуществляющим действия, имеющим цели и интересы, формирующим намерения и планы, является человек/индивид. Концепция индивидуализма при исследовании поведения человека выдвигает на первое место такую ценность, как свобода выбора при принятии решений. Свобода выбора – это естественное право человека, от которого зависят его бытие и сознание и которое он не вымалывает и не оплачивает. Она определяется пространственно-временной ситуацией, в которой находится человек. При этом различают два типа поведения: действия по установленным формальным и неформальным правилам и поведение согласно ситуации. Эти типы поведения исследуют институционализм и ситуационный анализ. Свобода выбора дает возможность быть не похожим на других, познавать, оценивать и выразить себя.

Согласно основополагающему принципу *методологического холизма*, субъектами экономики являются не только физические, но также административные и юридические лица, т. е. относительно самостоятельные экономические системы. Под системой понимается устойчивая во времени и в пространстве часть окружающего мира, обладающая на данном этапе наблюдения свойствами внешнего единства, внутреннего многообразия и гносеологической целостности. Система считается экономической, если она участвует в процессах производства и потребления, а также в актах распределения и обмена экономическими благами.

Мировоззрение человека определяется тем, в какие интерпретации мира он верит. Ментальные модели влияют на поведение людей. Общественные науки формируют светские рациональные верования и пытаются описать, объяснить и нормировать окружающую действительность и поведение людей. Сегодня в науке существует несколько достаточно распространенных экономических теорий: неоклассическая, институциональная, системная и эволюционная. Каждая из них опирается на методологические положения, которые в значительной степени влияют на выводы, вытекающие из этих теорий. Выбор методологической позиции во многом определяется ожидаемыми результатами, которые стремится получить исследователь.

Российская правящая элита веками формировала поведение на подвластных территориях по образцам Византии и Орды. Варяжские дружины, господствовавшие на Руси, полгода собирали дань со славянских племен, а полгода проводили в Константинополе. Очевидно, что принятие Русью православия – это выбор правящей элиты. Русские князья присягнули хану Батю на верность, чем улучшили свое положение. Московское княжество было основано как улус Золотой орды в 1277 г., а после ее рас-

⁶ Холизм – философия целостности.

пада модель единовластия была унаследована на Руси. Власть московского князя в отношении населения и слуг была неограниченной. Только во времена правления Петра Великого дворянство России стало стесняться своих тюркских корней и получило доступ к западным технологиям. Российский император Николай II не хотел видеть конфликта между жизнью большей части населения (в деревнях несколько поколений жили под одной крышей, суд общины мог творить беззакония, только 20 % детей учились в школах и т. д.) и жизнью дворянства⁷. Царь считал себя охранителем/слугой, стоящим между Провидением и Народом. Люди в стране не жили, а прозябали в нищете, ни во что не верили, но император полагал любые перемены злом, не хотел защищать подданных от эксплуататоров и идти на уступки. Революция 1917 г. стала следствием двойной морали правящего класса в России⁸.

Сталин уничтожил интернационалистическое крыло партии, приверженное ценностям западной цивилизации, и создал «страну коллективов». Вождь был убежден, что принудительный труд может быть эффективным⁹. Личная ответственность и совесть были заменены коллективной моралью, которую формировала партия. Советскому социуму прививали не индивидуалистическое мировоззрение, а коллективный принудительный оптимизм – типичные мифы. Власть в России во все времена сочиняла утопии: Православие, Самодержавие, Народность. Разрыв в сознании элиты и основной массы населения всегда был огромным – в 1917 г. он выродился в большевистскую революцию. Власть в России не стремилась договариваться с гражданами, а главным средством понуждения к повиновению выступало манипулирование страхом подданных [11]. Людей проще принудить к требуемому поведению, если они мало обеспечены. Власть не заинтересована в повышении благосостояния отдельного гражданина, потому что сытые редко бывают послушными. Экономика дефицита выступает элементом системы вертикального управления. Иерархические формы организации развиваются из стремления к монополющей власти. Мы «бегаем» за государством, стоим в очередях (в поликлиниках, больницах, школах, банках и др.), чтобы отдать ему заработанные нами деньги, а если не можем или не успеваем, то к нам домой приходят судебные приставы.

5. Американский экономист, лауреат Нобелевской премии (1986 г.) «За исследование договорных и конституционных основ теории принятия экономических и политических решений» Джеймс Бьюкенен (1919–2013) объяснял, что политики и общественные организации в своих решениях руководствуются собственными интересами. Ученый, в отличие от сторонников традиционной концепции общественного выбора, считал, что основная цель политиков – получение максимального числа голосов на выборах, а государственных органов – увеличение числа своих сотрудников и укрепление власти. Бьюкенен исходил из следующих предпосылок [4]: а) методологичес-

⁷ Истоки двойной морали правящего класса пытался исследовать З. Фрейд в книге «Толкование сновидений».

⁸ В 2002 г. русская Православная церковь канонизировала членов семьи Николая II как святых мучеников.

⁹ Начиная с 1929 г. в стране была создана система труда заключенных, управляемая Главным управлением лагерей (ГУЛАГ). Система принуждения к труду была реализована в соответствии с идеей трудовых армий Л. Троцкого. В системе ГУЛАГа количество пищи, получаемой заключенным, определялось выполнением нормы выработки. Сегодня Президент республики Беларусь вводит налог на тунеядцев.

кий индивидуализм; б) концепция «экономического человека»; в) анализ политики как процесса обмена. В начале 1960-х гг. он называл экономику «наукой о рынках и институтах общества». Четкое определение прав индивидуумов создает предпосылки для эффективного функционирования рыночной экономики. Этические модели ученый разделил на три группы:

1. Модели, исследующие цену нарушения правил, – крайне либеральный подход, не оставляющий пространства для поведения, не направленного на извлечение пользы, от которого Бьюкенен дистанцируется.

2. Модели, в которых нравственность отталкивается от трансцендентальных норм, называемых августиновскими, – подход, объясняющий поступки, не направленные на получение выгоды.

3. Модель «просвещенного эгоизма», базирующегося на этике Дэвида Юма (распространение идеи рациональности Декарта: человек осознает последствия своих действий) – сдвиг от нравственного смысла поступка к пользе как единственной цели поступка. Если основоположник этики утилитаризма Джон Стюарт Милль выстроил модель исходя из максимизации общего блага, то сегодня среди экономистов господствует этика, основанная на принципе максимизации индивидуальной полезности.

Современные либеральные экономисты полагают, что провалы государства – это случаи, когда государство не в состоянии обеспечить эффективное распределение и использование общественных ресурсов. К причинам провалов они относят: а) ограниченность информации, необходимой для принятия решений; наличие мощных групп с особыми интересами; активное лобби мощного бюрократического аппарата, которое приводит к существенному искажению имеющейся информации; б) несовершенство политического процесса (рациональное незнание, поиск политической ренты, лоббизм и др.); в) ограниченность контроля за бюрократией; г) неспособность государства предусмотреть и контролировать ближайшие и отдаленные последствия принятых решений.

Цели, средства и основания принуждения к алгоритмам поведения

Алгоритм¹⁰ человеческого поведения основан на механизме самоконтроля, который состоит из контролируемой и эталонной составляющих поведения и операции их сличения. Если указанные составляющие соответствуют друг другу, то поведение повторяется. Если контролируемая составляющая поведения не соответствует эталонной/запланированной, то осуществляется выбор последовательности действий, необходимых для достижения удовлетворительных результатов. Стандартное (нормативное, типовое, рутинное) поведение индивидуума в привычных условиях осуществляется в значительной степени автоматически, что позволяет экономить психическую энергию.

Под принуждением к алгоритму поведения будем понимать: а) назначение контролируемой и эталонной составляющих поведения не самим человеком, а кем-то другим; б) установление правил сличения и контроля указанных составляющих не самим

¹⁰ Алгоритм – набор инструкций, описывающих порядок/последовательность действий исполнителя для достижения некоторого результата. Действия, осуществляемые в произвольном порядке, будем называть спонтанным поведением. Ученые применяют термин алгоритм к математическим процедурам. Мы используем его, чтобы подчеркнуть современную тенденцию западной цивилизации заменить человека машиной-автоматом.

индивидуумом, а кем-то другим. Следствием указанных процедур выступает подавление личности. Человека лишают возможности самостоятельно решать свои проблемы, а его ответственность за личную ситуацию переходит на другого. Принуждение индивидуума к поведению подменяет самоконтроль и саморегуляцию поведения его регулированием/манипулированием поведением извне [7].

Легкая дебильность – самая легкая форма умственной отсталости, характеризующаяся значительным снижением способности к абстрактному мышлению при сохранении моторики. Типичными признаками этой формы нервной болезни выступают: безынициативность, легкая внушаемость, недоразвитие нравственных и волевых качеств, невозможность построения сложных умозаключений, затруднение в улавливании внутренних связей между предметами и событиями. Психиатры полагают, что люди с таким отклонением от нормы лучше других исполняют рутинные монотонные виды деятельности, редко ошибаются и никогда не отступают от предписанных инструкций.

Можно предположить, что принуждение к алгоритмам поведения берет свое начало в древности. Целью поведения согласно алгоритму выступает уменьшение неопределенности и получение удовлетворительных результатов деятельности. Положительный и отрицательный опыт/знание людей воплощался в результативные рутинные практики. В эпоху капитализма концепция принуждения к алгоритмам поведения на рабочем месте уступила место концепции поведения согласно принятым обязательствам, что позволяет индивидуумам реализовать свое право на договорные отношения. Вместе с тем, из-за различных переговорных возможностей сторон договора можно допустить, что принуждение сохраняется и при договорной форме человеческих коммуникаций.

В эпоху государственно-монополистического капитализма был реализован союз между государственной бюрократией и частным капиталом. Такое сотрудничество позволило распространить алгоритмизацию поведения за пределы рабочих мест и превратить многие виды нерыночной деятельности в рыночную [6].

Известный словенский философ фрейд-марксистского толка, противник современной леволиберальной постмодернистской академической среды (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ю. Хамбернас) Славой Жижек (р. 1949) утверждает:

1. Человек нуждается в объекте поклонения/служения. Чтобы быть полноценной личностью, ему необходим Большой другой. Большой другой – это то, в чем прописано нечто, формирующее наше положение, и то, чему можно исповедоваться, когда никто не хочет тебя выслушать. В разные исторические периоды Большой другой имел различные имена: Бог, История (эволюция), Судьба (тайный порядок вещей, придающий смысл нашим действиям), Народ, Существующий высший порядок, который следует исполнять, Прогресс (рост полезностей).

2. Большой другой – воображаемый ориентир, воплощающий множество страхов человека (перед природой, другим человеком и т. д.) в одном интегральном страхе. Большой другой – это рамка, через которую человек видит мир, защиту, спасение и регулирует свои страхи, удовольствия и желания.

В современных капиталистических обществах роль Большого другого исполняет государственная власть. Правящая элита и ее лидеры позиционируют себя в качестве Слуги, действующего от лица и согласно воле Большого другого. Они стремятся убедить подданных в том, что принятые решения по ограничению свободы индивидуумов осуществляются по собственному желанию последних, т. е. Большого другого, названного Народом. Инструментами, воплощающими содержание власти, выступают идеология и бюрократия.

Господствующая идеология (господствующее определяющее) – это средство убеждения, формирования веры в ценности (справедливость и стабильность) существующего порядка – рамка, через которую мы видим/интерпретируем окружающий мир. Идеология подкупает нас ценностями (свобода, равенство, солидарность и др.), стремится заманить в свою систему. Господствующая идеология всегда старается выделить и заклеить противную ей систему ценностей и создать образ врага – объект сопротивления и одновременно – основание для укрепления существующего порядка.

Идеология всегда искажает истинную картину мира. Люди не знают, чего они хотят, или не хотят того, что они знают. Люди нуждаются в том, чтобы им показывали, чего они должны желать. Фантазии дают ответ на то, чего мы не способны понять в реальности. Воображая желания других, идеологии настаивают на спасении жертв несправедливости. Спасение жертв выступает как основание для насилия – грубого вмешательства в реальность и бессилия из-за непонимания того, что происходит на самом деле. В результате реализации идеологии возникает парадокс – противоречие, существенное для политиков и чиновников: жертвы сопротивляются попыткам их насильственного спасения. Фантазия/ложь необходима для поддержания порядка, если о ней узнают – общество развалится. Правда слишком тяжела для большинства и ее следует дополнить выдумкой. Например, сегодня даже самая демократичная власть исподволь внушает идею своего господства и могущества: мы можем делать с вами все, что угодно, поскольку это нужно.

Бюрократия – это средство принуждения к господствующему порядку в общности, которым стремится управлять власть. Можно выделить следующие принципы рациональности безличных бюрократических технологий:

- строго упорядоченная нейтральность, свободная от оценочных суждений;
- безразличие, согласно которому правила для всех одинаковы и перед законом все равны. Нарушение этого принципа выступает источником административной ренты;
- регулярность и предсказуемость процедур, их механизация, стандартизация и рутинизация;
- прозрачность, ясность и доступность административных правил. Нарушение этого принципа (сокрытие информации, сложные и противоречивые правила) выступает источником административной власти и ренты.

На практике следование перечисленным принципам не устраняет произвола личной власти. Способность пренебрегать правилами в особых случаях перемещается на другой уровень иерархии. Реформы, направленные против персональной власти, могут потребовать еще большего числа прозрачных предписаний того, что следует делать, однако не способны поставить под контроль личную власть.

Распространение перечисленных принципов в управлении человеческой деятельностью предотвращает произвольное, непредсказуемое насилие и расценивается как разновидность свободы. Стремление искоренить личную власть с помощью правил разрушает возможность вмешательства человека в процесс бумаготворчества и решения его насущных проблем. Чем шире коллектив участников организованных действий, тем более формальные бюрократические технологии приходится создавать. Когда численность объединения растет, появляются неформальные сообщества, группы друзей и союзников, которые стремятся контролировать информацию, бороться за власть над коллективом и устанавливать свои законы. Формированию неформальных невидимых властных структур можно препятствовать: а) путем их институционализации – превращения в легитимные, регулируемые и подотчетные прозрачные структуры с офи-

циальным статусом, правами и обязанностями; б) с помощью авторитарных мер – подавления чрезмерного сосредоточения власти у неформальных сообществ. Полагают, что авторитаризм может устранить теневое управление формальными структурами.

В демократических обществах институционализм рассматривает свободу как способность выразить все формы власти в виде набора формальных и прозрачных правил. В авторитарном обществе потенциал свободы определяют произвольные решения правителя. Оба подхода к формированию властных структур содержат логический парадокс: власть не способна себя генерировать и контролировать; базовые законы могут возникнуть и меняться извне – из незаконной деятельности. Правила на основе насилия выступают как средство контроля над насилием. Любая попытка устранить структурные проблемы общества является формой насилия, которое пытаются свести к минимуму.

В Западной Европе и США последние 200 лет господствует бюрократизированное представление о свободе, вера в рациональность, согласно которой люди, действующие по правилам, способны победить. Бюрократия выступает ключевым средством, использование которого ведет к росту неравенства, а предписания сковывают свободу, науку, страсть и творчество [5].

Бюрократии воплощают на практике процессы социализации и институционализации в обществе, необходимые для интеграции, специализации и организации кооперативного поведения индивидуумов. Бюрократические иерархии препятствуют спонтанному поведению: унифицируя, стандартизируя, нормируя, оценивая и контролируя действия людей, они принуждают человека к свободе. Принципам бюрократической власти противостоят принципы суверенной власти, при которой правитель претендует на монопольное использование легитимного насилия на определенной территории.

Личная власть харизматичного правителя основана на мифах о войне и благородном воине. Только при отсутствии физической безопасности такая власть признается подданными легитимной. Подданные авторитарных режимов полагают, что жертвуют свободой ради безопасности /стабильности. Беспристрастный отправитель правосудия, которого невозможно подкупить, должен иметь право пренебрегать законами и делать, что захочет, т. е. обладать трансцендентным суверенитетом. В системе произвольной/неопределенной власти решения отражают волю правителя. Вместе с тем люди свободны, только если несвободен правитель, а могущественные элиты соблюдают прозрачные и единые для всех правила. Харизматичная власть, которая не обновляется, развращается и дряхлеет.

Формированию отношения к человеку как к механизму способствует экономическая наука, стремящаяся быть похожей на естественные науки.

Американский антрополог Дэвид Гребер (р. 1961) утверждает, что в 1970-х гг. произошел масштабный переход к инвестированию в технологии, предназначенные для укрепления трудовой дисциплины и контроля над обществом [5]. Новые технологии не должны подрывать авторитет существующих властных структур, поэтому вопрос о соотношении технологий и социальных изменений¹¹ приобретает первостепенное значение.

¹¹ Технологии ведут человечество к излому и трансформации. Получение людей из пробирки и донорство спермы и яйцеклеток разрушают идею материнства. Система ценностей, которая принуждала откладывать свои удовольствия и страховать свое будущее, уничтожается. Информационные технологии, автоматизация и роботы разрушают идентичность рабочего класса и рабочие места.

На Западе ориентация делового мира на финансовые результаты хозяйственной деятельности¹² привела к долговой кабале рабочих, разрушению солидарности социально значимого класса и уничтожению традиционных гарантий занятости. В США реформы 1980-х гг. уничтожили гарантии пожизненной занятости и защиты работников от произвола работодателей, создали условия для систематического унижения исполнителей руководителями. Подавлению организованного сопротивления и атомизации рабочего класса способствовали следующие процессы: а) крах Советского Союза и триумф неолиберального капитализма. Снижение советской угрозы позволило пересмотреть приоритеты НИОКР и перенаправить ресурсы так, чтобы устранить завоевания, которых в 1940–1970 гг. добились социальные движения¹³, и одержать победу в глобальной классовой войне [5]; б) распространение информационных технологий в производстве и административно-командном управлении. Исследователи в США переключились с материальных сущностей (энергия, космос) на сферу сознания человека и коллективов, определяющую их поведение. Управленческое мировоззрение победило творческое и устранило любые возможности непредсказуемого сопротивления опасных классов существующим властям.

Произошла подмена целей развития средствами их реализации: административные методы превратились из средств в цель изменений. Обмен бумагами в обществе многократно увеличился. Для получения «доступа» к существованию требуется все больше бюрократических процедур (аттестация, аккредитация, лицензирование, рейтинги и др.). В университетах США даже самые успешные ученые тратят около 40 % своего времени на бумажную работу [5].

В нисходящей фазе четвертого кондратьевского цикла капитал, технологии и институты развивались в направлении подавления организованного сопротивления общества властью капиталистической элиты. Демократический контроль за потенциально разрушительными технологиями на практике оборачивается бюрократическим надзором. Политические проблемы всегда решаются административными способами, поэтому большинство обвинений направлено в адрес чиновников, а не политиков. В результате такой деятельности: а) существенно усилилось неравенство; б) нравственность/духовность и рациональность превратились в противоположности [6].

В XX в. привилегированное положение среди интерпретаторов реальности заняли экономисты. Социологи, политологи, юристы, психологи и философы в значительно меньшей степени претендуют на роль предсказателей будущего, чем экономис-

¹² Ценности компаний реального сектора экономики сместились от производства вещей к производству денег и совпали с критериями денежно-кредитного сегмента экономики.

¹³ В Европе большинство институтов, которые позднее стали называть социальным государством, были созданы не сверху – правительствами, а снизу – профсоюзами, ассоциациями, кооперативами, рабочими движениями и другими общественными организациями. Канцлер Германии Отто фон Бисмарк (1815–1898) устранил демократические элементы социалистической программы и создал «сверху» иерархическую альтернативу процессу построения социализма «снизу». Он включил в административную структуру государства рабочие образовательные центры, поликлиники, бесплатные школы и страховые товарищества. Германская почтовая система была первым хозяйством, организованным как государственно-капиталистическая монополия. Устройство Советского Союза было копией с организации германской почтовой службы.

ты, формирующие своими пророчествами спрос. Экономические теории – это набор по-научному изложенных рассказов, содержащих продукты воображения. Ни одна из экономических моделей не может быть применимой для всех ситуаций, с которыми сталкивается человек. Реальные ситуации требуют разнообразных и противоречащих друг другу представлений о самих себе и о мире. Новые версии событий (истории хорошей жизни) вытесняют либо искажают предыдущие гипотезы. Неоклассическая экономическая теория, абстрагируясь от окружающей среды, стремится объяснить человеческое поведение одним принципом – максимизацией полезности. Оптимизация на основе анализа предельных величин подменяет эмпирическое содержание среды. Трудовая теория стоимости К. Маркса позволяет утверждать, что максимизация полезности любой ценой отрицает гуманность, унижает индивидуума, обостряет противостояние между членами общества и выступает источником кризисов [6].

Идеи экономических школ целесообразно использовать в зависимости от их соответствия рассматриваемым вопросам, а также их пригодности в конкретной ситуации. Марксистский анализ лучше, чем маржинализм, позволяет раскрыть проблему растущего неравенства. Маржинализм упорно стремится исключить из поля исследования вопросы добра и зла и вообще исключить этику из хозяйственной практики. Маржиналисты игнорируют вопросы справедливого распределения богатства, оставляя эту проблему политикам и чиновникам. Неоклассическая экономика понимает труд как сырье для производственной функции, а человека – как робота. Попытки свести к ценам все виды ценностей и исключить области, где человек действует бескорыстно, приводят к разрушительным последствиям. Вместе с тем на Западе преподают исключительно неоклассическую экономику, а альтернативные подходы расценивают как ересь.

Критика существующих социально-экономических порядков отталкивается от утопической идеи о возможности создать осмысленное и нравственное общество. Политики изобретают доктринальный расплывчатый идеологический нарратив (господствующее определяющее), удовлетворяющий критериям как рациональности, так и духовности. Правящий класс старается создать привлекательные образы и навязать поданным свои представления о гуманности и эффективном порядке. Реализация подобных проектов предполагает наличие правового бюрократического общественного порядка, позволяющего воплотить две противоречивые цели: духовность и рациональность, чистое неодушевленное мышление, свободное от эмоций¹⁴. Каждая из этих практик определяется как нечто, чем другая практика не является: презрение к материальному благополучию или отсутствие сочувствия и сострадания. Представители общественных наук заняты поиском путей примирения/соединения этих противоположностей. В прошлом эту проблему безуспешно пытались решить философы и богословы¹⁵.

¹⁴ Когнитивные психологи утверждают, что чистое объективное мышление (логика) не существует, без эмоций человек не способен творчески мыслить. Среди ученых нет согласия относительно понятия рациональность. С одной стороны, термин может означать логику чистого мышления, с другой – прагматический результат деятельности.

¹⁵ В воображаемой небесной иерархии христиан по мере приближения к Богу рациональность возрастает. Образцом для ранних христиан могла служить бюрократия Древнего Рима.

Новое приходит в жизнь из сферы эмоций, а не разума. Благодаря вдохновению рождаются новые идеи, взгляды, новые прогрессивные методы. Позже новаторский метод в руках преемников превращается в рациональную практику – рутинное поведение. Поведение по правилам и эмоциональное поведение трудно поместить в один контекст/систему.

Последствия принуждения к алгоритмам поведения

К общим последствиям принуждения к поведению согласно алгоритму, установленному для индивидуума кем-то другим, относятся: а) разрушение форм коллективного поведения, основанного на договорах между его участниками, атомизация и снижение силы организованного сопротивления трудящихся; б) отчужденность, унижение и подавление эмоций, креативных инновационных возможностей исполнителей, превращение их в автоматы; в) падение авторитета как системы принуждения в целом, так и ее представителей, уход поднадзорных в серый сектор экономики и другие формы сопротивления насилию; г) подавление худшими лучших на всех уровнях общественной иерархии и постоянное снижение общего уровня интеллектуального развития (однообразное поведение не способствует усвоению личностью многообразных картин и смыслов существования).

Следствием принуждения к алгоритмам поведения выступает уничтожение права индивида на выбор действий¹⁶. Предполагается, что действие согласно алгоритму увеличит эффективность/результативность/полезность деятельности. Ради этой цели жертвуют свободой индивида. Непреднамеренным следствием «исчезновения» свободы выбора индивидуума является противоречие: средство реализации требуемой цели (принуждение) действует против самой цели (получение наивысшей пользы). Насилие активизирует сопротивление: люди, которых принуждают при любой возможности, симулируют поведение¹⁷ по предписанным алгоритмам, что препятствует реализации цели, ради которой осуществляется насилие. Издержки на надзор и принуждение увеличиваются, что также препятствует получению выгоды. За указанное непреднамеренное последствие насилия в высокоспециализированном обществе никто не несет ответственности, так как установить конкретного виновника противоречия не удастся. Вместе с тем Большой другой требует жертвы за нанесенный ущерб, разочарование и неисполнение ожиданий. В таких случаях жертву назначают и наказывают.

Модель надзора за поведением предполагает максимизацию пользы от деятельности для принципала, устанавливающего для агента порядок действий. В модели «принципал – агент» принципал вынужден оставлять надзорному органу часть принадлежащей ему ренты для предотвращения незаконных сговоров в цепочке принципал – надзорный орган – действующий агент. Плата надзорному органу должна превышать интерес в сговоре между агентом и органом надзора (без учета трансакционных издержек для его реализации). Трансакционные издержки сговора отражают риск агента быть

¹⁶ Действия в строго установленном порядке (согласно алгоритму общей логики) находятся в конфликте с действиями по ситуации (согласно ситуационной логике). Каждая ситуация требует применения размытых правил, не совместимых с действиями по алгоритму.

¹⁷ Существуют и другие формы сопротивления принуждению: приверженность утопии (бег в колесе), уход в архаику, отрешение (уход в философию, мистику, чистую науку), преобразование (уход в религию).

пойманным. Чем ниже такие издержки, тем меньше ожидаемые выгоды для принципала. Интерес в сговоре о нарушении агентом установленных действий – это рента, остающаяся у агента при сокрытии надзорным органом информации о его поведении. Когда трансакционные издержки, необходимые для реализации сговора, велики, интерес в сговоре снижается¹⁸. Условие эффективного для принципала надзора за соблюдением установленного для агента алгоритма можно представить следующим образом:

$$\begin{array}{l} \text{Ожидаемые для} \\ \text{принципала выгоды} \\ \text{от надзора} \end{array} + \begin{array}{l} \text{Ожидаемые трансакционные} \\ \text{издержки агента для организации} \\ \text{сговора с органом надзора} \end{array} \geq \begin{array}{l} \text{Платежи} \\ \text{надзорному} \\ \text{органу.} \end{array}$$

В рамках логики взаимоотношений в модели «принципал – агент» существуют три направления, по которым может действовать принципал, используя надзор для защиты своей ренты:

- применять систему стимулирующих платежей органу, осуществляющему надзор за поведением агента;
- уменьшить размер интереса (премии) для агента от организации сговора с органом надзора;
- увеличить трансакционные издержки, требуемые для организации сговора [10].

В развитых странах повысить результативность деятельности стремятся с помощью механизации, автоматизации и роботов. Данному направлению развития социума препятствуют проблемы сокращения занятости и покупательского спроса. В странах с дешевой рабочей силой и недостаточным инвестированием повысить результативность пытаются за счет алгоритмизации поведения.

Из рассмотренной модели надзора следует: если в качестве агента действий согласно алгоритму выступает лицо с легкой формой дебилизма, то затраты на надзор будут существенно ниже, поскольку такое лицо не способно осознать свой интерес и выступать инициатором в сговоре с органом надзора. С другой стороны, такие агенты действий не способны защищать принадлежащую им ренту и сопротивляться принципалу и надзорным органам. Принуждение человека с нормальной психикой к поведению согласно алгоритмам, установленным извне в концепции методологического индивидуализма, не является гуманным и легитимным.

Рассмотрим последствия процессов принуждения к алгоритмизации в высших учебных заведениях.

Принуждение к алгоритмам в высшем образовании

В области высшего образования происходит процесс подчинения образовательной деятельности государственным стандартам, включающим указания по применению принципов менеджмента качества, содержащихся в ГОСТ Р ИСО 9000. Проблемы результативности управления образованием людей пытаются решить, используя стандарты и показатели оценки, предназначенные для обеспечения качества продуктов

¹⁸ Читатель может самостоятельно порассуждать о логике захвата органом надзора (кто кого захватывает), переобозначив участников в модели надзора (Большой другой, чиновничество, индивидуум, коллектив) и трансакционные издержки (откаты, взятки, вознаграждения).

и услуг. Подобный неэтичный/аморальный инструментализм может быть обоснован исключительно в рамках концепции методологического холизма.

Суть политики в сфере управления высшим образованием чиновники сводят к усилению контроля за вузами посредством отчетов, ранжирования и индексирования. Попытаемся показать, что использование затратных безличных алгоритмов/регламентов, имитирующих конкурентный естественный отбор среди вузов в неконкурентной иерархической среде, не может улучшить качество подготовки студентов и действует в направлении перераспределения ренты от профессиональной бюрократии (ученых, педагогов) к механической (руководителям, служащим).

Переход от принципа доверия к людям к принципу доверия к правилам усилился после революции в информационных технологиях. Распространилось убеждение, что многообразие практик поведения может быть поставлено под контроль и подчинено контролируемому универсальному шаблону. Рассуждения по аксиоматическим правилам приближают экономику и управление к точным наукам и повышают их престиж. Например, большинство экономистов США до настоящего времени игнорируют альтернативный аксиоматическому подходу анализ по аналогии, т. е. на примерах.

Активизация практик измерения и оценки значимости результатов исследований и отдельных ученых началась, когда информационные технологии позволили обрабатывать большие объемы информации. В начале 2000-х гг. в нашей стране усилился интерес к наукометрии. Начиная с 2007 г., когда стартовали национальные проекты масштабных административных реформ в образовании и науке, активизировалось использование средств обеспечения прозрачности и подотчетности: бюджетирование, ориентированное на результат, ранжирование, индексирование и др. Нам представляется, что переход на безличные правила взамен коммуникаций «лицом к лицу» – это наивная попытка сделать из русских европейцев с помощью нерусских технологий и институтов.

Рассмотрим основные понятия, характеризующие содержание и логику контроля за поведением индивидуумов:

прозрачность – условие, необходимое для структурирования свойств объекта при его наблюдении извне;

подотчетность – средство отображения объекта в виде его качественных характеристик, представленных в отчете (отчет можно считать моделью реального объекта).

Ранжирование качества объектов на основе количественных характеристик их свойств, присутствующих в отчетах, позволяет осуществлять мониторинг и управлять объектами на расстоянии. Руководители верхних уровней получают из отчетов представление о происходящем на нижних уровнях.

Выделим проблемы, сопутствующие расширению контроля за вузами согласно единым алгоритмам.

Во-первых, возникает проблема эффективной репрезентации: в отчете реальность подменяется репрезентацией (картой, картиной, контекстом, фреймом и др.). Реальность отображается как регулятивное, а не предметное понятие. Существуют серьезные основания для сомнений в соответствии реальности такой упрощенной (и за счет этого контролируемой) картины. Из моделей-отчетов в лучшем случае можно сделать случайные или неполные выводы о вузе, наиболее вероятны неверные заключения. Отчетность подменяет многообразие типологией – искусственным миром оценок, предназначенных для управления и идеализирующих ложные предпосылки.

Во-вторых, эмпирической базой моделей объекта управления выступает информация, содержащаяся в документах. Процедура контроля предполагает сопоставление количественного образа объекта с эталоном. С одной стороны, из-за желания хорошо выглядеть перед проверяющими в отчетность включают недостоверные сведения. Наличие противоположных интересов у поднадзорных и контролеров увеличивает разрыв между реальностью и ее отображением – ведь отчеты должны демонстрировать положительную динамику развития вуза. Через непродолжительный отрезок времени содержание отчета превращается в симулякр¹⁹ реального объекта. С другой стороны, эталон – теоретическая модель для ранжирования вузов – формируется сверху интуитивными регулятивными, а не предметными понятиями. Моделирование вводит предпосылки, с помощью которых контролер может эффективно контролировать среду. Нереалистичные предпосылки в модели необходимы для целей управления. К таким предпосылкам можно отнести утверждения: компетенции имеют приоритет перед знаниями; компетенции могут быть удовлетворительно представлены в рабочих программах; рабочие программы отражают содержание аудиторных занятий; вузы способны обеспечить мотивацию студентов к качественному обучению и др.

В-третьих, оценка на базе всеобщего рейтинга означает утрату профессиональной автономии и доверия внутри вузовского сообщества. Взаимная оценка результатов образовательной деятельности осуществляется теперь не самими преподавателями, а внешним субъектом. Позиция преподавателя определяется на основании сведений, представленных в отчете: индексы цитирования, количество научных работ, объем финансирования и др. Содержательная деятельность педагога и воспитателя отодвигается на второй план. Смещение ориентиров под давлением оценок, осуществляемых извне, разрушает профессиональные оценки и изменяет практики. Доверие руководителей к преподавателям снижается, профессионалы не участвуют в обсуждении форматов отчетов-моделей, отражающих результаты их труда. Засилие формализма рождает у исполнителей недоверие к декларируемым целям контроля. Раскрытие информации рассматривается поднадзорными как дополнительный риск потери ренты [12].

В-четвертых, отчет по утвержденным нормативам и регламентам смещает приоритеты образовательного процесса от качества знаний студентов к качеству внутренних регламентов. Контроль качества знаний замещается административным контролем качества системы управления качеством и представления результатов/отчетов.

Анализ содержания контроля над вузами позволяет предположить, что власть в вузах переходит от профессиональной бюрократии к механической. Процессы труда профессионалов слишком сложны, чтобы аналитики могли их анализировать, их нелегко измерить и выстроить на основе формализации действий. Взаимоотношения профессионалов предполагают высокую степень автономии и следование собственным стан-

¹⁹ Симулякр – копия, оригинал, который уже исчез. Концепция симуляции французского социолога Жана Бодрийяра (1929–2007) раскрывает виртуальный характер современной реальности. Массовое высшее образование направлено на воспроизводство знаков – символов знаний (аттестаций, аккредитаций, лицензий, дипломов и др.). В мире, где доминирует симуляционное поведение управляющих и управляемых, знаки, вещи и действия освобождаются от своих идей и концепций для бесконечного самовоспроизводства. Например, симулякром профессиональных знаний, соответствующих ученой степени, выступает диплом о наличии такой степени, если он получен в обмен на деньги и выступает в виде товара.

дартам поведения. В профессиональной организации главной задачей является диагноз – точная оценка существующей ситуации. Механическая бюрократия – это структура, одержимая контролем: руководство не доверяет подчиненным, если те наглядно не демонстрируют выполнение заданий; подозрительно относится ко всему, что ему не подконтрольно [13].

Следование установленным сверху рутинным правилам снимает с исполнителя ответственность за результат его деятельности. Универсальный безличный регламент оценок, навязанный механической бюрократией извне, дистанцирует потребителя и исполнителя образовательных услуг. Механические бюрократии формируются в сфере массового производства, однообразной операционной деятельности. Ошибочно полагать, что механические формы организации и контроля способны решать содержательные задачи, стоящие перед отечественной высшей школой. Вероятнее всего, примитивные структуры пытаются снизить сложность управляемой профессиональной образовательной среды до уровня понимания чиновников. Ради этой цели бюрократии, обладающие легитимной властью, уничтожают многообразие и индивидуальность и недопустимо вульгарно упрощают реальную картину, используя стандартные процедуры оценки вузов.

Представление результатов отражает контроль контроля за исполнением нормативов и регламентов. Решения о том, на какие основания опирается модель-отчет, остаются за рамками научных аргументов и находятся в сфере идеологии и политики.

В-пятых, принятая модель управления вузом не обеспечивает соответствия целей (эффективность) и средств их реализации (универсальные правила, рейтинги и пр.). В истории многие высокие цели не были достигнуты из-за неадекватных способов их реализации. Инструментализм чреват внутренними противоречиями. Наличие противоположных подходов к работе профессионалов и непрофессиональной иерархии вызывает конфликты между операторами и администраторами. В недемократической среде эти конфликты до времени скрыты и содержат в себе источник будущих кризисов и изменений.

Выдвинутая нами гипотеза о несоответствии стимулов к эффективности и форм организации контроля в высшей школе эмпирически может быть подтверждена:

- низкой долей вознаграждения за профессиональную деятельность в составе операционного ядра и высокой долей вознаграждения высших администраторов вуза в общем объеме вознаграждения работников вуза;
- широким распространением ученых степеней и званий среди администраторов, принимающих незначительное участие в содержательной (не инструментальной) деятельности вузов;
- распространением формальных количественных критериев при оценке эффективности деятельности вузов и их мониторинге, слабо отражающих образовательный процесс и его результаты. Правительство (дивизиональная форма организации) и министерства (механические бюрократии) стремятся использовать понятные им нормы и правила для контроля профессиональных бюрократий;
- снижением профессиональных требований к студентам и преподавателям и неудовлетворительным уровнем их знаний.

Процесс замены рационального авторитета, основанного на профессионализме, фиктивным авторитетом административных должностей является следствием захвата механическими бюрократиями сфер, принадлежащих другим организационным конфигурациям. При таких замещениях фиктивная бумажная реальность отодвигает под-

линную реальность, которую все труднее понимать и оценивать. В результате явления, не подлежащие сомнению для большинства людей, на самом деле представляют собой иллюзии, возникающие под воздействием новых норм и правил, насаждаемых механической бюрократией. Вера в авторитет решения, для которого нет рационального доказательства, освобождает человека от необходимости мыслить самостоятельно и дает ложное ощущение надежности; она отличается от рациональной веры, основанной на собственной позиции, профессиональном знании и убежденности.

В ситуации с образованием, как и в других случаях, когда люди лишены инсайдерской информации о намерениях регуляторов, исполнители могут лишь догадываться о подлинной, а не декларируемой цели изменений. Можно допустить, что рассмотренное нами несоответствие существующих и новых норм и правил, координирующих деятельность вузов, намеренно допускается регуляторами, чтобы через кризисные процессы изменить систему: заменить руководство большинства вузов; использовать в качестве центров роста ограниченное число элитарных вузов; оставить небольшое количество ученых советов и формировать их из числа тех, кто публикуется на Западе; приглашать известных ученых из-за границы; ограничить сверхдоступность образовательных услуг и повысить их качество (сегодня вузы принимают 85 % выпускников школ, в СССР – 20 %). Механические методы, с помощью которых сегодня стремятся изменить систему образования, многократно увеличивают риск уничтожения существующей профессиональной бюрократии.

Совмещение целей и средств их реализации может быть успешным, если в диалоге сторон установлены подлинные мотивы и выбраны действенные стимулы деятельности организации. Ошибки регуляторов изменений заключаются в выборе и продвижении малоэффективных мотивационных механизмов, не способных стимулировать воплощение целей, стоящих перед организациями.

Отмеченные нами противоречия, сопровождающие организационные изменения, выступают следствием попыток согласовать две противоположные институциональные системы хозяйственной жизни и взаимоотношений человека и государства – рыночную и раздаточную экономику. Каждая из экономик квазирыночных отношений стремится закрепиться в сознании и общественных ценностях поколений.

Рассмотренные проблемы, сопутствующие концентрации надзора за вузами, соответствуют контексту наблюдаемых глобальных изменений. Усиление контроля за деятельностью вузов – один из элементов новой расширяющейся искусственной среды массового существования людей. Мы живем во времена «новой нормальности» – будущего, которое уже наступило, но мы этого не заметили. Характерными чертами «новой нормальности» выступают следующие процессы:

1. Распространение симулякров сопровождается утратой доверия одних членов общества к другим. Недоверие препятствует организации добровольного кооперативного поведения, способного обеспечивать долгосрочные устойчивые результаты.

2. Деинтеллектуализация (отупение, ухудшение вкуса, дебилизация) и ориентация на маргиналов. Система пожирает не похожего на всех мыслящего человека, и интеллект воспроизводится с большим трудом. Наблюдается движение в архаику и принуждение творческого человека работать по стандартам невежд. Эмансипация слабых представляет угрозу существованию вида. Новое внедряется с огромным трудом, парадигма доверия к людям сменилась парадигмой доверия к безличным правилам.

3. Оценки на основе опросов электората и экспертов представляют ненадежную базу данных для принятия решений по правилам. Мы живем в виртуальном мире слов

и образов, за которые никто не отвечает. Утверждения, полученные из рассуждений на основе аксиоматических правил, претендуют на универсальность и простоту, но проигрывают в точности отображения исследуемых процессов. Например, нам говорят, что образование выступает причиной богатства, а факты свидетельствуют о том, что образование есть следствие богатства.

4. Расширение опциональности – способности отказаться от выполнения принятых обязательств и выиграть за чужой счет. В России государство никогда не возмещало ущерба тем, кто проиграл в результате изменений. Такая тенденция существенно ослабляет устойчивость общества к изменениям.

5. Разложение демократий, поскольку богатые «покупают» политические меры, которые им выгодны, а владельцы собственности получают преимущества по отношению к работающим. Бывшие предприниматели превратились в рантье, стригущих купоны, а собственность, передаваемая по наследству, играет ключевую роль – богатство концентрируется в верхних эшелонах общества, что усиливает неравенство.

Перечисленные особенности глобальных изменений не следует рассматривать как исключительно отрицательные явления. Они могут быть истолкованы как попытки надломленной цивилизации отсрочить меры по прямому принуждению к изменению порядка.

Способам поведения, навязываемым моделями, сопротивляется реальность: в демократических обществах все больше людей симулируют. Цель чиновников – упрощение реальности до уровня их собственного понимания – не реализуется. Содержание постмодернизма сводится к тому, что объект и субъект управления симулируют рациональное (логичное) поведение и свободу. Общественная система выходит за свои пределы: накоплено столько вещей, что их не успевают использовать; написано столько текстов, что они никогда не будут прочитаны – люди утратили подлинность и желание знать.

Список литературы

1. *Жижек, С.* Устройство разрыва. Параллаксное видение / С. Жижек. – М.: Европа, 2008.
2. *Жижек, С.* Чума фантазий / С. Жижек. – М.: Гуманитарный центр, 2012.
3. *Седлачек, Т.* Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит / Т. Седлачек. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
4. *Бьюкенен, Дж. М.* Сочинения. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы / Дж. М. Бьюкенен. – Т.1. Фонд экономической инициативы. – М.: Таурис Альфа, 1997.
5. *Гребер, Д.* Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии / Д. Гребер. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
6. *Сироткин, В. Б.* Трансформация западного капитализма: заключения маржинализма и трудовой теории стоимости / В. Б. Сироткин // *Экономическое возрождение России.* – 2017. – №2 (52). – С. 65–79.
7. *Сироткин, В. Б.* Формирование поведения: символическая среда и средства коммуникации / В. Б. Сироткин // *Экономическое возрождение России.* – 2016. – №4 (50). – С. 46–58.
8. *Сироткин, В. Б.* Укрепление доверия в обществе: сопротивление распространению симулякров / В. Б. Сироткин // *Экономическое возрождение России.* – 2017. – №1 (51). – С. 96–109.

9. *Сироткин, В. Б.* Изменение подотчетности вузов: контроль за симулякром / В. Б. Сироткин // *Актуальные проблемы экономики и управления: научный журнал.* – Вып. 4 (12). – СПб.: ГУАП, 2016. – С. 116–120.

10. *Сироткин, В. Б.* Теории организации: принципы, единицы анализа и ключевые атрибуты / В. Б. Сироткин. – СПб.: ГУАП, 2013. – С. 164–166.

11. *Водолеев, Г. С.* Практики казарменного социализма / Г. С. Водолеев. – СПб.: ООО «ИПК Коста», 2008.

12. *Сироткин, В. Б.* Генерация рент в высшей школе / В. Б. Сироткин // *Актуальные проблемы экономики и управления: научный журнал.* – Вып.4. – СПб.: ГУАП, 2014. – С. 89–93.

13. *Мицберг, Г.* Структура в кулаке: создание эффективной организации / Г. Мицберг; пер.с англ. – М.: Колибри, 2014.

*С. Г. Пьянкова*¹

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ И РЕАЛИЗАЦИИ ДОКУМЕНТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В настоящее время актуальными темами для обсуждения в исполнительных и законодательных органах государственной власти становятся:

1) повышение эффективности деятельности органов власти, в том числе органов местного самоуправления. Об этом говорится во многих нормативных документах: Указ Президента Российской Федерации от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» и др. Данный вопрос акцентировался Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 01 декабря 2016 года, на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам 13 июля 2016 года;

2) оценка эффективности инвестиционных проектов, введение проектного управления (в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 15 октября 2016 года № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»);

3) формирование оплаты труда работников бюджетной сферы, государственных и муниципальных служащих в зависимости от полученных результатов.

Вопросы оценки эффективности деятельности органов власти, повышения ее эффективности, а также оценки эффективности реализуемых проектов исследованы многими учеными: А. Е. Лапин, Ю. А. Петрова, В. И. Лыков, А. А. Васильев, И. Н. Барциц, А. С. Ахременко, Е. А. Юрескуп, А. В. Щурилов, Д. В. Костюкевич, К. Павлов, Д. Г. Гаделия, Л. М. Чистов и др.

Изучение существующих теоретических и методологических подходов показывает наличие разрыва между вопросами оценки эффективности деятельности органов власти, оценки эффективности реализации документов стратегического планирования и формируемыми мерами по повышению эффективности деятельности органов власти. Особенно очевидно отсутствие указанной взаимосвязи при формировании документов стратегического планирования муниципальных образований.

Мы считаем важной разработку методологических подходов к формированию документов стратегического планирования (планов, программ, дорожных карт и др.) муниципальных образований во взаимосвязке с получаемым результатом (целевыми

¹ *Светлана Григорьевна Пьянкова*, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, д-р экон. наук.

показателями/контрольными событиями). И соответственно, в настоящее время необходима проработка механизмов стимулирования (оплаты труда) работников органов местного самоуправления в зависимости от результатов реализации документов стратегического планирования муниципального образования.

1. Теоретические подходы к оценке и повышению эффективности деятельности органов местного самоуправления

Существует ряд формулировок понятия «эффективность», в частности: «максимально выгодное соотношение между совокупными затратами и экономическими результатами» (Г. Эмерсон) [1]; «достижение каких-либо определенных результатов с минимально возможными издержками или получение максимально возможного объема продукции из данного количества ресурсов. «Эффективностью» часто называют оптимальность по Парето» (Дж. Блек) [2]; «относительный эффект, результативность процесса, операции, проекта, определяемые как отношение эффекта, результата к затратам, расходам, обусловившим, обеспечившим его получение» (Б. А. Райзберг) [3].

Основопологающим документом определения эффективности является ГОСТ Р ИСО 9000-2001 [4]. В основных положениях и словаре этого ГОСТа приводится следующее определение: эффективность – связь между достигнутым результатом и использованными ресурсами.

В науке оценку эффективности предлагается проводить на основе типовых подходов.

Первая группа подходов основывается на количественном определении эффекта – разницы между результатами деятельности и затратами (критерий – максимизация выгоды) [5]. Сопоставляются соизмеримые показатели, например, объем производства с затратами и др. Очевидно, что чем выше (ниже) абсолютное значение сравнимых показателей, тем больше эффект. В случае равных затрат – чем больше результаты, тем выше эффективность. Такая модель оценки эффективности описывает закон самосохранения системы, согласно которому оцениваемый процесс является эффективным, если сумма созидательных результатов больше использованного потенциала организации.

Оценка эффективности, базирующаяся на этом подходе, достаточно популярна в силу внешней простоты и понятности. Некоторые исследователи отмечают, что основной недостаток метода заключается в отсутствии учета факторов внешней среды.

Вторая группа подходов к оценке эффективности учитывает системные изменения [6]. Критерием оценки выступает повышение экономичности процесса развития системы. Показатели желаемого состояния сравниваются с достигнутыми. Эффективность оценивается по отклонению от сложившегося уровня. Чем больше (меньше) эта разница, тем результативнее процесс развития.

Кроме того, оценка эффективности проводится по различным методикам, предложенным в научной литературе. В частности, А. С. Ахременко и Е. А. Юрескуп представили ключевые принципы оценки эффективности на примере метода Data Envelopment Analysis (DEA) [7], Д. В. Костюкевич дает методику оценки степени достижения организационной системой поставленных критериев [8], К. Павлов [9] и Д. Г. Гаделия [10] разработали методики оценки эффективности инвестиций, Л. М. Чистов предложил осуществлять выбор лучшего варианта инвестиционного объекта с помощью экономико-математической модели, в состав которой входит ряд компонентов (критерии оптимальности, ограничения (условия), которые необходимо учитывать при выборе лучшего варианта инвестиционного объекта) [10].

А. Е. Лапин и Ю. А. Петрова дают такую формулировку: «эффективность деятельности органов местного самоуправления – мера реализации целей, задач и планов, показывающая, какое конкретное воздействие они оказали на развитие муниципального образования, социально-экономическую активность граждан, их знания, чувства, убеждения, практическое поведение и деятельность» [11].

Согласно В. И. Лыкову, «эффективность муниципальной управленческой деятельности – это результативность деятельности самого муниципального образования, которая не может быть измерена каким-либо одним показателем и определяется как результат сложного взаимодействия различных факторов: природных, социально-экономических, демографических, экологических и других, оказывающих влияние на принятие и реализацию управленческих решений» [12].

Мы считаем, что понятия «эффективность деятельности органов местного самоуправления» и «эффективность муниципальной управленческой деятельности» можно рассматривать как однозначные, так как в каждом из них оценивается результат решений и реализуемых мероприятий.

Для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления можно использовать различные методические подходы.

Например, А. В. Шурилов [13] в своей диссертации разработал методику оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления на основе интегрального показателя. Ее основное отличие от существующих методик в том, что частные показатели сбалансированы относительно главной цели и предметов ведения органов местного самоуправления, формируются на основе утвержденных приоритетных направлений социально-экономического развития городского округа и определяются соответствующими муниципальными целевыми программами.

Кроме того, ученые предлагают использовать критериальный и индикативный подходы к оценке эффективности системы местного самоуправления. На практике часто используется метод расчета частного (K_j) и обобщенного критериев (K) [14].

Эксперты ООН предлагают оценивать уровень развития государственного управления с помощью индекса развития человеческого потенциала. В основу методики расчета этого индекса положены сведения о продолжительности жизни, уровне грамотности, доле валового внутреннего продукта на душу населения и другие подобные факторы. Отдельные элементы этого подхода активно применяются для оценки потенциала эффективности государственной службы. В качестве предмета исследования берутся данные о состоянии кадров и кадрового резерва государственного управления в стране. Оцениваются уровень дохода, образования, продолжительность жизни, гендерный состав и прочие показатели, касающиеся людей, занятых в сфере государственной службы.

На уровне конкретных стран введены показатели эффективности государственного управления, которые носят целевой характер и привязаны к достижению национальных приоритетов в сфере предоставления определенных государственных услуг или совершенствования процедур и процессов деятельности государственных органов. Примером подобной оценки может служить проект эффективности деятельности Правительства США, который позволил выявить ряд «узких мест» в деятельности субнациональных администраций и разработать меры по улучшению их деятельности. Последним звеном системы является оценка конечных результатов труда управленцев [15].

В Российской Федерации основные и дополнительные показатели оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов

и муниципальных районов утверждены Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 года № 607 и распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2008 года № 1313-р.

При оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления в соответствии с указанными нормативными правовыми актами рассматривается уровень достигнутых показателей и их динамика. По результатам оценки предложено выделять из бюджета субъекта Российской Федерации гранты муниципальным образованиям в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов.

При этом в вышеуказанных нормативных документах не указаны подходы к формированию мероприятий в целях достижения целевых показателей; не представлены механизмы контроля реализации мероприятий и целевых показателей, на достижение которых направлены мероприятия; не предложен механизм взаимосвязи оплаты труда работников местного самоуправления с повышением эффективности их деятельности.

2. Примеры зарубежного и отечественного опыта по формированию мероприятий, направленных на повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления

На основании изучения зарубежных источников [16,17] приведем примеры из зарубежного опыта по формированию мероприятий, направленных на повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления:

- Эллиот-Лейк (Канада) – создание муниципальной некоммерческой жилищной корпорации, целевой аудиторией которой являются пенсионеры; предоставление недорогого жилья с помощью специальной Пенсионной жилищной программы, направленной на привлечение людей пенсионного возраста со всей страны; микрокредитование малого и среднего бизнеса с помощью Специального фонда по развитию обществ;

- Хаддерсвилд (Великобритания) – введение государством системы грантов для поощрения социальных, культурных проектов;

- Солтвиль (США) – принятие Агентством по защите окружающей среды США мер по улучшению экологической ситуации в городе;

- Эмшер-Парк (Германия) – применение альтернативных источников энергии в целях экономии затрат; открытие новых компаний и научных лабораторий в целях повышения занятости населения.

В настоящее время во многих муниципальных образованиях Российской Федерации составляются планы, направленные на повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления. Приведем некоторые примеры:

- План мероприятий по увеличению доходов, оптимизации расходов и совершенствованию долговой политики муниципального образования город Норильск на 2016–2017 гг. (утвержден руководителем Администрации Норильска 15.02.2016);

- План мероприятий по выполнению муниципальной программы «Повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления города Нижний Тагил до 2020 года» (постановление Администрации Нижнего Тагила от 11.12.2013 №2944);

- План мероприятий по реализации исполнительными органами местного самоуправления муниципального образования «Котласский муниципальный район» Программы повышения эффективности управления муниципальными финансами в муни-

ципальном образовании «Котласский муниципальный район» на период до 2018 г. (постановление администрации «Котласский муниципальный район» от 09.06.2014 № 785);

- другие.

Рассмотрев указанные планы, отметим, что чаще всего они не отражают взаимосвязь мероприятий и целевых показателей, на достижение которых они направлены.

3. Методологический подход к формированию и реализации документов стратегического планирования муниципальных образований

К документам стратегического планирования муниципального образования мы относим планы, программы, дорожные карты и другие документы, направленные на социально-экономическое развитие муниципального образования, включающие комплекс мероприятий и целевых показателей, от реализации которых зависит стимулирование (оплата труда) работников органов местного самоуправления.

К базовым принципам методологии, на наш взгляд, следует отнести: *ориентацию* на согласованное формирование бюджетного и стратегического планирования; *совершенствование* действующих и *формирование* новых документов стратегического планирования, ориентированных на *достижение результатов*, установленных субъектами Российской Федерации и направленных на уменьшение социально-экономических проблем муниципальных образований, и *взаимосвязи* оценки эффективности реализации документов стратегического планирования и оплаты труда органов местного самоуправления.

Предлагаемый подход основан на следующих методологических принципах:

1. Формирование для каждого муниципального образования набора мер программно-проектного характера, исходя из остроты социально-экономических проблем и значений целевых показателей, установленных субъектом Российской Федерации для муниципального образования.

Мерами программно-проектного характера могут быть меры, направленные:

- на достижение задач и целевых параметров, установленных субъектом Российской Федерации для муниципального образования (строительство на условиях софинансирования между регионом и муниципальным образованием дворовых объектов, фельдшерско-акушерских пунктов, детских дошкольных учреждений, реконструкция объектов культуры, спорта и т. д.);

- на экономическое развитие (диверсификация производства, открытие новых производств, перепрофилирование основного сектора экономики города, повышение монопрофильности и т. д.);

- на социальное развитие (строительство новых социальных объектов, перепрофилирование пустующих социальных помещений; предоставление помещений фондов развития населению для открытия клубов, творческих кружков и т. д.);

- на заселение пустующей территории (поселок, село, деревня) в городе (в случае открытия новых рудных пород, строительства инвесторами нового производства, выращивания сельскохозяйственной продукции и т. д.);

- на переселение города (в случае закрытия производств, прогрессирующего роста безработицы среди населения, значительной удаленности города от транспортных сетей и т. д.).

2. Установление связи между реализуемыми мероприятиями и целевыми показателями, на достижение которых они направлены. Указанную связь предлагается устанавливать экспертным путем.

3. Разработка методики оценки эффективности реализуемых мероприятий во взаимосвязи со значениями целевых показателей, на достижение которых они направлены. Оценка эффективности предлагается проводить по совокупной балльной шкале выполнения мероприятий и целевых показателей.

4. Формирование и реализация документов стратегического планирования, которые предлагается осуществлять органам местного самоуправления с привлечением экспертов (представителей бизнеса, науки, исполнительных органов государственной власти региона, населения).

5. Оценка эффективности реализации документов стратегического планирования по методикам, предложенным в настоящее время в научной литературе, а также утвержденным в нормативных правовых актах региона и муниципального образования, и организация мониторинга их реализации.

По результатам мониторинга реализации указанных документов предлагается устанавливать направления их дальнейшей реализации:

- актуализация документа с учетом корректировки целевых показателей, установленных субъектом Российской Федерации для муниципального образования;
- актуализация документа исходя из остроты социально-экономических проблем территории;
- приостановление действия документа.

Результаты исполнения документов и направления их дальнейшей реализации должны быть рассмотрены на заседаниях общественных советов с участием представителей бизнеса, власти, населения, науки, СМИ.

6. Установление связи между результатами оценки эффективности реализации документов стратегического планирования и стимулирующими выплатами работникам органов местного самоуправления.

Предлагается проводить стимулирующие выплаты с учетом следующих критериев:

- реализация мероприятий в установленный срок;
- реализация мероприятий с экономией бюджетных средств;
- достижение запланированных значений целевых показателей;
- выполнение работ минимально возможным количеством работников;
- соблюдение всех запланированных механизмов реализации документов стратегического планирования территории;
- положительная оценка исполнительными органами государственной власти региона результатов реализации документов стратегического планирования территории;
- удовлетворенность населения и общественных организаций результатами реализации документов стратегического планирования муниципального образования;
- и другие.

Исходя из данных принципов, автором предложен методологический подход к формированию и реализации документов стратегического планирования муниципального образования, схематично представленный на рисунке.

Методологический подход включает четыре базовых элемента:

1. *Выявление социально-экономических проблем муниципального образования и целевых параметров, установленных субъектом Российской Федерации для муниципального образования.* Данный этап включает: анализ целевых показателей, установленных субъектом Российской Федерации для муниципального образования; методику анализа остроты социально-экономических проблем муниципального образования

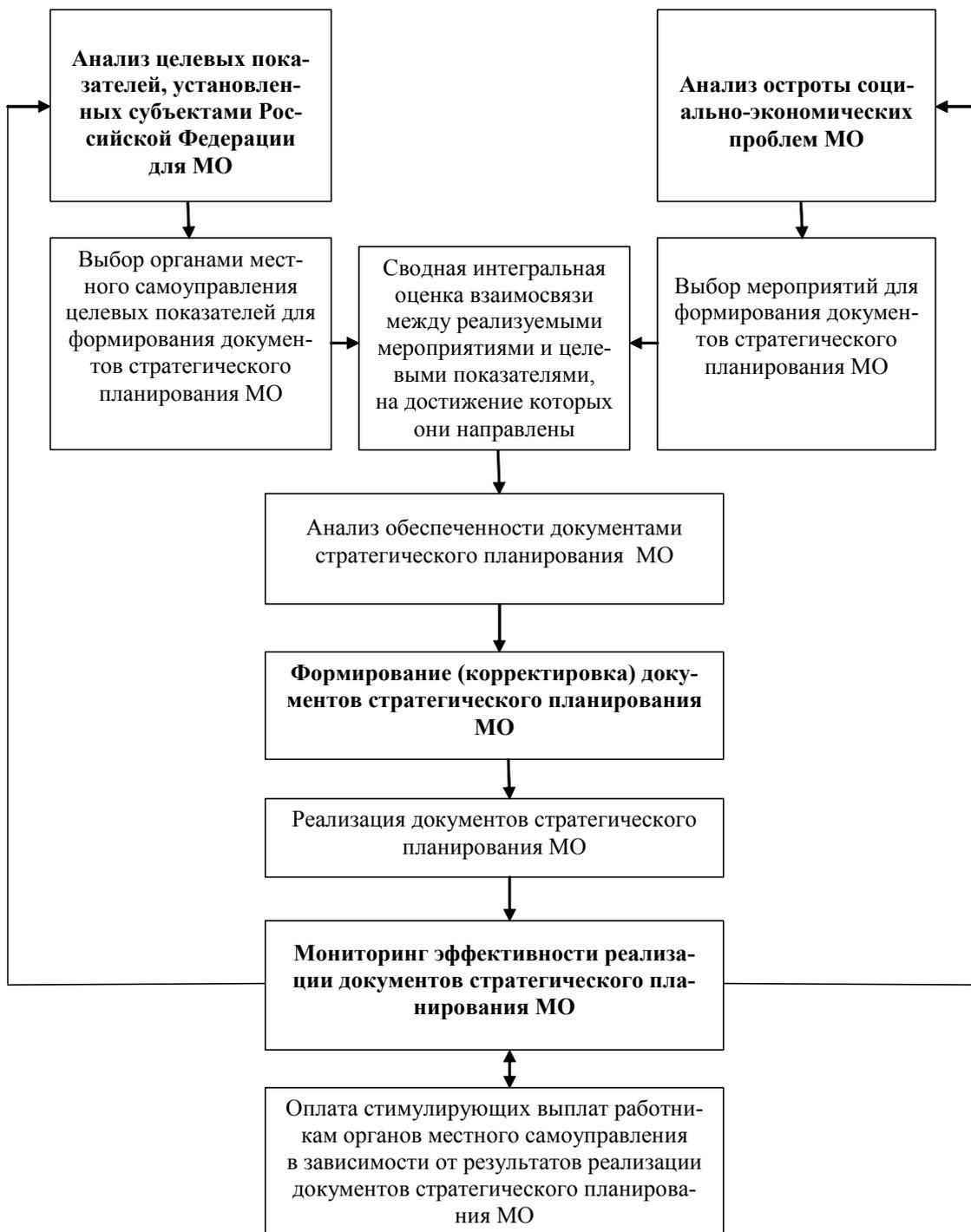

Схема методологии к формированию документов стратегического планирования муниципального образования (МО)

и формирование на ее основе мероприятий; сводную интегральную оценку взаимосвязи между реализуемыми мероприятиями и целевыми показателями, на достижение которых они направлены.

2. *Формирование (корректировка) документов стратегического планирования муниципального образования* на основе нивелирования остроты социально-экономических проблем муниципального образования и установки взаимосвязи мероприятий и значений целевых показателей, на достижение которых они направлены. На данном этапе формируются мероприятия и устанавливаются целевые показатели (контрольные события) документа стратегического планирования.

3. *Организация мониторинга эффективности реализации документов стратегического планирования муниципального образования.* Данный этап включает методику оценки эффективности реализации документов стратегического планирования муниципального образования и организационный механизм проведения мониторинга эффективности.

4. *Организация механизма оплаты стимулирующих выплат работникам органов местного самоуправления в зависимости от результатов реализации документов стратегического планирования муниципального образования.* На данном этапе устанавливается механизм поощрения работников местного самоуправления за успешную реализацию документов стратегического планирования территории.

Предложенная методология ориентирована на совершенствование процесса формирования и реализации документов стратегического планирования муниципальных образований и позволит улучшить социально-экономическую обстановку и качество жизни населения, повысить эффективность принятия решений органами местного самоуправления, ввести систему поощрения органов местного самоуправления в зависимости от результатов реализации документов стратегического планирования территории.

Выводы

1. Существует разрыв между вопросами оценки эффективности деятельности органов власти, оценки эффективности реализации документов стратегического планирования и формируемыми мерами по повышению эффективности деятельности органов власти. Особенно очевидно отсутствие указанной взаимосвязи при формировании документов стратегического планирования муниципальных образований.

2. В настоящее время важной становится разработка методологических подходов к формированию документов стратегического планирования (планов и программ) муниципальных образований во взаимосвязке с получаемым результатом (целевыми показателями/контрольными событиями). Актуальна также разработка механизмов стимулирования (оплаты труда) работников органов местного самоуправления в зависимости от результатов реализации документов стратегического планирования муниципального образования.

3. В нормативных правовых актах Российской Федерации не указаны подходы к формированию мероприятий, направленных на достижение целевых показателей; не представлены механизмы контроля реализации мероприятий и целевых показателей; не предложен механизм взаимосвязи между оплатой труда работников местного самоуправления и эффективностью их деятельности.

4. Предложен методологический подход к формированию и реализации документов стратегического планирования муниципальных образований, нацеленный на создание взаимосвязи формируемых мероприятий и целевых показателей, на достижение которых они направлены.

Список литературы

1. Эмерсон, Г. Двенадцать принципов производительности / Г. Эмерсон // Управление это наука и искусство. – М.: Экономика, 1992.
2. Экономика. Толковый словарь / Дж. Блэк, общ. ред.: И. М. Осадчая. – М.: «ИНФРА-М»; Весь Мир, 2000.
3. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 2-е изд., испр. – М.: ИНФРА-М. 1999. – 479 с.
4. ГОСТ Р ИСО 9000-2001. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. Принят и введен в действие постановлением Госстандарта России от 15.08. 2001. № 332.
5. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. – 2-я ред. / М-во экон. РФ, М-во фин. РФ; ГК по стр-ву, архит. и жил. политике; рук. авт. кол.: В. В. Коссов, В. Н. Лившиц, А. Г. Шахназаров. – М.: ОАО НПО Изд-во «Экономика», 2000.
6. Гительман, Л. Д. Энергетические компании / Л. Д. Гительман, Б. Е. Ратников // Экономика. Менеджмент. Реформирование: в 2 т. – Т. 1. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 80.
7. Ахременко, А. С. Эффективность государственного управления: политологический и экономический подходы / А. С. Ахременко, Е. А. Юрескуп // Общественные науки и современность. – 2013. – № 1. – М.: Наука. – С. 77–88.
8. Костюкевич, Д. В. Оценка и организация кластерных взаимодействий предпринимательских структур: автореф. дисс. ... канд. экон. наук / Д. В. Костюкевич. – СПб., 2009.
9. Павлов, К. Оценка экономической эффективности использования инвестиций интенсивного типа с учетом региональных особенностей / К. Павлов // Общество и экономика: международ. науч. и обществ.-полит. журнал. – № 11–12. – М.: Наука, 2011. – С. 208.
10. Пуряев, А. С. Теория и методология компромиссной оценки эффективности инвестиционных проектов в машиностроении: дисс. ... д-ра экон. наук / А. С. Пуряев. – СПб., 2009. – С. 55–60.
11. Лапин, А. Е. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления в России (на примере Ульяновской области) / А. Е. Лапин, Ю. А. Петрова // Публичная власть, государственное и муниципальное управление в Российской Федерации: Вестник ПАГС. – 2013. – С. 28–37.
12. Лыков, В. И. Эффективность муниципальной управленческой деятельности в Забайкальском крае: дисс. ... канд. соц. наук / В. И. Лыков. – Чита, 2011. – 235 с.
13. Щурилов, А. В. Повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления: дисс. ... канд. экон. наук / А. В. Щурилов. – Иваново, 2011. – 187 с.
14. Волкова, М. А. Оценка эффективности механизма государственного управления экономикой региона в сфере поддержки малого бизнеса / М. А. Волкова // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. – 2009. – № 2. – С. 438–442.
15. Барциц, И. Н. Критерии эффективности государственного управления и глобальное управленческое пространство / И. Н. Барциц // Государство и право. – № 3. – М.: Наука, 2009. – С. 12–20.
16. Century Technologies Promises and Perils of a Dynamic Future. OECD. 174 s. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/41/16/35391210.pdf> (дата обращения: 15.12.2016).
17. Report of the selection meeting for the European capitals of culture 2010. ECOC. 2006. 15 s. URL: http://ec.europa.eu/culture/pdf/doc674_en.pdf (дата обращения 15.12.2016).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭССЕИСТИКА

*С. Д. Бодрунов*¹

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ САМИРА АМИНА «РОССИЯ: ДОЛГИЙ ПУТЬ ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ»²

Автор предлагаемой нашему читателю книги Самир Амин – всемирно известный экономист и политолог, один из основателей мир-системного подхода, исследователь феноменов глобализации и зависимого развития. Он родился в 1931 г. в Каире, там же окончил школу, в 1947–1957 гг. учился в Париже. В 1957 г. защитил диссертацию, посвященную проблемам слаборазвитых экономик.

После защиты диссертации Амин вернулся в Каир, где с 1957 по 1960 г. сотрудничал с министерством экономики Египта, в 1960–1963 гг. работал в Бамако советником при министерстве планирования Мали. Длительное время (1963–1970 гг.) Самир Амин жил в столице Сенегала Дакаре, сотрудничал в Африканском институте ООН по экономическому развитию и планированию (Institut Africain de Developpement Economique et de Planification – IDEP), а в 1970–1980 гг. возглавлял этот институт. С 1980 г. он стал директором Форума третьего мира. Длительное время вел регулярную преподавательскую работу в различных французских и африканских университетах. Самир Амин входит в редколлегию журнала «Review of International Political Economy» и ряда других международных изданий.

Самир Амин – автор множества книг, посвященных вопросам развития и преодоления отсталости стран периферии (в первую очередь проблемам экономического развития стран Африки и Ближнего Востока); анализу процессов глобализации, влияния гегемонии США на мировое развитие, а также национальным и идеологическим проблемам. К сожалению, до настоящего времени на русском языке изданы лишь одна из его книг («Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира») и несколько статей. Перечислим некоторые работы, характеризующие различные стороны исследовательских и общественных интересов Самира Амина, изданные на многих языках мира:

¹ *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, д-р экон. наук, профессор.

² *Амин, С.* Россия: долгий путь от капитализма к социализму. СПб.: ИНИР; М.: Культурная революция, 2017. 148 с.

1. Империализм и неравное развитие = *L'impérialisme et le développement inégal*. 1973, 1976.
2. Закон стоимости и исторический материализм = *La loi de la valeur et le matérialisme historique*. 1977.
3. Класс и нация в истории и в современном кризисе = *Classe et nation dans l'histoire et la crise contemporaine*. 1979.
4. Арабская экономика сегодня = *L'économie arabe contemporaine*. 1980.
5. Кризис: какой кризис? (совместно с Джованни Арриги, Андре Гундер Франком и Иммануилом Валлерстайном = *La crise, quelle crise?* 1982 (with G. Arrighi, A. G. Frank and I. Wallerstein).
6. Отключение = *La déconnexion*. 1985.
7. Евроцентризм = *L'eurocentrisme*. 1988, 2010.
8. Трансформируя революцию: социальные движения и мировая система (совместно с Джованни Арриги, Андре Гундер Франком и Иммануилом Валлерстайном) = *Transforming the revolution: social movements and the world system*. 1990 (with G. Arrighi, A. G. Frank and I. Wallerstein).
9. Великий беспорядок (совместно с Джованни Арриги, Андре Гундер Франком и Иммануилом Валлерстайном) = *Le grand tumult*. 1991 (with G. Arrighi, A. G. Frank and I. Wallerstein).
10. Проблемы глобализации = *Les défis de la mondialisation*. 1996.
11. Призраки капитализма: критика современной интеллектуальной моды = *Spectres of Capitalism: A Critique of Current Intellectual Fashions*. 1998.
12. Устаревающий капитализм = *Obsolescent Capitalism*. 2003.
13. Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира = *The Liberal Virus: Permanent War and the Americanization of the World*. 2004. (Издано на русском языке в издательстве «Европа». 2007).
14. Мир, каким мы хотим его видеть: революционные цели в XXI веке (совместно с Джеймсом Мембресом) = *The World We Wish to See: Revolution-ary Objectives in the Twenty-First Century*. 2008 (with James Membrez).
15. Окончание кризиса капитализма или окончание капитализма? = *Ending the Crisis of Capitalism or Ending Capitalism?* 2010.
16. Недоразвитость – анатомия глобального провала = *Maldevelopment – Anatomy of a Global Failure*. 1990, 201.
17. «Схлопывание» современного капитализма = *The Implosion of Contemporary Capitalism*. 2013.

Взгляды Самира Амина сформировались под значительным влиянием марксизма (он часто называет себя марксистом), мир-системного подхода, концепций зависимого развития и французского институционализма. Мир-системный подход предполагает исследование социальной эволюции с позиций рассмотрения систем обществ (мир-систем), а не отдельных социумов. Это отличает его от наиболее распространенных подходов, в рамках которых социальная эволюция рассматривалась прежде всего в пространствах отдельных обществ (государств, цивилизаций...), а не их систем. Как марксист Самир Амин сочетает этот подход с формационной стадийностью, основанной на смене способов производства (в отличие от одного из своих коллег по мир-системному подходу Андре Гундер Франка, отрицающего не только концепцию способов производства, но, по существу, и стадийность исторического развития вообще).

С самого начала исследовательской деятельности Самир Амин выступает как непримиримый критик мировой капиталистической системы, где страны ядра глобального капитализма (США, Евросоюз и Япония – он именует их триадой) навязывают странам периферии неравные условия экономических связей. С его точки зрения, этим, главным образом, определяется затянувшаяся экономическая отсталость большинства стран периферии. Вырваться из подобной ситуации, добиться успеха в догоняющем развитии, по его мнению, можно только за счет «отключения» (deconnexion, de-linking) национальной экономики от мировой капиталистической системы, что отчасти удавалось странам, сделавшим рывок в своем развитии (Амин ссылается на опыт СССР с его государственной монополией внешней торговли и Южной Кореи).

Критики Самира Амина (как справа, так и слева) любят указывать на то, что изоляция страны от мировой экономики невозможна, во всяком случае – губительна. Но Амин и не призывает к разрыву экономических связей – он говорит об отказе от правил, навязываемых мировой капиталистической системой. Разумеется, в полной мере это недостижимо, ибо глобальный капитал пока является господствующей экономической силой. Тем важнее поставить барьеры на пути его влияния, чтобы преодолеть хотя бы отчасти то давление, которое он оказывает на экономическое развитие стран периферии. Совсем не обязательно, например, капитулировать перед правилами «Вашингтонского консенсуса», чтобы участвовать в мировой экономике.

В представляемой вашему вниманию книге Самир Амин применяет свои теоретические подходы, чтобы определить место России в мировой истории и мировой экономике. Автор считает, что Россия с точки зрения мир-системного подхода не относится ни к ядру мир-системы, ни к ее периферии. Особое историко-географическое положение России на протяжении средних веков (после распада империи Чингисхана) делало ее малопривлекательным объектом для экспансии доминирующих держав того времени. Даже с началом эпохи великих географических открытий, а вместе с ними – европейской экспансии в Америку и в Азию, основные направления колониальной экспансии Европы обходили Россию. Это позволяло ей вплоть до XVIII в. развиваться в относительной изоляции, что не исключало как торговых связей с Европой, так и натиска некоторых европейских держав на западных границах России, а вассалов Османской империи – на южных. В то же время такая (пусть и относительная) изоляция создавала возможности для собственной территориальной экспансии.

Самир Амин многократно подчеркивает, что территориальный рост Российской империи происходил совсем не так, как строились колониальные империи европейских метрополий (например, Британская), и слово «империя» в данном контексте лишь вводит в заблуждение. Конечно, основная масса населения на присоединенных к России территориях подвергалась эксплуатации, и положение трудящихся классов (в основном крестьянства) там не было идиллическим. Но таким же был гнет эксплуатации и по отношению к российскому крестьянству. Российское государство не вело прямого грабежа природных ресурсов присоединяемых территорий, не практиковало рабовладельческих порядков, которые принесли в колонии европейские страны, не прибегало к массовым актам геноцида, хотя присоединение южно-российских областей, покорение Кавказа и Средней Азии были сопряжены с войнами и немалыми жертвами.

С XVIII в. Россия все больше втягивается во взаимодействие со странами тогдашнего ядра мир-системы, начинает формироваться ее статус как полупериферийной страны. Это означает, что Россия находилась в определенной экономической и политической зависимости от крупнейших держав Западной Европы, но в то же время стреми-

лась и отчасти была в состоянии противопоставить этой зависимости свою собственную национальную политику, направленную на преодоление разрыва в социально-экономическом развитии со странами ядра мир-системы. «Россия построена на эффективном синтезе замыкания в себе и открытия Западу. Прежняя задача, состоящая в обособленном развитии, была полностью противоположна периферизации мирового капитализма. Этому не было аналогов, кроме обособленного развития Соединенных Штатов в период их независимости до 1914 года...», – пишет Самир Амин.

Весьма решительный шаг в этом направлении был сделан после революции 1917 г. и образования СССР. Самир Амин видит в развитии СССР показательный пример отказа от подчинения правилам, навязываемым ведущими игроками мир-системы; отказа, который только и позволяет всерьез заняться обеспечением собственной логики развития, выводящей страну из отсталости. Этот отказ был возможен благодаря своеобразию социально-экономической системы СССР и государственной монополии на внешнюю торговлю. СССР, нуждаясь в закупках машин и оборудования в Западной Европе и США, смог обеспечить эти закупки, не подчиняя свое внутреннее экономическое развитие правилам мирового капиталистического рынка.

Однако представляется, что автор заходит чересчур далеко в своей критике капиталистической системы, когда предлагает социалистические преобразования в качестве лучшего и универсального решения, позволяющего избавить экономику стран периферии и полупериферии от давления стран ядра мир-системы. За последние полвека не было ни одного случая, когда подобный подход привел бы к успеху. А вот ускоренное догоняющее развитие с использованием капиталистических отношений вполне можно было наблюдать. Перефразируя приведенный выше пример: чтобы отказаться от правил «Вашингтонского консенсуса», совсем не обязательно устраивать социалистическую революцию.

Проблемы геополитического и геоэкономического положения современной России Самир Амин связывает со сдвигом в 1990-е гг. в сторону подчинения ядру мир-системы, прежде всего США. Нынешние попытки российского государства занять на мировой арене самостоятельную экономическую и политическую позицию автор рассматривает как шаг в правильном направлении, однако резонно отмечает, что такая самостоятельность должна подкрепляться и соответствующими переменами во внутренней политике – в отказе от прежнего неолиберального курса.

Развиваемый в книге Самира Амина мир-системный подход к исследованию мировых социально-экономических и геополитэкономических процессов может получить дополнительные основания, если дополнить его историческим взглядом на эволюцию экономических систем, опирающимся на тезис о приоритетной роли материального производства (что вполне соответствовало бы методологии Самира Амина как марксиста). В частности, его идея об отключении (*deconnexion, de-linking*) от ядра мир-системы может получить развитие на основе исследования тех процессов совершенствования материального производства, которые обеспечивают реальную научно-технологическую, а вместе с этим – и экономическую независимость от стран ядра. Поэтому идею «отключения» следует развивать вместе с исследованием условий участия той или иной страны в грядущей технологической революции, оседлав которую, можно получить реальные шансы на выход из состояния зависимости и отсталости.

В этом контексте для России представляется актуальной концепция реиндустриализации на новейшей технологической базе, опирающаяся на реинтеграцию производства, науки и образования, органически дополняемая с внешнеэкономической точ-

ки зрения политикой конкурентоспособного импортозамещения. Такого рода направления научных разработок давно стали предметом пристального внимания Института нового индустриального развития (ИНИР), включая и работы автора настоящей рецензии. В конечном итоге, чтобы придать целостный характер исследовательской работе в этом направлении, требуется весьма широкий взгляд, включающий самые разнообразные подходы – от развития методологии политико-экономических исследований до геополитэкономики. В связи с этим ИНИР запускает издание серии книг как российских авторов, так и работ известных зарубежных специалистов.

С. Д. Бодрунов¹

**УЧЕБНИК ИЛИ «НАУЧЕБНИК»?
О КНИГЕ АКАДЕМИКА РАН А. Д. НЕКИПЕЛОВА
«ОБЩАЯ ТЕОРИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ»²**

Недавно в Высшей школе экономики МГУ им. М. В. Ломоносова состоялось примечательное событие – презентация книги А. Д. Некипелова «Общая теория рыночной экономики», скромно названной автором учебником. Мне посчастливилось быть приглашенным Александром Дмитриевичем на это действо, оставившее глубокое впечатление и продолжительное «мыслевкусие».

Все мы, уважаемые читатели, как в известной истории, – в некотором роде писатели. И каждый, наверное, сталкивался с дилеммой: писать более полно, фундаментально, но тогда неизбежны повторы, длинноты, отсылы, утяжеляющие книгу, либо описывать преимущественно некие «новости», но тогда рискуешь выглядеть поверхностным. Так вот, Александр Дмитриевич Некипелов счастливо избежал и первой, и второй участи. Его книга, будучи, несомненно, трудом фундаментальным, читается легко, отличается четким изложением и, я бы сказал, элегантным стилем.

Это – труд не просто выдающегося экономиста, но – философа-математика, что придает ему логику, стройность, строгость и фундаментальность. В книге дается глубокое теоретическое обоснование процессов рыночной экономики. Но – не только. Она открывает двери в следующие исследовательские сферы, что очень важно и является отличительным признаком всякого значимого труда. Она «катализирует» мысли и учит рассуждать.

К примеру, мы все сегодня «тоскуем» по экономической устойчивости, устойчивости экономического роста. А это – *взаимоувязка (в динамике!) экономического, экологического и социального векторов. Главный конфликт здесь – между экономической эффективностью и социальной справедливостью, поскольку именно их баланс определяет качество жизни.* Однако традиционные экономические измерители/показатели мало способствуют раскрытию его смысловой нагрузки. Возьмем выраженный в ВВП экономический *рост* – определяет ли он *улучшение* качества жизни? Ведь экономический рост, измеряемый *ВВП*, – это, по сути, *рост издержек в экономике.*

Господствующий затратный подход базируется на фундаментальном кейнсианском положении о мультипликаторе инвестиций, согласно которому экономический рост (дохода, продукции) равен произведению мультипликатора (макроэкономической константы) и размера инвестиций, т. е. для роста необходимы дополнительные инвести-

¹ Сергей Дмитриевич Бодрунов, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, д-р экон. наук, профессор.

² Некипелов, А. Д. Общая теория рыночной экономики. М.: Магистр, 2017. 784 с.

ции. Но – куда? Очевидно, необходимы новые и/или **дополнительные критерии экономического роста**, например – учитывающие **технологическую составляющую**, возможно, в форме **информационно-технологических показателей**, характеризующих *полезность* и «экономичность» *принимаемых решений* по принципу: **больше – не всегда лучше**. Заметим, что это – одно из **положений новой технологической реальности**, «**цифровой экономики**» (терминология тут еще не полностью отработана). Может быть, пора посмотреть в эту сторону?

Кроме того, задача снижения издержек, как и потребности в инвестиционных ресурсах, всегда актуальна, а сейчас, в условиях их дефицитности, особенно, а задача получить такую «экономия» экономической теорией до сих пор практически не рассматривалась.

При этом отсутствует либо слабо разработан методологический аппарат для таких исследований. И, кажется, хорошо бы «влезть» в экономику совместного использования ресурсов (*shared economy*) и «сетевую экономику». То есть – снова нужны *показатели эффективности*, отличные от существующих или дополняющие их. Отсюда – трудности и в *оценке экономической эффективности инновационных проектов*.

Особенно это важно при анализе проблемы *роста предприятия*. Я в своей хозяйственной практике использовал некий микс обычных (экономических) и институциональных подходов (модели минимизации внутренних и внешних транзакционных издержек). Особенность тут (да, пожалуй, уже закономерность) в том, что *эффективные размеры* предприятия с внедрением новых, особенно *инфокоммуникационных, технологий* могут *уменьшаться*, и может быть получена экономия издержек. Это особенно ощутимо в той отрасли, где я работал – в авиаприборостроении.

И еще раз об инфоцифре – в частности, в активно обсуждаемой сейчас области денежного обращения (использовании криптовалют) – это важный элемент «цифровой экономики». Тут тоже есть одна особенность – резкое снижение вероятности и возможности применения так называемой спекулятивной функции «виртуальных» денег. Приход такого инструмента (а он уже стучит в дверь) многое может поменять в теории рыночной экономики. И нам в наших исследованиях стоит над этим крепко подумать. И книга А. Д. Некипелова именно на это настраивает.

Дискутировать с академиком – дело неблагодарное. Сказал – учебник, значит – учебник! Однако учебники бывают разные. Одни – чтобы *учить*. Помните: «...мы все учились понемногу – чему-нибудь и как-нибудь...»? Другие – чтобы *научить*. Научить думать. Научить осознавать задачи и находить способы их решения. Научить понимать суть описываемых явлений. Книга Александра Дмитриевича – из таких. И я спорю с академиком Некипеловым – это в чистом виде *научебник*. Не только открывающий тайны рыночной экономики, но – научающий видеть ее динамику, развитие происходящих в ней процессов, ставить новые задачи.

А задач этих – тучи! И к решению многих из них книга А. Д. Некипелова дает ключ. Тут всем: и нам, читателям, и уважаемому Александру Дмитриевичу – еще работать и работать! Многие годы! А для этого нужно сохранять волю, силы, ясный ум, чего и хотелось бы ему пожелать. А нам с вами, коллеги-читатели – я говорю как истинный эгоист – пожелаю получить в руки где-нибудь в 2030-х годах новый фундаментальный труд Александра Дмитриевича Некипелова с дарственной надписью здравствующего автора.

РЕФЕРАТЫ

УДК 330.354. С. Д. Бодрунов. **К новому индустриальному обществу второго поколения: образование и развитие личности.** Подчеркивается важная роль духовно-нравственной компоненты, образования и формирования личности в развитии нового индустриального общества второго поколения (НИО.2). Показано, что новые экономические лидеры – это технологические лидеры, обладающие высокой социальной ответственностью и гуманистической направленностью. Индустриальное производство должно приобрести характер непрерывной инновации с вовлечением в творческую инновационную деятельность широких слоев населения. Для ответа на глобальные вызовы в экономике России и ее социальной сфере, прежде всего – в образовании, должны произойти системные изменения.

Ключевые слова: НИО.2, инновации, духовно-нравственная компонента, образование, социальная ответственность.

УДК 330.354. Р. С. Гринберг, И. В. Стариков. **Россия и Китай: «Единая Евразия и Шелковый путь» как ответы на вызовы истории.** Анализируются предпосылки взаимовыгодного сотрудничества Российской Федерации и КНР в области транспортных мегапроектов; рассмотрены разнообразные шансы и риски. Основная задача – добиваться комплементарности проектов «Единая Евразия» и «Шелковый путь». Равноправие партнеров должно обеспечить позитивный эффект для обеих сторон.

Ключевые слова: мегапроекты, взаимовыгодное партнерство, исторические вызовы, инфраструктурные объекты.

ABSTRACTS

S. D. Bodrunov. Towards the new industrial society of the second generation: education and personal development. Sergey Bodrunov emphasizes the importance of morality, education, and personal development in the evolution of the new industrial society of the second generation (NIS.2) and demonstrates that new economic leaders are forged from technological leaders characterized by high levels of social responsibility and a humanitarian focus. Industrial production should incorporate continuous innovation and engage the general public in creative innovative activities. In order to respond to current global challenges, the Russian economy and the public segment, particularly the system of education, need to implement systemic changes.

Keywords: NIS.2, innovations, spiritual component, education, social responsibility.

R. S. Grinberg, I. V. Starikov. Russia and China: «the United Eurasia and the Silk road» as the responses to the challenges of history. The article analyzes the prerequisites for mutually beneficial cooperation between the Russian Federation (the RF) and the People's Republic of China (the PRC) in the field of transport mega-projects. Herewith, it is important to bear in mind the various chances and risks. The main task is to achieve the complementarity of the «The United Eurasia» project and of «The Silk Road» project. The equality of partners should provide a positive effect for both sides.

Keywords: megaprojects, mutual complementarity, common response to historical challenges, infrastructural facilities.

УДК 354.322. А. Е. Городецкий. Промышленная политика: вызовы нового индустриализма и неизбежность адекватного политико-экономического выбора. Раскрывается связь государственного регулирования и промышленной политики; прослеживается тема заката постиндустриализма, возвращения роли реального сектора и материального производства в национальных экономиках, репатриации промышленности в странах – лидерах западного мира; становления новой промышленной политики; раскрываются ее основные черты. Анализируются особенности российской промышленной политики, ее современные механизмы. Обосновываются условия, способствующие росту эффективности новой промышленной политики.

Ключевые слова: государственное регулирование, модель регулирующего государства, государство развития, новая промышленная политика, ее особенности за рубежом, санкции, реструктуризация, импортозамещение.

УДК 330.354. С. Н. Николаев. Непрерывное повышение качества организаций как основа развития экономики России. Рассматриваются основы качества организаций и их делового совершенствования. Подробно анализируются особенности европейской модели совершенствования EFQM. Предлагаются механизмы развития в России сети высококачественных организаций.

Ключевые слова: конкурентоспособность, ценности, качество организаций, модель совершенствования, инновации.

УДК 330.354. Н. Г. Яковлева. Коммерциализация российского высшего образования: историко-логические контрпункты. В работе выстроена историко-логическая цепочка, показывающая определенные закономерности развития российского высшего образования при сохра-

A. E. Gorodetsky. Industrial policy: challenges of new industrialism and inevitability of making an adequate political and economic choice. The article reveals the connection between state regulation and industrial policy, traces the theme of the decline of post-industrialism, the return of the role of the real sector and material production in national economies, the repatriation of industry in the leading countries of the Western world, the emergence of a new industrial policy, and reveals its main features. Features of Russian industrial policy, its modern mechanisms are analyzed. The conditions that contribute to the growth of the effectiveness of the new industrial policy are justified.

Keywords: state regulation, the model of the regulating state, its modification, the state of development, new industrial policy, its features abroad, sanctions, restructuring import substitution.

S. N. Nikolaev. Continuous improvement of quality of agencies is the basis of economic development of Russia. The article considers the foundations of the quality of agencies and their business updating. The particular qualities of the EFQM European Foundation for Quality Management are analyzed in details. The development mechanisms of a high-quality agency network in Russia.

Keywords: competitiveness, values, quality of agencies, updating model, innovations.

N. G. Yakovleva. Commercialization of Russian higher education: historical and logical counterpoints. The article builds an historicological chain which takes into account all current tendencies and delineates certain patterns in the development of higher education in Russia. N. G. Yakovleva consid-

нении существующих тенденций. Рассмотрены основные составляющие процесса коммерциализации высшего образования в России («очастнивание», превращение образования в образовательную услугу, а крупных университетов – в коммерческие корпорации, сращивание образования и бизнеса, глобализация образования) после распада СССР и перехода страны к рыночно-капиталистической системе хозяйствования. Определены основные угрозы коммерциализации образования (развитие элитарной модели образования, образовательный империализм, финансиализация), которым подвержены системы образования многих стран мира.

Ключевые слова: высшее образование, коммерциализация образования, финансиализация образования, глобализация образования.

УДК 338.012. Р. Р. Латыпова, В. В. Юшкова, А. М. Колесников. Проблемы развития инновационной активности предприятий. Рассматриваются факторы, определяющие развитие инновационных предприятий во внешней среде; определены государственные и рыночные регуляторы развития.

Ключевые слова: инновации, интеллектуальная собственность, институциональный подход.

УДК 330.354. О. В. Брижак. Корпоративный эмиссионный механизм и финансовый рынок: современные трансформации. Определены проблемы и перспективы процессов трансформации эмиссионного механизма и механизма финансового рынка, их влияние на возможности встраивания корпоративного капитала в преобразуемую систему национальной экономики. Актуальность темы исследования связана с необходимостью использования скрытого потенциала генерации эмиссионных возможностей корпоративного капитала и механизма финансового рынка.

ers main factors in the process of commercialization of higher education in Russia (privatization, transformation of education into an education service, major universities morphing into commercial corporations, merger of education and business, globalization of education) since the collapse of the Soviet Union and the country's transition to market capitalist economy. The article identifies main challenges associated with the commercialization of education (development of an elitist model of education, education imperialism, financialization of education) and explains that not only Russia, but the entire global system of education is susceptible to these risks.

Keywords: higher education, commercialization of education, financialization of education, globalization of education.

R. R. Latypova, V. V. Yushkova, A. M. Kolesnikov. Problems of development of innovative activities of the enterprises. In article it is given the factors defining development of the innovative enterprises in the external environment, the state and market regulators of development are defined.

Keywords: innovations, intellectual property, institutional approach.

O. V. Brizhak. Corporate emission mechanism and the financial market: modern transformations. In the article the problems and prospects of transformation processes of the emission mechanism and the mechanism of the financial market and their influence on embedding corporate capital to transform the national economy. The relevance of the research topic relates to the need to exploit the latent potential of generating emission of corporate capital and the mechanism of the financial market.

In the process of research, the author used the resources of the evolutionary and

В процессе исследования автором использованы ресурсы эволюционного и институционального подходов, политэкономической теории и возможности теории финансовой экономики.

Ключевые слова: корпоративный капитал, эмиссионный механизм, финансовый рынок, квазирынок, квазиинновации, российские корпорации.

УДК 330. 354. О. В. Барашкова. Оценка готовности регионов России к реиндустриализации: обоснование методики и анализ результатов. Предлагается оригинальная методика расчета индекса готовности регионов к реиндустриализации (ИГРР), с помощью которой проводится группировка регионов России на основании данных за 2015 г. Выделены четыре группы регионов по наличию в них условий для реализации стратегии реиндустриализации: регионы ядра и субъядра реиндустриализации и регионы полупериферии двух типов. Дана характеристика выделенных групп с точки зрения факторов, важных для выработки мер государственной политики в области реиндустриализации.

Ключевые слова: реиндустриализация, регионы России, индекс готовности регионов к реиндустриализации, сравнительный анализ регионов, типология регионов, пространственные аспекты социально-экономического развития.

УДК 330. 354. М. К. Ганиева. Анализ отдачи инвестиций и особенности инвестиционного развития нефтяной отрасли в современных условиях. Рассматривается современное состояние мировой нефтяной отрасли. Особое внимание уделено объективной оценке динамики объемов добычи нефти на мировом уров-

institutional approaches, resources, political economy theory and applications of the theory of financial Economics.

Keywords: corporate capital, emission mechanism, financial market, quasi-market, quasi-innovations, the Russian Corporation.

O. V. Barashkova. Evaluation of the readiness of the Russian regions to reindustrialization: the substantiation of the methodology and the analysis of the results. The article analyzes the problem of reindustrialization from the point of view of its spatial dimension. Regions – subjects of the Russian Federation – act as objects of analysis. The author suggests an original methodology for calculating the regional readiness index for re-industrialization and conducts regional grouping using the proposed methodology based on data for the year 2015. As a result, four groups of regions have been identified in terms of the extent to which they have the conditions for implementing the reindustrialization strategy – the regions of the core and the sub-core of reindustrialization and the regions of the semi-periphery of the two types. The characteristics of the selected groups are given in terms of factors that are important for the development of measures of state policy in the field of reindustrialization.

Keywords: reindustrialization, the regions of Russia, regional readiness index for reindustrialization, comparative analysis of regions, typology of regions, spatial aspects of socio-economic development.

M. K. Ganieva. Analysis of the return on investment and peculiarities of the investment development of the oil industry in modern conditions. The article considers the current state of the world oil industry, a parallel was drawn to the development in Russia. Particular attention was given to an objective estimating of the dynamics of oil

не, в том числе в Российской Федерации. Выявлена ее зависимость от инвестиций в отрасль с лагами запаздывания в мире на один год, а в России – на пять лет. На основе парной линейной регрессии построены модели, позволяющие прогнозировать объемы добычи нефти в зависимости от инвестиционных вложений в отрасль. Выдвинута гипотеза о взаимосвязи тенденций развития нефтяной отрасли с асимметричными циклами в экономике.

Ключевые слова: нефтяная отрасль, инвестиции, индикаторы развития, модель регрессии, лаги, цикличность развития.

УДК 330.101.4, 330.101.8, 330.88. С. В. Шачин, А. Ю. Шачина, Л. А. Комлева. Концептуальные основания промышленной политики современной России. Показано, что человек как существо, подчиненное законам природы, всегда должен рассматривать себя как существо более высокого порядка, которое должно действовать согласно законам свободы. При этом природа человека должна способствовать становлению его личности. Недоверие к интеллигибельной сущности человеческой личности на всех уровнях промышленного производства ведет к использованию неправильных методов управления, таких как поощрение и наказание. Вызванные этим страх и зависимость блокируют креативность и снижают собственную ответственность, что противоречит интересам производства.

Ключевые слова: удивление, свобода, нравственность, долг, личность.

УДК 311.312. А. Х. Ульбашев. Теоретические и методические основы оценки промежуточного потребления в межотраслевом взаимодействии инновационных производственных комплексов. Выполнен анализ на основе оценки промежуточного потребления в межотраслевом балансе экономических связей меж-

production both globally and also in the Russian Federation. The level of the oil production depends on investment in the industry with lags in the world of one year, and in Russia for five years. Predictive models based on the pairwise linear regression have been constructed, which make it possible to obtain forecast estimates of the volumes of oil production from investment in this sector. A hypothesis has been put forward on the relationship between trends in the development of the oil industry and asymmetric cycles in the economy.

Keywords: oil industry, investment, development benchmarks, regression model, lags, cyclically.

S. V. Shachin, A. Ju. Shachina, L. A. Komleva. Conceptual bases of industrial policy of modern Russia. The article shows that an individual as a human being subordinate to the laws of nature, at the same time must always consider himself as a being of a higher order, which should act according to the laws of freedom. Thus human nature must not interfere with, but rather contribute to the formation of his personality. Distrust of the intelligible essence of the human personality at all levels of industrial production leads to the use of improper management practices, such as rewards and punishments. Fear and dependence caused by this fact block creativity and reduce their own responsibility, which is contrary to the interests of production.

Keywords: surprise, freedom, moral law, duty, personality.

A. Kh. Ulbashev. Theoretical and methodological basics of intermediate consumption in intersectoral cooperation of innovative production complexes. The article applies estimates of intermediate consumption in intersectoral balance (in constant prices) to the assessment of economic ties between innovation-oriented industrial seg-

ду инновационно ориентированными промышленными отраслями Российской Федерации в постоянных ценах. Приведена обновленная методика расчета элементов I квадранта таблицы «затраты – выпуск» в постоянных ценах для получения реальных сопоставимых данных; представлены данные за 2014 г. (объединены виды деятельности, входящие в класс С ОКВЭД-2), которые стали основой для вычисления оценок показателей, характеризующих экономическое взаимодействие инновационно ориентированных промышленных отраслей. Рассчитана структурная матрица отраслей, элементами которой являются коэффициенты прямых затрат, характеризующие отношение объема продукта отрасли i , использованного в создании продукта отрасли j , к суммарному объему выпуска продукта отрасли j .

Ключевые слова: межотраслевое взаимодействие, межотраслевой баланс, таблицы «затраты – выпуск», промежуточное потребление, инновационная отрасль.

УДК 330.354. В. Б. Сироткин. Принуждение к рациональному поведению: ловушка деятельности согласно алгоритмам. Рассмотрены основные цели и средства алгоритмизации поведения субъектов и ее непреднамеренные результаты. Выделены отрицательные последствия принуждения к алгоритмам поведения.

Ключевые слова: поведение, алгоритм, принуждение, последствия.

УДК 332.14. С. Г. Пьянкова. Методологический подход к формированию и реализации документов стратегического планирования муниципальных образований. Обобщены теоретические подходы к оценке и повышению эффективности деятельности органов местного самоуправления; рассмотрены примеры зарубежного и отечественного опыта по формированию планов мероприятий (про-

ments of the Russian Federation. The author provides an updated methodology for calculating the elements of the I quadrant of the input-output chart in constant prices with the purpose of obtaining actual comparable data. Furthermore, A. Kh. Ulbashev presents input-output chart data for 2014 which combines OKVED-2 class C activity types. These data are used to calculate estimates of indicators that characterize the economic interaction of innovation-oriented industrial segments of the Russian economy. The author further calculates the structural matrix of industries, their elements including direct cost coefficients which characterize the ratio of output in one segment used in creating the total output of another segment.

Keywords: intersectoral cooperation, intersectoral balance, input–output charts, intermediate consumption, innovative industry.

V. B. Sirotkin. Coercion to rational behavior: pitfalls of following algorithms. V. B. Sirotkin considers main objectives and means of subject behavior algorithmization and their unintended results. He identifies negative consequences of coercion to behavioral algorithms.

Keywords: behavior, algorithm, coercion, consequences.

S. G. Pyankova. Methodological approach to the formation and implementation of strategic planning documents for municipalities. In the article the author summarizes the existing theoretical approaches to assessing and increasing the effectiveness of local self-government bodies; examples of foreign and domestic experience on the formation of action plans (programs) aimed at the development of the municipal

грамм), направленных на развитие муниципального образования и повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления; предложен методологический подход к формированию и реализации документов стратегического планирования муниципальных образований, нацеленный на создание взаимосвязи формируемых мероприятий и целевых показателей, на достижение которых они направлены; сформулированы базовые принципы и элементы методологии; проанализирована существующая нормативная правовая база по оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления; предложен механизм стимулирования (оплаты труда) работников органов местного самоуправления в зависимости от результатов реализации документов стратегического планирования муниципального образования.

Ключевые слова: муниципальное образование, методологический подход, эффективность, стратегическое планирование, документ, результат, оплата труда, органы местного самоуправления.

formation and increasing the effectiveness of the activities of local self-government bodies are examined; proposed a methodological approach to the formation and implementation of strategic planning documents for municipal entities, aimed at creating a relationship between the activities and targets to be achieved, to which they are directed; basic principles and elements of methodology are formulated; the existing regulatory and legal framework for assessing the effectiveness of local self-government bodies is analyzed; the mechanism of stimulation (payment of labor) of employees of local self-government bodies is proposed depending on the results of implementation of the documents of strategic planning of the municipality.

Keywords: municipal formation, methodological approach, efficiency, strategic planning, document, result, remuneration of labor, local self-government bodies.

*S. D. Bodrunov*¹

**TOWARDS THE NEW INDUSTRIAL SOCIETY OF THE SECOND GENERATION:
EDUCATION AND PERSONAL DEVELOPMENT
(excerpts)**

The academic community rarely discusses spiritual education and the role of morality in the formation of one's personality in the context of economic development research, and if the matter is addressed, it is typically done in passing. Nevertheless, these issues are definitely important, and their significance is constantly increasing.

...
The current stage in societal development, i.e. the transition towards the NIS.2, is commonly referred to as the new technological (new industrial) revolution. Who will benefit from it? In answering this question, we should steer clear of blatant technocracism and the assumption that future society will be exclusively technotronic. All changes should promote the wellbeing of humans established as the supreme value for civilizational development. We should take this axiom into account when designing our future and determining the path for technological process development.

...
Reforms in the system of education can be also assessed *as inefficient*. So far, changes in this field, in spite of receiving extensive support and resources, have failed to yield apparent positive results. Actually, according to international data, test scores of Russian high school students' and graduates' have been going down steadily. Concurrently, having several Russian institutions on the global Top 100 list is presented as a national overarching goal. These alarming trends are accompanied by a decline in public mores and virtues, which cannot be perceived apart from education as a system that not only transfers knowledge, but also serves as an instrument for molding personality traits.

The structure of the Russian economy, which was shaped during the post-reform period and is resistant to change, constitutes a profound reason for economic and social failures. The national economy lacks flexibility and is characterized by major dependence on natural resources, extraction and export of various primary materials, especially hydrocarbons. Unfortunately, we have experienced the institutionalization of this irrational and inefficient structure and its entrenchment both at the state level (manifested in laws, decrees, strategies, programs, etc.) and in the system of social behaviors (in people's stereotypical economic mentality and their economic outlook, especially among the young population), which creates a gap between current economic and social development objectives put forth by the public and the authorities and the means actually used to achieve these objectives. The resulting gap undermines Russia's competitive ability.

...

¹ *Sergey Dmitrievich Bodrunov*, Director of Institute of New Industrial Development (INID) n.a. S. Y. Vitte, President of Free Economic Society of Russia, Doctor of Economics, Professor.

Market fundamentalism ideology has also had an adverse effect on the spiritual foundation of social development. Without idealizing the Soviet past, I would like to point out that the iteration of capitalism which has formed in Russia since the collapse of the U.S.S.R. pits selfish interests of individuals, including their economic decisions, against the general public interest. If we fail to alleviate and resolve this conflict of interest, it can destroy the society and its material foundation - the economy - by developing and institutionalizing models of destructive opportunistic behavior.

...
But there is more to the issue. All new technologies, including information technologies which are aggressively penetrating not only the economy, but also social processes and even the daily routine (suffice it to cite the phenomenon of eGovernment, which has already become a part of regular people's and companies' operations), should be made available to those who will be producing qualitatively different products in the economy of the future; hence the need for the integration of production, science and education and the urgency of emphasizing the continuity of the educational process and lifelong learning.

We are moving towards a different economy and lifestyle, new objectives and opportunities in all spheres of life, so the society should be ready to face these changes resulting from colossal shifts in technologies, materials, processing, process management and administration. The system of continuing education should play a pivotal role in these matters.

...
I believe that Russia in general, the Russian economy and the Russian society have a fighting chance. In his work, Academician Sergey Glazev justifies the possibility of a technological breakthrough for lagging economies which could then be propelled to the level of top economies. A breakthrough is possible when the global economy transitions to a new technological mode subject to certain parameters and development factors. Without delving into scholarly analysis, I would like to point out that the time has come, and right now we have an opportunity for such a breakthrough. In order to respond to current global challenges, the Russian economy and the public sphere, particularly the system of education, need to act resolutely and quickly in implementing systemic changes.

R. S. Grinberg¹, I. V. Starikov²

**RUSSIA AND CHINA: « THE UNITED EURASIA AND THE SILK ROAD »
AS THE RESPONSES TO THE CHALLENGES OF HISTORY
(excerpts)**

Presently, China undoubtedly constitutes one of the most dynamically developing economies. Its success has ensured more than 25% growth in the global economy over the past years.

...
Currently, the Chinese government is opting for a rather logical path of creating demand for Chinese high technology products in foreign markets. The authorities are also developing their foreign economy strategies which involve the creation of an economic belt made of the Silk Road and Maritime Silk Route of the twenty first century.

...
China is starting the transformation of the global economic and political space and staking its claim to becoming a new center of the multipolar world order. Former Soviet countries, including Russia, and regional Asian powers, such as Korea, Japan, India, Iran and Turkey, are pushed into the force field of China, which professes more aggressive expansion of its goods, services and capital into the markets of developed European countries and states within the E.U. and U.S. sphere of influence.

In building a new Silk Road which bypasses Russia, China is gradually, but consistently diminishing the significance of Moscow. It will definitely further strengthen Beijing's position in bilateral relations and reduce the role of Russia on a global scale.

...
Unfortunately, Russia, unlike its eastern neighbor, so far has not developed a comprehensive project of its national and state future. The Russian economy is admittedly stagnating, and macroeconomic forecasts of the Russian Government and international financial institutions give little reason to be optimistic. Real disposable income is falling, poverty is on the rise, and we are observing characteristics of a deflationary spiral which blocks the hopes for reviving economic growth with the help of domestic consumer market.

As far as foreign policy goes, the West is imposing new sanctions, Russia is excluded or is on the verge of being shut out from major international political and economic institutions, and the country's geopolitical isolation is progressing. The situation is further exacerbated by the fact that a lot of former allies, i.e. countries in the socialist camp, including

¹ *Ruslan Semenovich Grinberg*, Research Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences and the Institute of New Industrial Development n.a. S.Y. Vitte, Corresponding Member of the RAS, Dr. of Economics, Professor.

² *Ivan Valentinovich Starikov*, Principle Research Associate of the Institute of Economics of the RAS, Full State Counselor of the Russian Federation, Ph.D. in Economics.

former Soviet republics, do not support and even oppose the Russian Federation on a number of issues since the anti-Russian sentiment is a major vector and driver of the formation, establishment and development of their national identities (which is particularly true of new post-Soviet states).

Thus, in the beginning of the twenty first century Russia as a nation and civilization is facing a number of critical geopolitical, political, geoeconomic, economic and social challenges.

...
Russia's inert development under the current political and economic model is highly likely to result in the breakup of the country and the end of its existence as a single historical and political entity in the next 5–7 years due to destructive tendencies established during the post-Soviet period and the aforementioned challenges.

...
In our opinion, Russia, as well as China, requires a major strategic positive focus which would help it to overcome the complex of national defeat and deepening depression. Problem statement prepared by us in paper format and entitled "United Eurasia project" establishes the direction for the modernization of Russia and stipulates the need to:

- create sociopolitical institutions which can ensure the rotation / modernization of the elites and provide an efficient response to complex modern issues;
- develop and implement economic / infrastructure megaprojects capable of resolving - completely or partially - historical challenges currently set before Russia;
- build the foundation for the formation of a new global geopolitical configuration where Russia will have its established place which will guarantee sustainable long-term partnership with other global players / political leaders;
- overcome subcivilizational ruptures within Russia and, consequently, boost / restore control over Russia's modern political space;
- overcome socioeconomic disproportions between various regions and macroregions and develop interregional horizontal ties;
- establish the foundation for qualitative limitation / decrease in Russian regions' / macroregions' dependency on external centers of influence and force;
- promote the buildup / revival of Russia's research and technology potential;
- check the ambitions of major geopolitical players, particularly China, which are penetrating niches that are traditionally and historically occupied by Russia.

...
Multivariance of the PRC's strategic development proclaimed by its leader Xi Jinping can be supported by Russia subject to joint implementation of the United Eurasia and Silk Road projects. In this case, the global transport corridor which opens vast opportunities for the entire world economy and encompasses consumer markets with the total population of 4bn people will rest on two pillars – Russia and China.

A. E. Gorodetsky¹

**INDUSTRIAL POLICY: CHALLENGES OF NEW INDUSTRIALISM
AND INEVITABILITY OF MAKING AN ADEQUATE POLITICAL
AND ECONOMIC CHOICE
(excerpts)**

For a long time, industrial policy has constituted an indispensable attribute of the Keynesian (and neo-Keynesian) regulatory state model. ... Postindustrialist theories have done a lot to promote the now dominant concept that the share of the real segment in the national economy of developed countries is dramatically decreasing, for it is retreating before the aggressively expanding services sector.

...
The global recession introduced major changes into neoconservative ideas and economic and political practices which reigned for over 30 years. For example, the tendency towards the rehabilitation of the real sector in particular and material production in general is currently gaining momentum. The very notion of postindustrialism is being devalued. As it turns out, in modern economies the industry does not yield its place to proverbial postindustrial society and does not become an outdated historical economic phenomenon. Its temporal and spatial movements and localization in certain segments of the global economy logically follow from a sharp increase in domestic and global competition which establishes its own rules.

...
New industrialization is a global development trend. We can overcome the current crisis and ensure sustainable long-term growth only through the renaissance of material production, real sector of the economy and industrial production, especially its processing segment, which should go hand in hand with innovative development. As we reassess our values, a sharp drop in the share of industry in the GDP is no longer perceived as definitely progressive, but comes to be seen as an erroneous premise and incontrovertible threat to sustainable development.

...
The new industrial policy correlates with the trends exhibited by the state regulatory system which favors indirect methods, encourages horizontal ties between leading actors of innovative processes, develops efficient formats for state/corporate and state/public partnership, including the creation of new markets and demand for novel and cutting edge products and technologies, and fosters entrepreneurial initiatives and a highly competitive environment. The latest industrial policy developments involve abandoning strong measures

¹ *Andrey Evgenievich Gorodetsky*, Dr. Sc. Econ., Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Institutes of Modern Economy and Innovative Development Division of the Federal State Budgetary Institution (FBGU) Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

in favor of a softer horizontal policy, taking steps to improve business environment and stimulating the flow of capital into certain economic sectors by increasing investment attractiveness. Policies on science, technology and innovations are closely intertwined and becoming an integral part of the new industrial policy.

Essentially, industrial policy will work only once it is incorporated into the strategic outline of state regulatory system (comprising development and security strategies) and, first and foremost, into strategic planning mechanisms at the federal level. ... The contradictory situation (which can be perceived if we analyze the consequences of the West's anti-Russian sanctions, response measures introduced by the Russian Federation, reindustrialization and import substitution trends) pinpoints factors that hamper industrial policy potential and conditions required in order for the policy to operate to the full extent.

Для записей

Для записей

Для записей

Для записей

Для записей
